

СБОРНИК ЗИМНИХ РАССКАЗОВ

Волшебная зима

Создан при поддержке
литературного журнала

ЧЕТВЕРГ

12+

**Ирина Ваганова
Олег Литвин
Feel Adelfia
Влад Костромин
Наталья Сапункова
Майя Гордеева
Анастасия Енодина
Татьяна Рябинина
Анелия Чадова
Martina Zorina
Ольга Горышина
Валентина Акимова
Ея Россо
Лада Кутузова
Елена Зикевская
Волшебная зима.
Сборник рассказов**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40487709

SelfPub; 2019

Аннотация

Зима – время волшебства и чудес. Эти дни хочется провести в теплой атмосфере, ведь холода хватает за окном. Заворачивайтесь в мягкие пледы, запасайтесь теплым чаем, а мы порадует вас историями, которые пропитаны атмосферой волшебства и праздника.

Содержание

Ея Россо, «Когда падают звезды»	6
Татьяна Рябикина, «Здравствуй, Дедушка Мороз!»	35
Анастасия Еножина, «Спасти варезки, обрести любовь»	44
Ирина Ваганова, «Костян»	76
Елена Зикевская, «Кабуки»	80
Влад Костромин, «Праздник к нам приходит»	83
Майя Гордеева, «Как ревность до любви доводит»	91
Martina Z	117
Feel Adelfia, «Дженга»	125
Анелия Чадова, «Праздник к нам приходит»	152
Лада Кутузова, «Валенки Деда Мороза»	202
Олег Литвин, «Мистика рождественских гаданий»	216
Наталья Путиенко, «С восходом солнца»	219
Наталья Сапункова, «Золотая рыбка»	225
Ирина Ваганова, «Чужой ангел»	242
Елена Зикевская, «Иван да Марья»	259
Анелия Чадова, "Двадцать лет спустя, или второй шанс на чудо"	263
Анастасия Енодина, "Рисунок"	270

Олег Литвин, «Новогодняя вечеринка»	278
Ирина Ваганова, «Бабка Ежка»	283
Валентина Акимова, «Возвращайся»	298

Ея Россо, «Когда падают звезды»

«Когда на небе загорается новая звезда – значит, на Земле родился хороший Человек. Когда Звезда падает и, умирая, скользит по Своду Небес, – это чье-то Сердце, обожженное пламенем Настоящей, но Безответной Любви, отдает свой Жар Любимому Человеку».

Часы пробили двенадцать. Темное небо за окном было по-зимнему холодным и далеким. Февраль. Алмазы звезд мерцали ровным светом, даря земле свое холодное сиянье. Вдруг одна из них сорвалась, но не сгорела мгновенно, подобно искре на ветру, а медленно заскользила по сине-черному граниту ночи.

«Странно, почему звезда так медленно падает?» – подумала Она, глядя из окна темной комнаты на звездное небо. В открытую форточку острыми морозными иглами врывались звуки ночи. «Одна минута первого», – мысль возникла ниоткуда. И неожиданно Она поняла, что давно уже не слышно звуков ночного города: глубокая тишина вошла в крохотный мир ее комнаты, словно живое существо, заполняя собой пространство.

Звезда, казалось, не спешила сгорать. Она словно отдавала кому-то свой последний и потому особенно яркий огонь. Как будто пыталась поведать миру свою историю.

Девушке у окна вдруг вспомнилось, что завтра, а вернее, уже сегодня, наступает День Святого Валентина. «А пока – и только для меня – ночь Падающих Звезд», – усмехнувшись, подумала Она и прошептала:

– Здравствуй, Падающая Звезда.

– Здравствуй, девушка у окна, – хрустальными брызгами ворвался в комнату ответ.

– Кто ты? – удивилась Она.

– Я – Падающая Звезда, – серебряными колокольчиками отозвался кто-то.

– Ты сгораешь... Почему?

– От любви и во имя любви.

– О, как бы мне хотелось так же, как ты ... – выдохнула Она отчаянно. – Так же сгореть, отдав всю любовь свою Ему.

– Это так просто для тех, кто действительно любит, – голос Падающей Звезды был нежен и ласков.

Она замерла в ожидании ответа.

– В Ночь Валентинок звезды не сгорают... Когда-то я также как и ты стояла у окна в такую же ночь. Мне было грустно и одиноко: тот, кого я любила всей силой души своей и болью своего сердца, меня не любил. И тогда я решила: пусть будет так, как есть. А я научусь ждать и стану ему путеводной звездой. И однажды, когда придет его время, подарю ему волшебство вечной любви, жар и силу своего сердца.

– У тебя получилось?

– Как видишь. В эту минуту Он стоит у окна и следит за

мною напряженным взглядом. С ним рядом его Мечта: та, что разожгла в нем пламя любви. Их желание обоюдное, но они оба боятся сами себя и своих чувств. И я счастлива, что могу исполнить мечту любимого, подарить ему веру в счастливое будущее.

– Тебе не страшно? Ведь ты умрешь...

– Падающие Звезды не умирают в эту ночь, но остаются в душах тех, во имя которых сорвались с неба. Настоящая любовь бескорыстна и не требует ничего взамен.

– А если... – девушка у окна не договорила.

– Попробуй... Сегодня волшебная ночь... И если желание твое велико, а любовь безгранична, ты станешь его путеводной звездой и однажды поведешь его за собой по дороге счастья.

Падающая Звезда скользнула совсем низко, почти задевая ночной горизонт. Но огонь ее по-прежнему был ярким.

– Прощай... – в последний раз еле слышно прозвенело в комнате. Звезда мигнула и растворилась, утонув в океане ночи.

– Прощай, Падающая Звезда, – прижав руку к сердцу, прошептала девушка у окна.

...Холодный ветер давно выстудил пустую комнату. Еле слышно позвякивали от легкого ветерка стеклянные льдинки бра над тахтой. В раскрытое окно влетали робкие снежинки. Стекло фотографии, оставленной на подоконнике, заиндевело, причудливой морозной рамкой обрамляя чье-то ли-

цо...

А высоко над землей, в холодном февральском небе, засияла новая звезда.

Ольга Горышина, «Варежка»

Календарь потерял последний листок. Где-то горели ёлки, а во дворе всё было по-старому, не празднично: машины на газонах, серость и хмарь. И даже снежные бабы скуксились и опустили руки-ветки. Снежок падал липкий. От него хотелось отплеваться. Но хоть какой на Новый год. Хоть такой...

Варежки намокли, но дворничиха продолжала упорно мести вокруг урны. Старой, железной, ржавой... В такую урну даже фантики от конфет из новогодних подарков не желали попадать. Все валялись рядом или вообще под самой дверью.

Рабочий день давно закончился. Воздух посинел, зажглись фонари. Жильцы спешили с работы. Кто-то даже здоровался:

– С Новым годом, тётя Маша! С Новым годом!

Да, старшее поколение знало её в лицо и по имени, и она помнила всех ещё трусившими в валенках с галошами. Где те времена... Эх... Нынешняя детвора про валенки не слышала, как и про то, что со старшими здороваться надо. Нет, некоторые под её строгим взглядом вспоминали все волшебные слова... Да, что там...

Дворничиха со стажем. Можно сказать, гордость двора!

Только те времена лишь она одна и помнила, да ещё дворник дядя Вася. Тётя и дядя давно бабой с дедом стали, да что там говорить. По возрасту только, а по статусу не сложилось. Одни они на белом свете, детей не нажили, своё бы дожить... Да метлу не потерять. Держали их из жалости. Пенсия – крохи, как тут проживёшь... Понаехали конкуренты. Чтобы мести, говорить по-русски не требуется. Ох...

– Гляди, мам, Баба Яга! Настоящая!

Тётя Маша без совка стояла. С одной метлой. Сгорбилась от моросли. Платок шерстяной по самые глаза натянула. Зыркнула из-под него. Девочка пальцем тычет, а мать её дальше по утрамбованной дорожке тянет. И санки следом так и прыгают. На каблуках мать, при марафете, без шапки, капюшон съехал... Фифа, а извинилась, промямлив что-то неразборчивое, и сразу в конец дома ускакала кузнечиком.

Вздыхнула тётя Маша тяжело. За бабу не так обидно, хоть и думы нерадостные нагоняет. А вот Баба Яга... Ну, какая ж она Яга! Вон, целый день на морозце с метлой, и хоть бы чихнула! Здоровье, позавидуешь. Хотя, что греха таить, вечером поясницу прихватывало, и платок с головы на спину перекочёвывал. А так, добрая тётя Маша была. Детей любила, в печь не сажала. Да только любовь нынче дорого показывать. Где тут конфет купить, чтобы детвору угостить, на рафинад бы к чаю хватило мелочи. Да и не позволяют теперь родители от всяких незнакомых бабок сладости брать. А за улыбку беззубую и глаза подслеповатые дети нынче не лю-

бят. Только и остаётся, что любовью братьев меньших жить. Развесила тётя Маша по всем деревьям кормушки из молочных пакетов и пшена подсыпает каждый день.

Вот и сейчас убрала рабочие инструменты под замок, пакетик из кармана достала и пошла свой зимний лес обходить. Каждую кормушечку проверила:

– Гули-гули, гуль-гуль-гуль. Я насыплю, ты поклюй.

Уже домой собралась. Глядь, а на снегу варежка лежит. Серая. Подняла, к глазам поднесла. Не покупная, вязаная. И размера внушительного, не детская. Решила на ветку повесить да передумала. Кто на деревья нынче смотрит! Все только под ноги глядят или в телефоны уткнувшись ходят. Отряхнула, в карман сунула и решила объявление написать. Дома старую тетрадку нашла, куда расходы за месяц записывала. Четыре листа выдрала, пополам сложила, оторвала – восемь записок написала. Кто потерял варежку, обращайтесь в квартиру 27. И развесила на дверях парадных. Хотя и тяжело спускаться-подниматься было с седьмого этажа без лифта. Даже к Новому году подарка жильцам не сделали, не починили...

Положила тётя Маша варежку на стол ближе к батарее, а сама чайник поставила, отогреться с улицы. Поздно уже. Скоро году конец, а у неё ничего не готово для гостя. Картошка в мундире с утра сварена и свёкла. Сейчас дядя Вася придёт с докторской колбаской и селёдкой, а у неё ни нарублено, ни начищено. За полночь сидеть не будут. Курантов

дождутся, и проводит гостя. Благо идти недалеко, в соседний дом через двор.

Только чай заварила, а уже звонят.

– Иду, Вася, иду...

Бросила на стол мокрое полотенце и зашаркала стёртыми подошвами в коридор. В глазок не глянула, так дверь распахнула. Стоит девушка неопределённого возраста. Может, и юноша даже. Под шапкой-ушанкой глаз не видать. Шарф по самый нос закручен, будто с настоящего мороза явилась. Пальтишко такое странное, из сиреневого драпа, будто из бабушкиного сундука вытащено, и валенки на ногах, с калошами.

– Вам чего? – насупилась тётя Маша и тихонечко так цепочку обратно дверь – дзинь.

– Здравствуйте, – голос девичий. – Я по вашему объявлению за варежкой.

– За варежкой?

Тётя Маша глаза прищурила. Ещё и полчаса не прошло, как объявление повесила. Явно не с добром явилась к старухе. Не с добром. Может, кто и прячется на лестнице. В щёлку не видать. Никогда тётя Маша не боялась, а тут испугалась. Брать-то у неё нечего. Одно единственное кольцо и то в ломбард давно сдала, когда в девяностых совсем туго было. Но по телевизору каких только страстей не покажут. Зачем только объявление написала! Ну не замёрзнет никто без варежки. Не те времена и не та погода! Только дверь девица

закрывать не даёт. Ногу подставила. Что тут делать?

С лестничной площадки тянуло холодом, но от настырной девицы легко не избавишься.

– Я по объявлению за варешкой, – повторила она неестественно звонко, будто в первый раз её не услышали.

Со слухом у тётки Маши порядок. И голова пока ещё светлая. Понимала она в ту минуту, что за дверь надо крепко держаться. И входная дверь не хлопнет, словно все уже у накрытых столов собрались. А рано ещё, рано. Салатики ещё строгают, поди, и в магазин особо забывчивые бегают. А их подъезд будто вымер. Ни души.

– А вы мне вторую покажите, – пошла детективным путём тётка Маша. Не зря телевизор вечерами гудит, не зря.

– Показала бы, да только боюсь, напугаю вас ей...

Тётка Маша глянула – рука у девицы в кармане, а что держит там, лучше не знать. Ох, кто ж двери, не глядя открывает. Вот глупая бабка! Да зубы б девице заговорить. Явно одна пришла. К бабке ведь, чего осторожничать. А время потянешь, может, кто по лестнице пойдёт. Тут уж добрым словом нерадивых ремонтников помянешь.

– Вы в волшебство верите? – выдала девица и в глаза заглядывает.

Неужто гипнотизировать собралась?! Наслышаны о таких

мошенницах, наслышаны... Тётя Маша глаза сузила, на карман глядит, взглядом драп прожигает.

– Верю, верю. Отчего ж не верить, да в такой день... – затараторила тётя Маша. Уж поглядим, кто кому зубы заговорит. – Я, может, тоже в своём роде волшебница. Волшебница чистоты.

Шевелит девица в кармане пальцами, что-то сжимает. Ох страшно-то как... Брр. Но тётя Маша – дворничиха, не таких в былые времена лопатой гоняла. Главное, в глаза не глядеть плутовке.

– Вон, люди мусорят целый день. Сорят, фантики до урны не доносят. А утром встают – чистота кругом. Будто и не мусорил никто. Вот какие мы, дворники.

Может, одумается девица, уйдёт. Бабку пожалеет.

– Ну раз вы тоже волшебница, то должны мне помочь. У меня беда случилась.

Ну так и поверила ей тётя Маша!

– Вы гнома когда-нибудь видели?

Ждёт, что заинтересуется бабка да глаза поднимет. Не дождётся!

– Как же не видела? В книжке да в мультиках. Старичок с бородой да в колпаке.

– И я видела, тётя Маша.

А имя откуда знает? Имя, вроде, в объявлении не писала! А кто дворничиху тут не знает? Выследила! Разузнала, что одна бабка живёт. Только пенсия давно была, и зарплата вся

к празднику потрачена. Чем разживиться-то хотела, проклятая?!

– Видела и даже в руках держала. Вот этих самых.

У тётки Маши аж сердце зашлось. Да, к счастью, пальцы у девицы пустые оказались, только красные. Отморозила, видать, без варежек. Только ж как обе руки-то сразу! Переодевала, что ли, часто, глупая? Может, и правда за варежкой явилась, да решила над бабкой подшутить в Новый год. Что ж, и она не промах. В детстве первой насмешницей была. Только доброй, не такой, как нынешние дети.

– И куда ж вы дели вашего гнома?

Как только тётя Маша решила подыграть, так сразу иначе на незнакомку взглянула. Девушка перестала пугать. Теперь она в несуразном наряде не вызывала ничего, кроме улыбки.

– Потеряла! Это для нас зима нынешняя не зима, а ему, крохе, и в минус один – страшный мороз. И знаете, что выдумал? – А глаза так и загорелись, будто у ребёнка. – Спички жечь, чтобы согреться. Ну как в сказке у Андерсена, знаете же?

– Знаю, знаю...

Кто ж эту грустную сказку не знает. Жалко замёрзшую на улице девочку... И эта вон, руки отморозила, бедолага. В дом пригласить. Чаем напоить. Да всё ж боязно. Кто б в подъезд зашёл, поспокойнее б было.

– Ну так я спички отобрала. Спички даже гномам не игрушки. И в варежку посадила погреться, да вот растяпа, по-

теряла. Поглядите, в вашей варежке гномик мой не сидит?

А нога всё на пороге.

– Вы постойте на лестнице, а я гляну.

Прежнее беспокойство вернулось к тётё Маше. Но девица ногу убрала и позволила двери захлопнуться перед её любопытным носом.

Отдать ей варежку и позабыть про всё. Поулыбались и довольно будет. Даже если не своё девица присвоит, не её то дело. Спокойнее будет, объявление снимет – никто больше не придёт. Взяла варежку от батареи, да, вот ведь пропасть, заглянула в неё. Ну прямо как ребёнок! Ясень день, пуста варежка. Никакого гнома.

Грозно шаркая старыми тапками, тётя Маша вернулась к двери. В глазок в этот раз поглядела, не подтянулись ли дружки. Дядя Вася пожаловал. Подле девицы стоит. И не позвонил.

– Вот варежка ваша, и ступайте гнома искать в другом месте, – командным голосом выдала тётя Маша.

Девица схватила варежку и ну в неё заглядывать. И лицо такое растерянное сделалось. Даже обиженное.

– Нет гнома.

– Конечно, нет, – подбоченилась тётя Маша. – Откуда гному взяться?!

– Может, вы, тётя Маша, по пути обронули его?

Голос жалостливый такой. Да не проведёшь бабку. Так и хочет в квартиру попасть. Может, наводчица? Да коль тако-

ва, то можно и показать, что ничего нет. Телевизор и то “Зенит”. И при дяде Васе не так страшно. Чего молчит-то? И только сейчас глянула на него. Пальто драповое серое со свалявшимся воротником оттопырилось слишком сильно.

– Что у тебя там?

Бутылку, что ли, лишнюю притащил? Да чего прячет-то?

– Иду. Сидит. Замёрз. Возьму, думаю. Новый год. Чего бедному мёрзнуть...

Девушка заглядывает за пазуху. Улыбается.

– Кого принёс? – продолжает вопрошать тётя Маша, хотя поняла уже. Второго пса приволок. Один у него дома сидит.

– А что мы тут топчемся-то! Проходите уже, проходите, – пробубнил дядя Вася и, будто к себе домой, дверь распахнул.

Девушка обрадовалась. Шмык, и в квартире. Стоит, оглядывается. А на что смотреть? Обои пузырями пошли. Зато на зеркале пастой морозный узор нарисован. Зубной щёткой выводила, как все прежние года.

– Да вы на кухню, девушка. На кухню, – хозяйничает дядя Вася.

А девушка на кухню заглядывает и в руках варежку жмёт.

– Я для начала гномика поискать хотела бы...

Пусть идёт. Кроме картошки и свёклы, ничего не найдёт. Было б что искать!

– Кто такая-то? – шепчет дядя Вася.

– А ты бы до того, как в дом приглашать, поинтересовался, болван, – шипит тётя Маша.

Вкратце беседу пересказала, и вдвоём на кухню направились. Дядя Вася впереди идёт, готовый принять огонь на себя. Девица на табуретке сидит, варежку баюкает:

– Гном по городу идёт. Тихо сказочку поёт. Как в далёком королевстве жило бедное семейство...

Глаза на стариков подняла. Улыбается. Блаженная какая-то...

– Спит гном, – и палец ко рту поднесла. – Плохо, тётя Маша глядели... Хотите я вам сказку расскажу, куда вы чайку согреете. Замёрзла я, пока гнома искала. Маленький, в незнакомом городе да ещё по-русски не говорит. Только и слышала от него... Крибле да крабле... Крабле да крибле...

И хихикнула, но не злобно, по-доброму. Тётя Маша аж головой покачала. Болезная, что ли...

– Вспомнила, как варежку обронила. Я ж птичек кормила. Кормушки вдоль дома висят, а у меня полные карманы крошек. Я вот пока их в ладошку вытряхивала, варежку и обронила. Хорошо, что вы её нашли. А то бы гномик вовсе потерялся и никогда не встретился с Дедом Морозом. Вы верите в Деда Мороза?

– Верю, верю. А чего ж не верить, – и дядю Васю за пальто дёргает. Мол, спорить с такими не надо.

– Да, да, – закивал старик. – Как не верить, верю. Да, да...

И наконец собачонку из-под пальто достал. Облезлая. То ли маленькая, то ли щенок. Скулит.

– Мороз-то он злой. Как в сказке.

Не раздеваясь, уселся на соседний табурет и затащил под нос песенку:

– Как хорошо, о боже мой, со стариком идти домой, покинув двор, где ты как вор и правит злоба... Вы, девушка, небось и песен таких уже не знаете...

Гостья плечами пожала и шапку стащила. Волосы прили-
занные в косичку стянуты.

– Вы бы оба пальто-то сняли.

Дядя Вася помог девушке раздеться и унёс вещи в прихо-
жую. Теперь не так тесно стало на шести квадратных метрах.
Занавески кружевные, что узор морозный, успевший подта-
ять за тёплый день. Дядя Вася авоську с селёдкой на стол по-
ставил, а пёсика в шапку уложил.

– Покормить надо, – буркнула тётя Маша, пробираясь
бочком к плите.

– Да я кусок колбасы уже дал.

Тётя Маша чиркнула спичкой. Запахло гарью.

– А мне гномик другую сказку рассказал про спички. Хо-
тите послушать?

– А вас что, милочка, дома не ждут? Новый год как-никак.

– Нет дома у меня, – пожала плечами гостья.

– Детдомовская, что ли?

– Нет, просто бездомная. Мой дом – вся земля... Сегодня
я здесь, завтра я там... Из сказки в сказку путешествую... А
сегодня вот в вашу попала с собачкой и селёдкой. Хотите, я
вам её почищу?

Старики переглянулись. Сумасшедшая или родители-алкоголики выгнали? С этой косичкой совсем девочка. А колготки-то “прощай, молодость” гармошкой на коленках собралась. Юбка клетчатая, кофта с кружевным воротничком. Такое и на помойке сейчас не найдёшь. Точно бабкин сундук открыла и ходит теперь посмешищем, а что делать, когда денег нет... Жалко девку. Накормим, напоим... Куда ей в ночь морозную одной. Сейчас какого только сброда на улицах нет.

Вот и чай на столе. Конфеты “Старт”. Печенье “Юбилейное”. Раньше полено покупали, а сейчас к зубам последним липнет.

– Сказку хотите? Я расскажу, – не унималась девица.

Гномика запеленала в варежку, не видать его – нет гномика. Напридумывала. А глаза то и дело скашивает, проверяет.

– Вот газетка тебе. Вот селёдка, – решила отвлечь бедняжку тётя Маша. – Успеется сказка твоя. Поедим сначала. “Оливье” любишь? Вот я пока колбаски порежу. А ты чисти. У тебя глазки зоркие, а я вечно косточку да пропущу.

Девица чистит, улыбается. И старики заулыбались. Вот и салаты готовы. За окном темно. Столбик термометра опустился. Зима вспомнила, что завтра первое января.

Три тарелки на столе, и вилки уже грязные. Шампанское не выдержали. Откупорили. Старый год проводить.

– Давайте сказку расскажу, люди добрые.

Вот неугомонная! Как из кухни перешли в комнату, так она варёжку с собой потащила. Телевизор включать не даёт, чтобы гнома не разбудить. А в телевизоре «Песни о главном»...

– Ну расскажи, расскажи, – сдалась тётя Маша и руки на коленях сложила, жалея, что курочку на банке не сделала. Вдвоём собирались посидеть и разойтись к своим телевизорам да спать. Завтра столько грязи с утра убрать надо будет. А тут вот, нате, гостья...

Поправила девица косичку щуплую и затянула:

– В одном маленьком городе жила-была девочка. Звали девочку Анной. Семья их была настолько бедной, что порой им нечего было есть...

Тётя Маша смотрит на девицу и головой качает. Анечка, значит. А она, растяпа, даже именем не поинтересовалась.

– Чтобы помочь отцу с матерью, девочка ходила по домам и продавала спички.

Глядит, а девица коробок успела с кухни прихватить и теперь трясёт им на все лады, и даже мелодия угадывается. Пять минут, пять минут... Даже в эти пять минут можно сделать очень много. Вон они вдвоём с ней на стол как быстро собрали. В руках у неё всё так и горит.

– Наступила зима. Снежная. Холодная. Люди покупали спички, чтобы зажечь дома каминны и свечи.

Она взяла и свет погасила верхний. Торшер зажгла.

– Зимой рано темнеет, и долгими зимними вечерами люди любят слушать сказки о лете – феях, гномах и волшебниках. Анна тоже любила сказки, только дома их редко рассказывали. Мать с отцом за день так уставали, что сразу ложились спать. И вот что придумала Анна...

Девушка прижалась к батарее. Замёрзла никак? Тётя Маша сама вздрогнула. Да тепло, кажется, в квартире.

– Каждый вечер девочка прижималась к холодной стене под чужим окошком, чтобы послушать чужую сказку. В этот раз история оказалась такой интересной, что Анна потеряла счёт времени.

Девушка вновь к торшеру метнулась и погасила.

– Наступила тёмная ночь.

И тут тётя Маша вновь забеспокоилась. Только что унести могла плутовка?! Ну не собаку ж в старой шапке!

– В домах зажглись окна, – торшер вновь вспыхнул, а на девушке оказался пуховый платок, в котором тётя Маша нынче двор подметала. – Проснулась злая стужа и спустилась из своего дворца на снежном облаке. – Девушка принялась вытанцовывать вокруг стола. Руки раскинула, плечами ведёт. Как фужеры только не посбивала! – И пошла стужа гулять по городу. Всё, к чему прикасался её ледяной жезл, тотчас покрывалось толстой коркой льда. Заиндевели окна, обледенели пороги, покрылись инеем деревья. И вот стужа незаметно подошла к дому, где слушала сказку Анна, и дотронулась до девочки ледяным жезлом, – Пальцы девушки легли на плечи

тёти Маши, но быстро исчезли. – Анна вздрогнула и тут же очнулась от сказочного летнего сна.

И тут у плясуньи голос изменился, совсем детским звонким стал:

– Ой, как же холодно. Будто кто коснулся меня ледяной рукой! Может, это была сама госпожа Стужа? – И вот опять привычным полувзрослым голосом затянула: – Анна обернулась, но никого не увидела. Стужа уже завернула за угол и отправилась морозить других людей, которые не успели спрятаться в тёплые дома, – И снова детским голоском: – Ой, уже ночь... Мне давно пора быть дома! Мама с папой беспокоятся.

И к двери девица направилась. Тётя Маша подскочила со стула:

– Куда это вы одна собрались? Далеко живёте? Вася сейчас живо проводит.

– Не надо, не надо, – замахала руками девица. – Вы вот собачку мне лучше дайте. С ней не страшно.

– Собачку... Это не она, а вы её защищать от госпожи стужи должны, – закричал дядя Вася со стула и под стол к собачке заглянул. – Далеко вам идти-то? Я провожу, – И со стула поднялся.

А девица в тёмную прихожую от двери заглянула и так жалобно пискнула:

– Стало совсем темно, и Анна не знала, куда идти... Она очень испугалась и начала плакать. Только слёзы на морозе

превращались в льдинки, и девочке становилось ещё холоднее.

Старики остановились. Она с ними говорит или сказку свою продолжает, и не поймёшь.

– И тогда девочка постучалась в чужой дом в надежде, что её обогреют.

– Так и говорю, оставайтесь! – вернула себе командирский голос тётя Маша и даже ногой для пущей важности притопнула.

Только девица будто не слышала. Она коснулась дверного косяка – тук-тук.

– Да только кулачок у Анны был таким маленьким, что стука его никто не услышал. А если и услышал, то подумал, что это ночной зимний ветер стучит оконной рамой. А где-то по соседним улицам ходил городской с фонарём и не знал, что в городе потерялась маленькая девочка.

Городской-то тут при чём? Неужто и правда воровка она? Только девица на пол опустилась и стала рыться в кармане, бубня под нос:

– Что же мне делать? Как же холодно. У меня же остались непроданные спички...

Достала спички, чиркнула и огоньком сумрак крохотной прихожей осветила.

– Буду жечь их по одной и освещать огоньком дорогу.

– Спички не жги тут, – выступил вперёд дядя Вася, но девица, будто не слыша его, потушила одну и зажгла следующую.

щую, лепеча:

– Только спички давали совсем мало света и быстро сгорали, обжигая маленькие пальчики. И вот Анна решила постучать в последний дом, хотя его окна тоже были темны. Никто не ответил. Она присела на порог и зажгла последнюю спичку, стараясь не заплакать, чтобы раньше времени не погасить огонёк слезами. И вдруг увидела в конце улицы свет от фонаря...

Девица подскочила и свет в прихожей зажгла.

– Это был городской. Анна испугалась, что городской подумает, будто она решила поджечь чужой дом. Она задула свою последнюю спичку и прижалась к двери, чтобы городской, проходя мимо, не заметил её.

И правда прижалась к стене. С лестницы донёсся шум. Дядя Вася, широко ступая, подошёл к двери и нагнулся к глазку: пусто. На другом этаже шумели.

– Городской не прошёл мимо, – продолжала за спиной девица. – Он направился к дому, подле которого пряталась напуганная Анна.

– Нет там никого, чего испугалась? – обернулся дядя Вася и руки в бока упёр.

– Господин городской, я честно-честно ничего дурного не делала, – залепетала девица, прижимая к груди свёрнутую варежку. – Я заблудилась в темноте и теперь мне холодно и страшно.

– Чего ты боишься, Аня? – подступила к девице тётя Ма-

ша.

– То что меня не пустят в дом и не обогреют. Но городской добрый. Это был его дом. Он пустил, обогрел и домой проводил.

– Адрес назови свой, Аня. Адрес помнишь? – уже совсем ласково, как с душевнобольными принято, начала тётя Маша.

– Нет у меня дома, – пожала плечами девица и поманила собачку. Та к ней подбежала, на руки прыгнула. – А собачку возьму.

– Куда возьмёшь-то, хоть скажи! – уже всполошился дядя Вася и потянулся к вешалке за пальто.

Сказочница продолжала сидеть напротив входной двери с собачкой в руках. Губы говорили сами по себе, пока руки теребили свалявшуюся шерсть.

– Когда утром горожане узнали, что в их городе чуть не замёрзла девочка, они решили, что теперь возле каждого дома ночью будет гореть фонарь, чтобы указать дорогу заблудившемуся и пригласить уставшего путника к очагу. Фонарик у дверей – это наше горящее сердце, способное согреть даже в самую лютую стужу.

– Как тебе помочь, Анечка? – склонилась над гостьей тётя Маша, но та молчала, сжавшись в уголке.

Тогда она на дядю Васю глянула – мол, помоги!

– Пусть до утра остаётся! – решил за всех дядя Вася, но пальто принялся застёгивать. – А я домой пойду. Засиделся

уже.

И тут тётя Маша заметила дырку на рукаве. То ли моль съела, то ли годы взяли своё.

– А-ну снимай. Заштопаю, – скомандовала дворничиха.

– И не подумаю, – заартачился дворник.

– Снимай, кому говорю!

– Да как же я без пальто пойду?! – начал сдавать позиции дед.

– А я тебе быстро зашью. А то ты так до следующего года с дырой проходишь!

Аня в уголочке заулыбалась. Рада, что оставляют, небось. Или потешается? Тогда тётя Маша на неё по-взросломуглянула – мала, мол, о стариковских делах судить.

– А вы куда ж, дядя Вася, на ночь глядя? – подала голос Аня. – Вот вы до утра и оставайтесь. Дивана-то два!

– Так и вас уже две тут.

– А я вот пойду. Мне в другую сказку пора, – и подскочила, как ужаленная.

Тётя Маша головой закачала:

– Тебе уж точно нечего ночью шастать по дворам с пьяными. Они у нас вовсе не сказочные в новогоднюю ночь.

– А я не одна. С псом я. Он меня защитит! – и в холодный нос смущённую дворнягу чмокнула.

– Никуда не пойдёшь, сказочница! – решила тётя Маша и бочком к двери продвинулась. Теперь только если приступом возьмёт, бедовая. – И сама сказала, не ждут тебя, – за-

пнулась на секунду, чтобы лишний раз не уколоть в большое место несчастную, – в другой сказке-то... До утра сказка твоя подождёт.

И тут лицо Ани изменилось. Будто смыла она чудаковатую улыбку. Серьёзной стала даже с тощей косичкой. Не узнать.

– Не то я вам, тётя Маша, сказала. Я сказала, что дома нет. А ждать-то меня ждут.

– А коль ждут, так пусть сюда за тобой приходят, – грозная стала, настоящая дворничиха-ударница. – А одну я тебя не выпущу... До утра.

Аня вновь улыбнулась. Сказочно так, по-детски.

– А мне недалеко надо. Мне в соседнюю квартиру.

Лицо тёти Маши вытянулось. Всех соседей по имени знала. Даже новых, чьи имена с первого раза и не выговорить. Спросила имя соседа – Аня назвала.

– Знаете, я желание под куранты загадала, – и в зеркало глядит с рисунком морозным. – Чтобы уголок у меня свой был. Муж у меня есть, дочке три годика. А квартиры нет, и денег на съём тоже нет. Вот так. Мама у меня далеко, с родителями мужа живём, а у них ещё дочь с мужем. На головах у друг друга. И к вам-то я не просто так пришла...

– А зачем? – прежняя подозрительность вернулась к тёте Маше.

– Квартиру попросить у вас снять. Обещаем платить больше, когда сможем... Мы очень стараемся, только пока слож-

но нам заработать много.

– Вы, кажется, адресом ошиблись, – голос тёти Маши утратил последние мягкие нотки.

Аня вновь по стенке на пол съехала, коленки обхватила.

– Понимаю, что странно звучит. Это Саша, ваш сосед, подсказал. Мы к нему на Новый Год пришли. Говорит, что вы всё одна живёте. И дядя Вася один, ему вот и рукав некому починить.

Дворник пальто успел снять, а сейчас скрутил, дырку пряча.

– Вот бы вам вместе жить, всё не так скучно вечерами, – тараторила гостья. – А вторую квартиру сдавать. И работать на холоде не придётся.

– А я работать люблю! – пробурчал дядя Вася. – Я без работы, может, жить не могу...

– Дядя Вася, а отдохнуть когда...

Но он отвернулся, и Аня замолчала.

– А про деньги я вам честно сказала. Тяжело нам зарабатывать. Актёры мы оба. Для детей играем. Но кому есть дело до наших доходов!

– И сегодня играла? Или издевалась над стариками? – гремела сверху тётя Маша, а Аня всё на полу сидела, подняться не решалась.

– Не ругайтесь, тётя Маша. Ну коль бы Саша нас к вам привёл с таким разговором, куда бы вы нас с первых слов послали?

Дворничиха молчала.

– То-то и оно... А так выслушали.

Глядит тётя Маша, а в руках у обманщицы скрученная варежка так и осталась.

– Варежку верни. Не твоя! – прогремела тётя Маша. – Вдруг хозяин объявление увидит.

Аня улыбнулась, вновь собачку к себе притянула и поднялась. Выше тёти Маши стала.

– Я и есть настоящая хозяйка. Когда в гости шли, дочка захотела птичек покормить. Ну я и обронила, да не заметила. Саша в магазин бегал, увидел объявление ваше. Ну я за варежкой пошла, а как вас увидела, решила, была не была, за спрос не бьют. Я надеюсь...

Плечами пожала и рассмеялась звонко.

– А вырядилась чего? – не прекращала допрос тётя Маша.

– Да не наряжалась я. Так и пришла. Мы с Мишей, мужем моим, детишкам сказку показывали. Это костюм мой.

– Что за сказку?

– Я же вам её рассказала, – заулыбалась ещё шире Аня, прижимая собачонку к груди.

– Собаку отдай, – вмешался онемевший от услышанного дядя Вася.

– Не отдам! – только крепче обняла дворняжку Аня. – Дочка собаку просит. А он такой милый.

– Некуда же вам! – протянула руки тётя Маша.

– Да он маленький... Чего уж там! Так всю жизнь ребёнок

без собаки и проживёт... С Новым годом, тётя Маша! Не сердчайте на меня. Я ж не со зла. И вы извините, дядя Вася. А собачку вашу я любить буду.

– С Новым годом, – пробурчала уже покладистее тётя Маша. – В Новый год грех злиться. Так злым его и проживёшь.

Закрыла она дверь за гостьей, цепочку накинула и руку протянула:

– Пальто-то дай починить. В Новый год с дырой не идут.

Календарь потерял последний листок не сам. Его оторвали маленькие ручки.

– Мама, Дед Мороз сегодня придёт!

Девочка спрыгнула с табуретки и наколола листик на нижнюю ветку ёлочки, стоявшей в углу на столике.

– Верно, придёт. Но сначала ты должна побыть Снегурочкой. Вот!

Девочка приняла небольшую коробочку.

– Это для бабы Маши, я знаю, – кивнула девочка по-взрослому.

– И деды Васи, – добавила мама.

Во дворе снег блестит. Чистота. Красота. Только фантик валяется. Девочка подняла и маме протянула. Та в карман сунула.

– Хочу птичек кормить! Птичек кормить!

Мама из пакетика крошек насыпала в варезку и подняла дочку к молочному пакету с дырочкой, а у подъезда фантик в урну выбросила.

– Саша, открой. Это мы с Любой, – сказала она в домофон.

Лифт поднял их на седьмой этаж. Девочка достала из пакета заветную коробочку. Мама нажала на дверной звонок.

– Кто там? – послышалось из-за двери, хотя в глазок явно уже поглядели.

– Снегурочка! – звонко выкрикнула девочка.

Одновременно со скрежетом замка раздалось такое же громкое, хоть и хриловатое:

– Вася, Анечка с Любашей пришли!

И вот уже чайник на плите, коробочка открыта.

– Мы с мамой делали, – провозглашает девочка, качая головой с примятым шапкой бантом.

А в руках у тёти Маши куколка войлочная с бородкой, в колпачке и кафтанчике зелёном. У тёти Маши даже слёзы на глазах навернулись.

– Чай же пережарится! – всплеснула руками хозяйка.

Девочка уже на колени к дяде Васе забралась.

– Деда, у тебя дырка на локте.

И тётя Маша вновь руками всплеснула:

– Что ж ты не сказал!

А Аня в прихожую глядит. На зеркале узор морозный нарисован щёткой, а над зеркалом обои новые и на них рисунки детские приколоты. Вновь звонок.

– Это папа! Это папа! – прыгает на коленях у старого дворника юная Снегурочка.

Аня сама открыла. Первой собака ворвалась. Зверь лохматый снежными лапами в кухню рвётся. Там под столом собачонка маленькая сидит.

– Гуанте! Назад! Варезка, сиди уже! Лось вымахал. Мне не удержать!

– Мишенька, чай проходи пить. А собаку в комнате запри. Пока пили чай, тётя Маша принесла девочке книжку в подарок. Та гордо зачитала название и добавила:

– А сегодня Дед Мороз придёт с подарками.

Тётя Маша расправила девочке бант.

– Засиделись со стариками. Саша вас уже заждался, небось.

Гости ушли. Тётя Маша со вздохом затворила засов, а потом улыбнулась и зашуршала тапками на кухню.

И вот уже куранты пробили. И следом дверной звонок. Гуанте зашёлся лаем. Маленькая собачка на мгновение перестала трястись от уличных выстрелов и понеслась к двери. Тётя Маша покачала головой и прошаркала следом.

– С Новым годом!

На лестничной площадке стоял Дед Мороз в расшитом серебряными звёздами синем кафтане. Гуанте подпрыгивал до курчавой белой бороды. Тётя Маша всплеснула руками:

– Дед Мороз приносит подарки только детям.

– Неправда ваша, тётя Маша, – забасил Дед Мороз. – Их

бабушкам и дедушкам тоже.

Тётя Маша приняла подарок и обняла деда Мороза. Крепко-крепко.

Татьяна Рябинина, «Здравствуй, Дедушка Мороз!»

Дед Мороз поскользнулся на мокром горбатом льду и сел в лужу. Мешок с подарками отлетел в одну сторону, шапка в другую. Борода съехала на бок, стыдливо обнажив юношеский подбородок. Вокруг моментально организовалась группка зевак: еще бы, спешите видеть, дедушка Мороз в луже! Но помочь никто не торопился.

Я подошла и протянула деду руку. Сапоги скользили, и подняться он смог далеко не сразу.

– С наступающим! – глупо сказала я, не зная, что бы еще сказать.

– И вас также, – приветливо откликнулся дед, отряхивая потемневшую от воды голубую шубу.

– А... где Снегурочка ваша?

– Снегурочка? – вздохнув глубоко, переспросил дед. – Похмельем мается. Слабовата оказалась. Не знаю, что и делать. Где же 31 декабря новую найдешь. А на сегодня девять заказов. – Он бросил на меня оценивающий взгляд. – Может быть... вы?

– Я?!

А почему, собственно говоря, и нет? Хоть отвлекусь от

мрачной действительности. За четыре дня до нового года начальник пытался забраться мне под юбку, получил локтем в нос и немедленно меня уволил. За три дня до нового года молодой человек, которого я уже мысленно именовала женихом, ушел от меня к моей же лучшей и единственной подруге – банально до оскомины. За два дня до нового года я обнаружила, что денежные ресурсы на критической отметке. Вот так и вышло, что в полдень 31 декабря я пребывала в самом отвратительном настроении и на лучшее даже не надеялась. И, тем не менее, решила хотя бы попытаться создать настроение новогоднее. Подобрать рядом с елочным базаром ветку, а если не повезет – украсить гирляндой кактус. Купить на скудные остатки финансов хоть какой-нибудь праздничной снеди. Разыскать в недрах шкафа вечернее платье и туфли на шпильке. В полночь чокнуться шампанским со своим отражением в зеркале, запалить бенгальский огонь, прожечь дыру на колготках, заплакать и лечь спать... Нет уж, лучше в Снегурочки.

– А... костюм? – уже соглашаясь, закапризничала я.

– В мешке, – заговорщицки подмигнул дед.

В ближайшем подъезде я натянула помятое атласное пальто с белой опушкой и шапочку с пришпиленной белокурой косой. Мою куртку дед затолкал себе в мешок. Я представилась, он на секунду задумался и отрекомендовался Лешей, студентом института культуры.

– Смотри, наливать будучи, так ты только делай вид, что

пьешь, – инструктировал он меня. – А то девять рюмок – это не фиг собачий.

Адреса были друг от друга далековато, передвигались мы на своих двоих или на трамвае, поэтому закончили только около шести вечера. Дежурное «Смотри, кто к нам пришел», ребенок, читающий стишок и докладывающий, что он был хорошим мальчиком (девочкой), вручение подарка из мешка и непременный подносик с рюмочками и закуской. Дед Леша лихо опрокидывал рюмочки, но абсолютно не пьянел, а я, хотя и пыталась только по чуть-чуть отпивать, все равно прилично захмелела. И даже начала подумывать о том, что дед, возможно, симпатичный, и, может быть...

«Может быть» не получилось. Когда мы вышли из парадного, вручив последний подарок, Леша протянул мне несколько купюр.

– Спасибо, Светик, – сказал он, запихивая в пустой мешок Снегурочкину шубу. – Ну, мне пора. К своей бабе Морозихе. С новым годом!

Я представила себе пустую квартиру с наряженным кактусом, и слезы брызнули из глаз, как у клоуна.

– Ну-ка постой! – нахмурился Леша. – Так не пойдет. Вот, держи, это тебя немного порадует.

Достав что-то из кармана шубы, он вложил мне в руку и быстро пошел прочь. Не успела я и глазом моргнуть, а его уже не было. Я посмотрела на то, что лежало у меня на ладони, и позорно заревела в голос. Это был «киндерсюрприз».

Мне безумно захотелось зашвырнуть его в ближайшую лужу, но что-то удержало. Положив яйцо в карман, я зашла в ближайший супермаркет и потратила все заработанные деньги. Купила шампанского, палку копченой колбасы, салатов, торт и даже ананас. Если уж все так плохо, хоть наймся. А там... там будет видно.

Ближе к двенадцати я сидела за столом перед телевизором и пила шампанское. В вечернем платье. На тумбочке стоял обвитый гирляндой кактус, а под ним лежал «киндерсюрприз» – вроде как елка с подарком. На старые дрожжи меня быстро развезло и потянуло на лирические песни. И в тот самый момент, когда я перешла от «Ой, то не вечер» к «Огней так много золотых», все и произошло.

«Киндерсюрприз» зашевелился, раздался тихий треск, и шоколад вместе с фольгой развалился на кусочки. В обломках сидело и дрожало крошечное зеленое существо, похожее на ящерицу.

«Финиш!» – успела подумать я и аккуратно припарковала физиономию в остатки оливье.

Когда я очнулась и высморкала горошины, ящерица уже выбралась из шоколадных обломков. Она сидела на тумбочке, задрав головенку, и внимательно разглядывала кактус. Я поморгала, пощипала себя за руку и даже стукнула по лбу – не помогло. Привлеченная звуками, ящерица повернулась в мою сторону. Она была похожа на симпатичного геккона, только совсем маленького. А еще – на те жалобные страхо-

людные игрушки, которые я так любила в детстве.

Промелькнула мысль о белой горячке и реактивном психозе, но почему-то не задержалась. Это ведь новый год, чего только не случится. И потом, может быть, я просто сплю? Зачем же тогда портить такой хороший сон, пытаюсь проснуться?

– Ну, дед Мороз!.. – пробормотала я и подошла поближе.

Ящерица широко распахнула огромные глазища – как в японских мультфильмах – и поползла к краю тумбочки, мне навстречу. Если бы я не подставила руку, она точно свалилась бы. Уютно устроившись на моей ладони, ящерица смотрела на меня, улыбалась, кивала головой и даже виляла хвостом.

– Кукушонок, да ты, похоже, принял меня за свою маму. Интересно, что я буду с тобой делать?

Мне показалось, что ящерица пожала плечами: мол, что хочешь, то и делай.

– А кормить тебя чем?

Она указала лапкой на стол, и я выпустила ее между тарелок. Исследовав ассортимент, ящерица поела овощного салата, надкусила ломтик ананаса и закончила трапезу сыром. Затем, встав на задние лапки, понюхала содержимое бокала. Шампанское ей явно не понравилось, и она поскребла коготками пакет с соком. Пришлось налить в блюдце. Напившись, она свернулась клубочком и уснула прямо на столе.

Прибравшись в комнате и помыв посуду, я устроила яще-

рицу на диванной подушке рядом со своей кроватью. Она так и спала – маленькая, гладкая, на ощупь похожая на кожаную сумку. Засыпая, я подумала, что утром новогоднее волшебство закончится. Проснусь – и ничего этого не будет. Только «киндерсюрприз» под кактусом. И потянется новый год. Тяжелый и унылый.

Но утром ящерица не исчезла. Пока я спала, она вскарабкалась на мою кровать и устроилась у меня на животе. Мне показалось, что она подросла. И правда, на ладони она уже не помещалась.

– Послушай, так ты скоро вырастешь в динозавра. Мне ж тебя не прокормить будет.

Ящерица замотала головой.

– Ты понимаешь, да? Понимаешь, что я говорю?

Она кивнула.

– Эх, жаль, что не говоришь. А может, и к лучшему.

Рассмотрев ящерицу со всех сторон, я так и не обнаружила никаких половых признаков, но почему-то была уверена, что это парень. Впрочем, на мой прямой вопрос она, а вернее, он кивнул утвердительно. И был немедленно назван Генной.

Потекли будни. Я нашла себе кое-какую работу на фрилансе – до тех пор, пока не подвернется что-то получше. Генна рос не по дням, а по часам и через пару недель уже стал размером с крупную кошку. Он и вел себя, как кошка – ходил за мной по пятам, терся об ноги, сидел у меня на коле-

нях, разве что только не мурлыкал. И я как-то совершенно не думала о том, что он вылупился из шоколадного яйца. Как будто подобные чудеса происходили со мной каждый день. И странное дело – было в нем что-то... умиротворяющее. Стоило мне посмотреть на его улыбающуюся лукавую физиономию, и я уже не думала ни о бывшей работе с гадом-шефом, ни о предателях Пашке и Ленке, ни о том, что денег едва хватит до следующего гонорара. А когда выходила из дома, сразу же начинала представлять, как вернусь обратно, и Гена встретит меня в прихожей, по-собачьи виляя хвостом.

Но однажды он меня не встретил. Обеспокоенная, я вбежала в комнату и увидела его лежащим на полу. Услышав мои шаги, Гена с трудом приподнял голову и шевельнул хвостом. Его огромные глаза подернулись мутной пленкой, от него веяло жаром, а спина опухла.

– Геночка, только не умирай! – заревела я.

Пометавшись по квартире, я нашла в кладовке оставшуюся от кота переноску, постелила в нее подстилку и уложила туда Гену. Время было уже позднее, но неподалеку была круглосуточная ветеринарная клиника. Прикинув свои финансовые возможности, я убедилась, что на визит должно хватить, даже с учетом ночного тарифа и экзотичности животного. Что будет потом? Ничего, как-нибудь. Протянем на макаронах и картошке. Правда, ему могут понадобиться лекарства... Тогда придется что-то продать. Украшения. Или что-то из бытовой техники. Лишь бы только он выжил.

Я представила, что Гена умер, и заревела еще громче. Он высунул из переноски голову и положил морду на мои руки. Я наклонилась и поцеловала его в лоб.

Вы думаете, что он тут же превратился в симпатичного молодого человека, которого заколдовала злая ведьма? И что у нас вспыхнула страстная любовь-морковь? Фу, какие глупости. Ничего подобного. Я уложила его обратно в переноску и понесла в клинику.

Дежурный врач был занят, и нам пришлось подождать в коридоре.

– Потерпи, Геночка, потерпи, – уговаривала я тяжело дышащего ящера.

– Вы мне?

Я подняла голову и увидела... Ну да, симпатичного молодого человека в зеленой хирургической пижаме.

– Что вам? – не поняла я.

– Ну, вы сказали «потерпи, Геночка». Я подумал...

– Да нет, это я ему.

Я вытащила Гену из переноски и осторожно положила на смотровой стол.

– Что... это? – сдавленно спросил ветеринар.

– Ваш тезка, – всхлипнула я. – Ящерица. Ящер.

– Впервые такую вижу. Откуда он у вас?

– Подарили.

Не рассказывать же, в самом деле, что он вылупился из

подаренного дедом Морозом «киндерсюрприза».

– Ладно, будем смотреть.

Гена-ветеринар подошел к Гене-ящеру, и в этот самый момент две чудовищного вида багровые опухоли на спине ящера лопнули, и из них прорезались... два крыла. Гена осторожно расправил их и посмотрел на нас с нескрываемой гордостью. Словно и не он только что выглядел умирающим.

– Да это же... дракон! – ахнул Гена-ветеринар.

Гена-дракон лукаво прикрыл один глаз и кокетливо попытался выдохнуть пламя, но получилось несолидно, что-то вроде огонька зажигалки. Он смутился и прикрыл морду крылом.

– Ничего, научишься, – рассмеялась я...

Дальше? А дальше, собственно, ничего интересного. Дракон оказался карликовым, дорос до размера бульдога и остановился. Летает по квартире и не слишком переживает, что на улицу мы с Геной выводим его только поздно ночью. А вот спать предпочитает в ногах у него, а не у меня.

Да, вот еще что. На той неделе, перед самым новым годом, мы с Геной-старшим ходили в загс подавать заявление и встретили по пути деда Мороза.

– С новым годом! – проходя мимо, улыбнулся в бороду дед Мороз.

– Ты что, его знаешь? – спросил Гена.

– Может быть, – ответила я.

Анастасия Еножина, «Спасти варежки, обрести любовь»

Люди часто полагают, что чудеса под Новый год особенно часто случаются оттого, что это волшебное время. Они с замиранием сердца ждут светлого праздника, заранее, а порой излишне заранее, готовятся к нему: покупают и красиво упаковывают подарки, прогуливаются по магазинам, разглядывая ёлочные украшения и приобретая особенно понравившиеся, а также начинают объедаться ароматными ярко-оранжевыми мандаринами, которые пахнут праздником ничуть не хуже ёлок. Предновогодняя суета – прекрасная пора, и, надо признать, что она пробуждает желание больше творить добро не только в людях, но и у помощников высших сил, таких, как Бедотворцы.

Эти забавные проказники зачастую и становятся истинной причиной роста числа чудес под Новый год, ведь именно в это время Бедотворцы соревнуются между собой и стремятся сделать как можно больше полезного. Да, они не наряжают в своих домах ёлки, но праздник этот тоже любят провести с размахом, принося счастье всем, кто к нему готов.

Кажется, в канун этого Нового года к счастью была готова Света Ерохина. И не только она.

И вроде бы это была не столь сложная задача для опытного Бедотворца: встретить двух людей, живущих в одном квартале, но он всегда старался делать свою работу эффективно, красиво и необычно, чтобы пары, которым он помогал, потом могли всем рассказывать удивительные тёплые истории своих знакомств, поражаясь при этом случайностям и судьбоносным стечениям обстоятельств.

Зима в Питере – странное время года, от которого можно ожидать любой пакости. Время, когда в прихожей висят и осенние куртки, и зимние пуховики, и все их поочерёдно приходится носить. Сегодня так вообще Свете пришлось взять с собой зонт, поскольку намечалась оттепель, и вместо пушистого радующего глаз снега с неба капали противные мокрые капли, стирая с газонов снежный покров и превращая его в грязное месиво.

Света накинула куртку, улыбнулась себе в зеркало, крикнула маме, чтобы та закрыла дверь, и вышла на улицу. Показалось, что воздух тёплый, его температура не ощущалась, и это было совсем не по-зимнему. Посмотрев в ясное небо, ещё только начинающее светлеть, девушка решила, что ещё не поздно вернуться и забросить зонт домой, поскольку носить с собой лишние вещи она не любила.

Позвонив в дверь и дождавшись, пока мама откроет, Света протянула ей зонт со словами:

– Сегодня походу дождя не будет. Обманули опять.

– Заходи, через порог не передают, – улыбнулась светло-волосая приятная женщина. – И в зеркало посмотришь, возвращаться – плохая примета.

Света шагнула в квартиру, отдала маме зонт и посмотрела на себя в зеркало, показав себе язык и состроив рожицу. В приметы она не верила, но полюбоваться на себя лишний раз не было сложно.

Девушка, наконец, направилась к маршрутке, чтобы добраться до места учёбы. Но явно сегодня что-то пыталось задержать её, поскольку около соседнего дома ей повстречался небольшой симпатичный котёнок, который жалобно мяукал и поджимал лапки от холода, поскольку даже этот тёплый зимний день казался маленькому созданию холодным.

Света поспешно сняла свои новенькие варежки, которые надела чисто по привычке при выходе из квартиры, и протянула руку котёнку, чтобы подманить. Зверёк доверчиво приблизился к девушке, и та сразу взяла его на руки. Милое маленькое страждущее создание – мимо такого нельзя пройти, если носишь гордое звание "человек".

Чёрно-белый, забавный и такой напуганный... У Светы даже не было вариантов, что делать дальше.

– Пойдём домой, котофей, погреешься, – ласково поглаживая черную шёрстку, предложила девушка, которая всегда мечтала вот так встретить и помочь какому-нибудь подкинутому ей судьбой зверю, но никто ей, как назло, не попа-

дался до сегодняшнего дня. – А вечером я домой вернусь, и мы поищем твоих хозяев... – и она расстегнула куртку и посадила котёнка за пазуху.

Махнув рукой на первую пару, девушка вернулась домой и передала котёнка удивлённой маме, которая как раз тоже собиралась выходить из дома на работу и смотрелась в зеркало, прихорашиваясь перед выходом. Увидеть этим утром дочь вновь, да ещё с котом она не ожидала, но, надо отдать ей должное, не растерялась.

– Ладно, оставь пока, некогда разбираться, и так опаздываю, – вздохнула женщина. – И ты, кстати, тоже опаздываешь! Пойдём быстрее!

Света посмотрелась в зеркало, поправляя волосы, улыбнулась растерянному котёнку и, покинув квартиру, вновь отправилась к маршрутке.

Сунув по привычке руки в карманы, девушка обнаружила, что в одном из них варежка есть, а в другом – нет. Первой мыслью было, что вещь потерялась, когда она приманивала котёнка. Тогда она сняла варежки, а потом стало не до них...

Проходя мимо того места, где она встретила котёнка, девушка высматривала свою утерянную варежку, которую никак было не найти. Света даже несколько раз прошла туда и обратно, пока искала её, но толку не было.

Девушка печально вздохнула. Нынче принято держать город в чистоте, и какой-нибудь излишне принципиальный дворник мог просто выбросить лежащую на дороге вещь.

Вряд ли бы кому-то пришло в голову забирать одну, пусть и очень красивую, варежку себе. Света прошла ещё раз, на этот раз всматриваясь в облысевшие к зиме кусты и деревья, но и на них варежки не наблюдалось. А жаль, была ведь надежда, что кто-то добрый подобрал и повесил её на видное место.

Погрустневшая девушка пошла всё-таки на маршрутку, и в ней печально смотрела на оставшуюся варежку.

Было обидно. Такая красивая: из овечьей шерсти, светло-бежевая с ярко-голубым орнаментом. Теперь она осталась без пары, и можно было выбросить её, но девушка этого не сделала. Она всегда верила в лучшее и полагала, что варежка ещё может найтись.

Возможно, она потерялась дома, когда Света возвращалась из-за котёнка, и вечером отыщется там.

А, может, и нет. Может, плохие приметы всё же работают?

Вечер выдался таким, что Света пожалела о неправильном выборе одежды. Не стоило надевать куртку... Подморозило так сильно, что дороги превратились в сплошной каток, а в маршрутку была такая очередь, что девушка совсем замёрзла, пока ждала.

И хоть по дороге удалось согреться, стоило выйти на своей остановке, как мороз начал щипать щёки и руки, так что пришлось надеть уцелевшую варежку, а вторую руку спря-

тать в карман.

Света торопливо шла к дому по той самой дороге, на которой нашла котёнка, и вдруг взгляд её упал на знакомую вещь, которую она совершенно не чаяла встретить здесь – свою варежку. Ведь девушка всё тут обсмотрела, и её не было!

Мороз не позволил излишне долго раздумывать над странностью появления варежки. К тому же Света очень обрадовалась находке, хоть в душе и рассчитывала, что варежка отыщется дома. Но главное, что она нашлась!

Девушка поспешно присела на корточки рядом с ней. И как можно было не заметить её? Вот же лежит – на видном месте, на ровном льду – издали видно!

Но всё оказалось не так просто.

Варежка поутру упала в лужу, и теперь оказалась намертво вмёрзшей в лёд. Это Света проверила несколько раз, попытавшись оторвать её ото льда, а потом ещё попинав носком сапога скорее от обиды, а не ради результата. Всё впустую. Без какого-либо инструмента варежку было не освободить, так что пришлось отправиться домой.

Радость от того, что вещь найдена поутихла, оставив место для обиды. Ну вот как так-то?! Уже и нашла, а взять не получается!

С порога Света попросила у родителей монтировку, не раздеваясь и даже не снимая обувь: она собиралась идти спасать варежку немедленно.

– Тебе зачем? – опасливо спросила мама.

– Вроде ж у молодёжи биты в ходу, – усмехнулся папа. –

Зачем монтировка-то?

– У меня варежка утром потерялась, а сейчас в лёд вмёрзла, – пожаловалась Света, пропустив шутки мимо ушей. – Надо сходить и выколотить, а то вдруг оттепель будет, и дворник мою варежку на помойку выкинет... – она придала голосу наиболее печальную интонацию, надеясь, что выколавывать пойдёт папа.

– Я не пойду никуда, – сообщил он, верно поняв её намёк. – Из-за твоего кота и так пришлось в зоомагазин мотаться после работы. Никуда твоя варежка до завтра не денется.

– А вдруг денется?! – возмутилась таким наплевательским отношением Света. – Она мне нравится, где я такую потом куплю?

– Ну сходи тогда, – предложила мама. – Олег, дай ей монтировку, пусть сходит! Хочешь, я с тобой?

– Не хочу, – ответила Света, которая считала, что раз папа не пошёл, это должно остаться на его совести, и она пойдёт одна одинёшенька за своей варежкой.

Папа, в котором совесть не заговорила, ушёл в кладовку и вернулся с монтировкой.

– Не сломай, смотри, – усмехнулся он, вручая инструмент дочери.

Света в ответ состроила рожицу и отправилась выручать

варежку.

Однако её ждал весьма неожиданный и неприятный сюрприз: к искомой вещи было не подобраться, поскольку то место, где её угораздило вмёрзнуть, оказалось под днищем чьей-то машины. Этого следовало ожидать! Света огляделась и поняла, что просто по стечению обстоятельств машин здесь не стояло ни, когда она теряла варежку, ни, когда нашла.

Скорее всего, утром она и не смогла найти её именно потому, что не вовремя приехали и припарковалась машина, пока Света ходила с котёнком домой.

– Что ж за непруха-то! – возмутилась она, но присела на корточки и попыталась дотянуться монтировкой до варежки.

Выходило не очень ловко: подлезть не получалось, да и машину чужую повредить не хотелось.

Света вздохнула и призадумалась. Если принести бутылку с горячей водой и полить варежку, то тогда будет проще выковырять её монтировкой! План казался гениальным, и Света вернулась домой за бутылкой.

Несла её до машины за пазухой, чтоб вода не успела быстро остыть. Присела возле машины, протянула руку под днище и начала лить, однако лёд так просто растопить не удавалось. Потратив всю воду, Света отшвырнула пустую бутылку и принялась орудовать инструментом, как неожиданно рядом с ней раздался незнакомый насмешливый голос:

– Вы выглядите загадочно, копаясь с монтировкой под мо-

ей машиной.

Света от неожиданности вздрогнула, обернулась и выронила из рук инструмент, который с тихим звоном упал на обледенелый асфальт.

Девушка посмотрела на стоявшего перед ней парня и ничего не ответила, смерив его недовольным взглядом.

Парень смутился от такой недружелюбной реакции и присел на корточки рядом со Светой, с любопытством вглядываясь в её лицо. Она была красива, только смотрела недовольно, словно хозяин машины уже успел перед ней провиниться.

Света тоже оглядела парня. Он показался ей обычным. Не красивым, но и не отталкивающим. Возможно, она бы сочла его симпатичным, если б он своим насмешливым комментарием не напугал её.

– Помогли бы лучше, – сказала она, наконец.

– С удовольствием помогу, – с готовностью отозвался незнакомец. – Только пока не понимаю, что вы делаете.

– Варезку хочу достать из-под машины вашей, – пояснила Света.

– Это так трудно? – приподнял бровь парень. – Вы давно тут, я из окна видел.

– Это нереально трудно, потому что машина мешается, а варезка в лёд вмёрзла! – недовольно поделилась своей проблемой девушка, потрянув волосами.

– Ясно, – кивнул парень. – Давайте я отгоню машину и

вызволю вашу варезку.

Он улыбнулся, стараясь разрядить обстановку, и Света радостно улыбнулась в ответ отзывчивому парню. Она вообще была отходчивой и редко сердилась, да и сейчас скорее от растерянности и неожиданности повела себя неприветливо.

Света подняла монтировку, они встали, парень нажал на кнопку брелка, и машина приветственно пикнула.

– Садитесь, подождите, пока я всё сделаю, – предложил парень, открывая дверь перед Светой.

Девушка, чьи руки, да и уши начинали мёрзнуть, от такого предложения не отказалась. Она села на переднее сиденье, парень закрыл дверь, обошёл машину и сел за руль.

Он включил магнитола, и из динамиков полилась бодрая весёлая музыка. Не будь Света знакома с водителем лишь несколько минут, она бы непременно начала пританцовывать и подпевать, но сейчас ничего из этого не сделала, лишь широко улыбнулась.

Парень завёл мотор и отъехал с того места, где вмёрзла варезка, затем вышел из машины, взяв из рук Светы монтировку, и принялся высвобождать варезку изо льда.

Девушка в это время сидела и разглядывала окна близстоящего дома. Какие у всех разные занавески! Цветные, порой яркие. Света любила такие, когда училась в школе, но потом устала от резких цветов.

Воспользовавшись тем, что парень вышел из машины, Света начала тихонечко подпевать и слегка пританцовывать.

Она даже увлеклась этим, не замечая, как одна песня сменилась другой, а потом третьей.

Девушка пребывала в прекрасном расположении духа. Варежка найдена, сейчас её вызволят, да и к тому же парень оказался вполне приятным, а встретить приятного человека уже удача и залог хорошего настроения.

Света опомнилась, когда случайно увидела, что парень стоит за окном, смотрит на неё и улыбается. Улыбка шла ему, поскольку была доброжелательной и открытой.

Девушка не смутилась, но замерла и пожала плечами, мол, да, вот такая вот я.

Парень открыл дверь и сел в машину, протягивая Свете монтировку и пакет с варежкой.

– О, в пакетике! – обрадовалась и удивилась девушка, которая сама не продумала вопрос, в чём понесёт мокрую варежку домой.

– Да, случайно у меня оказался, – улыбнулся, глядя на счастливую Свету, парень. – Всё равно ж вам варежку стирать придётся. Просто пакет из-под сухого кошачьего корма...

– Вы его с собой носили? – уточнила Света.

– Ну да, так вышло, – кивнул парень. – Я ж не из-за вас вышел на улицу. У меня котёнок пропал, вот, ищу его... с кормом...

– Котёнок? – оживилась Света. – Такой, чёрный с белым носом?

Парень удивлённо посмотрел на неё и кивнул:

– Ага, такой.

– Он у меня дома, – ещё больше обрадовалась Света, замечая, как удивляет собеседника ещё сильнее. – Я ж из-за него варежку тут и потеряла! Пойдёмте, я вам отдам его! – и девушка открыла дверь, готовая выйти.

В салон ворвался холодный воздух, и Света тут же поёжилась.

– Я так не могу, – растерянно ответил парень. – Я в домашних штанах вышел, как я в чужой дом в них пойду?

Света усмехнулась:

– Я ж не в гости зову, а по делу! Никто штаны ваши разглядывать не будет!

Парень сомневался, но Света смотрела на него так скептически, что он ощутил, что и правда сморозил глупость.

– Хорошо, пойдёмте! – и он тоже открыл дверь.

Они направились к Светиному дому, и девушка всё поглядывала на своего спутника, но молчала.

Симпатичный он всё-таки. Только не знакомится. Эх...

– Срежем тут, – сказала Света, указывая на обледенелый газон, который вечно был затоплен водой даже в сухую погоду, и оттого теперь превратился в каток.

Парень возражать не стал, и они свернули на лёд.

Света, как обычно, была на каблуках. Не очень высоких, но всё же тонких, совсем не приспособленных для хождения по подобному покрытию. Девушка стала замедлять шаги, по-

чувствуя, что слишком уж скользко, но это не помогло ей удержать равновесие, когда подошла одного сапога заскользила по ледяной глади.

Света вскрикнула от неожиданности, но парень не позволил ей упасть, ловко подхватив под руку.

– Держитесь за меня лучше, – посоветовал он ей, тепло улыбнувшись, чтобы развеять неловкость.

Девушка благодарно кивнула и пошла под руку со своим спутником.

– Как вас зовут? – спросила она, поскольку ей стало как-то неудобно за себя, и оттого захотелось поговорить, а заодно и познакомиться, раз сам парень не мог до этого догадаться.

– Илья, – представился он. – Можно на "ты", я не старый.

Что он не старый, Света и так видела, и на "ты" не обращалась вовсе не из-за предполагаемого возраста, а потому, что хорошо воспитана.

– Света, – ответно представилась девушка и решила вдруг пооткровенничать: – Знаешь, я раньше не парилась, и встретить я тебя пару лет назад, точно бы сразу начала "тыкать". А потом как-то стало нравиться более... серьёзное общение.

– Наверно, ты просто повзрослела, – пожав плечами, вновь улыбнулся он.

– Наверно, – усмехнулась Света. – Забей.

Парень не стал продолжать тему, и дальше они шли молча, пока не добрались до Светинового подъезда.

Девушка достала ключи и открыла дверь. Илья придержал её, пропуская Свету вперёд, и они поднялись по лестнице на второй этаж.

– Привет, мам, это – Илья, – представила парня Света открывшей дверь маме. – Он помог мне перчатку достать.

– Проходите, – улыбнулась женщина, и ребята вошли в квартиру.

Света отдала маме пакет с варежкой, поставила в уголок монтировку и продолжила пояснять:

– Прикинь, это он котёнка потерял, – кивнув на парня, сообщила девушка. – Вот, пришёл забрать. Папа! – крикнула Света в сторону комнаты. – Кота тащи, хозяйина я нашла!

– Отлично! – отозвался мужчина и спустя минуту появился в коридоре с котёнком на руках. – Хоть нашла хозяйина котофея, а то я думаю: долго ты что-то со своей варежкой возишься.

Он поздоровался с гостем, передавая животное в руки парню. Тот принялся чесать за ушком своего кота, при этом мило улыбаясь, но девушка как раз пропустила этот трогательный момент, поскольку укоризненно смотрела на папу. Она считала, что она – молодец. Отлично справилась со спасением варежки, пусть и с помощью Ильи.

– Варежка была под его машиной, – она кивком указала на парня. – Пришлось отгонять.

– Под машиной? – неожиданно оживился папа. – О, Илья, раз у тебя есть машина, должна быть и зарядка для аккумуля-

лятора? А то у меня сел ни пойми с чего. Вроде ж нормально всегда держал, да и мороз-то не такой уж сильный, а раз – и всё. Хотел как раз у кого-нибудь попросить...

– Зарядник есть, – ответил Илья, непонятно чему обрадовавшись.

Не то тому, что сможет помочь добрым людям, приютившим в этот морозный день его кота, не то оттого, что ему не хотелось так просто завершать общение с этой симпатичной забавной девушкой. Так что зарядка для аккумулятора пришлась как нельзя кстати не только для Светиноного отца, но и для Ильи.

– Я могу принести, – предложил он.

– Спасибо, – улыбнулся мужчина. – Свет, сходи, а? – обратился он к дочери. – Не одеваться же мне... и не гонять же парня... – и обратился к Илье: – Ты ей вынеси его, а я завтра занесу, лады?

Света подумала, что отцу стоило бы согласиться на предложение Ильи принести зарядное устройство, а не отправлять её с малознакомым человеком на мороз, но девушка смолчала.

– Конечно, нет проблем, – с готовностью согласился парень.

Света покачала головой, но не очень расстроилась, поскольку ей и самой бы не хотелось, чтобы Илья сейчас ушёл. Что-то подсказывала, что он из тех, кто даже зная адрес, не станет больше беспокоить. А жаль.

Холодный вечер всюду вступил в свои права, и на безоблачном небе зажглись яркие голубые, почти белые звёзды. От мороза всё стало казаться заиндевелым, и блики от фонарей словно отражались от всего, и от этого мир напоминал новогоднюю ёлку: разукрашенную, поднимающую настроение и радующую взгляд.

– Держись, тут скользко, – напомнил Илья, и Света вновь взяла его под руку.

Они прошли опасный газон, но Света парня решила не отпускать и посмотреть, как он к этому отнесётся. Вроде как она невзначай забыла убрать руку.

Илья ничего против не имел, и так под ручку они и дошли до его парадной.

– Тут я живу, – сообщил он. – На третьем этаже. Я быстро. И он полез в карман за ключом.

Света поёжилась. Холодно на улице. Видимо, температура ещё уменьшилась за то время, пока они ходили туда-сюда.

– Я с тобой пойду, – сообщила девушка.

Парень глянул на неё с сомнением.

– Твой папа ясно намекнул, чтобы ты не ходила, – заметил Илья.

Света прищурилась, изучающе разглядывая его лицо:

– Слушай, ты на маньяка не тянешь, да твои домашние тоже, небось, адекватны.

– Они адекватны, но они живут в другом городе. Так что в квартире обитаю только я.... Ну, и Кеша, – он посмотрел на котёнка.

Света смерила его испытующим взглядом. Парень с котёнком под мышкой, который помог ей вернуть варежку, не казался опасным настолько, что нельзя зайти к нему в квартиру за зарядным устройством.

– Ты – не страшный, – вынесла вердикт Света, а потом добавила: – И Кеша – тоже.

– Тогда пойдём, – не нашёл, как можно поспорить Илья, да и не очень-то хотелось спорить.

Девушка сразу показалась ему красивой и милой, но их знакомство вышло столь неожиданным и непонятным, что парень растерялся и совсем не мог определить, как себя вести с ней.

Она казалась простой, непосредственной и на редкость живой, но в то же время умной и серьёзной. Как это могло уместиться в одном человеке, Илья пока не мог понять, но вспомнил, что она говорила что-то насчёт того, что пару лет назад сходу бы перешла на "ты", и подумал, что в этом и кроется весь секрет. Девушка просто недавно стала серьёзной, и потому это не было присущей ей чертой, которая бы за долгие годы наложила отпечаток на её характер и поведение.

Это очень импонировало.

Когда вошли в квартиру, парень выпустил котёнка, снял ботинки и направился в кладовку. Света огляделась. Одно-

комнатная квартира была небольшая, но уютная. Только в ней явно чего-то не хватало, девушка даже не сразу смогла понять, чего именно.

Но потом, когда она повторно оглядела комнату, сразу поняла, что не так.

– У тебя что, нет ёлки?! – всплеснула руками от возмущения и недоумения Света. – До Нового Года меньше недели, а у тебя нет ёлки?!

Илья, как раз разыскавший коробку с зарядкой, даже смутился от такого напора, но пожал плечами и спокойно ответил:

– Ну да, я не ставлю ёлку. Смысла нет: сперва собирать и украшать её, потом убирать...

Он замолк, не договорив, поскольку ему показалось, что именно сейчас, в эту минуту, Света пересматривает своё отношение к нему. Человек без ёлки перед Новым Годом – страшный человек. А казаться Свете страшным очень не хотелось.

– Я недавно купил эту квартиру, – попытался оправдаться он. – И это первый Новый Год, который я буду встречать здесь... Просто было совсем не до ёлки... Со временем я обзаведусь...

– Ладно, не парься! – рассмеялась Света, заметив, как озадачила парня своим замечанием. – Нет, и нет! Главное, что зарядник для аккумулятора есть. Давай его, да пойду я.

Парень вручил девушке коробку, и понял, что сейчас она

уйдёт. Это было правильно и логично, ведь он за всё время их общения не предпринял ничего, чтобы задержать её. Да и как её задержать, если даже не понятно, одинока она или нет?

На то, чтобы задержать и выяснить это оставалось мало времени.

Да, завтра её папа занесёт зарядку, но это совсем не то.

Или сейчас, или никогда...

Скоро праздник, и было бы здорово провести его с ней, а не в одиночестве или компании друзей по работе, которые любили собираться вместе в Новогоднюю ночь. Со Светой наверняка бы было весело и душевно...

Илья не был уверен, что посетившая его мысль должна быть озвучена. Наоборот, он полагал, что стоит держать её при себе. Эта девушка оказалась такой забавной, милой и яркой, что предлагать ей свою компанию казалось глупым и наивным.

Сам он робким никогда не был, но Света отчего-то смущала его и заставляла чувствовать себя вовсе не таким смелым, каким он сам себе всегда казался. Ярко умело подведённые глаза пытливо смотрели на него из-под пушистых ухоженных ресниц, и Илья чем дольше смотрел на Свету, тем больше убеждался, что предлагать совместную встречу Нового Года не стоит.

– Ладно, спасибо тебе, но мне домой пора, – сообщила девушка, разворачиваясь к двери. – Как у тебя тут открыва-

ется?

Она никогда не умела обращаться с чужими замками и задвижками, и теперь глядела на металлическую внушительную щеколду так, словно это был самый хитроумный механизм и справиться с ним без помощи хозяина квартиры она не могла.

Илья подошёл ближе, дотянулся рукой до щеколды и отвёл её в сторону. В этот момент он оказался слишком близко к Свете, уловил аромат её духов, сладковатый и слабый, заметил, что её пальцы уже сжали ручку двери, чтобы распахнуть её и покинуть его квартиру... и тогда парень вмиг решился всё-таки спросить про предстоящий праздник.

– Тебе есть, с кем встретить Новый Год? – спросил он, и тут же ненадолго прикрыл глаза, ругая себя.

Глупый вопрос. Не такой, какой он хотел задать и совсем не такой, какой красиво сложился в его голове до того, как он передумал его озвучивать.

– Новый Год? – переспросила Света, убирая руку с ручки двери. – Я что, похожа на ту, кто просидит новогоднюю ночь в одиночестве? – по-доброму рассмеялась девушка. – Конечно, мне есть, с кем отмечать! У меня прекрасная семья. Такая клёвая, что я даже с друзьями пойду гулять только после семейных посиделок!

Она заметила, что парень погрузился от её слов. Девушка закусилла нижнюю губу в растерянности: она не собиралась портить ему настроение. Наоборот, хотела похвастаться, ка-

кая тёплая компания вечно собирается под Новый Год у неё дома.

– Не переживай! – широко улыбнулась она ему. – Тебе понравятся мои родственники!

Парень посмотрел на неё неуверенно, поскольку и правда не был уверен, что понял её верно.

Света же на этот раз легко разгадала его мысли и решила не мучить его, а уточнить:

– Ты же хотел вместе встретить Новый Год, я правильно поняла? Так приходи! Будет весело! Поверь, там все нормальные люди, свои!

Илья улыбнулся, и лицо его просветлело. А что он хотел? Чтобы как в кино, красивая умная девушка оказалась одинокой в Новогоднюю ночь и с радостью провела её с незнакомцем, который её выручил и чьего кота она спасла?

Было бы романтично, но в жизни всё не настолько идеально складывается, так что стоило радоваться тому, что Света готова взять его в свою компанию. Он не очень любил собрания незнакомых людей, но ради продолжения общения с этой девушкой был готов влиться в любой коллектив.

Илья смотрел на свет в окнах Светиной квартиры, стоя у подъезда. Уверенности, что он всё делает верно, неожиданно поубавилось, и парень медлил.

Он даже не спросил, кто там будет. И даже не попросил

номера телефона у Светы, а она, естественно, тоже не спросила у него. В итоге все четыре дня, что прошли с их знакомства, они не общались, и теперь Илья всерьёз сомневался, ждут ли его там, в квартире на втором этаже.

Парень посмотрел на часы: скоро десять. Ещё полно времени на сомнения, но очень не хотелось тратить минуты, которые он мог бы провести в компании Светы, на бессмысленные мысли.

Илья подошёл к двери и замер у домофона, осознав, что он не знает номер квартиры. Расположение – знает, а номер – нет. Он посмотрел на табличку, которая висела на стене и на которой были расписаны номера квартир по этажам.

На каждом этаже шесть квартир, и как они нумеруются – неизвестно. Оставалось надеяться, что под Новый Год народ добрый, и ему откроют, даже если он позвонится не туда.

Но звонить вообще не пришлось, поскольку дверь запиликала и открылась: из парадной выходили Дед Мороз и Снегурочка. А кто ещё, в общем-то мог выходить в такое время суток тридцать первого декабря?

– С новым Годом! С Новым счастьем! – нараспев, по дедморозьему сказал мужчина в синем длинном характерном костюме, шапкой, надвинутой на брови и длиннющей бородой и усами.

– С Новым Годом, – отозвался Илья, улыбнувшись и мужчине, и вышедшей за ним девушке.

Илья вообще больше уважал синий цвет в одежде Дедов

Морозов, и был уверен, что если однажды купит себе костюм, чтобы радовать своих детей, которые однажды обязательно будут, то точно не возьмёт красный, даже если он будет в сто раз дешевле.

Новогодние персонажи направились к своей машине, а Илья зашёл в парадную и пошёл к Светиной двери.

Почему-то встреча с ненастоящим Дедом Морозом придала ему оптимизма и подняла настроение настолько, что он больше не боялся идти в гости. Если почувствует, что лишний – всегда успеет уйти. Ещё прилично времени в запасе, и можно даже переиграть планы, поехав к друзьям.

Илья смело нажал на кнопку звонка и стал ждать, пока ему откроют.

Открыла Светина мама. На этот раз она была нарядная, в платье, с причёской и аккуратным макияжем. Сразу стало понятно, в кого Света так следит за собой.

– Здравствуйте... – нерешительно поздоровался Илья. – Вот, зашёл с наступающим поздравить...

– Проходи, Илья! – поторопила его женщина, и он вошёл, а она закрыла за ним дверь.

Он даже удивился сперва, что женщина запомнила его имя, но потом рассудил, что в этом нет ничего удивительного: он бы тоже на её месте запомнил, ведь не так часто, наверно, появляются новые лица.

Атмосфера уюта сразу же окружила парня, и все тревоги исчезли. В квартире было тепло, пахло жареным мясом, са-

латами и готовящимися в духовке пирогами. Все эти ароматы, настолько разные, но такие приятные, сливались в один запах, ассоциирующийся с предвкушением праздника.

Света прибежала тут же. Именно прибежала: легко, беззаботно и весело.

– О, привет! – воскликнула она и, приблизившись, бесцеремонно чмокнула гостя в щёку.

Было неожиданно, но приятно.

– Привет, – улыбнулся он в ответ, протягивая девушке пакет с гостинцами, которые купил, чтобы не идти с пустыми руками.

Девушка взяла пакет, глянула в него и протянула маме:

– Вот, это к столу. – А потом обратилась к Илье: – Ты так долго не шёл, что мы уж собирались за тобой идти!

От этого простого признания стало тепло на душе: его ждали и ему рады.

Из комнаты слышались голоса, музыка и смех, но теперь Илья мог легко войти туда и ему было совершенно всё равно, кто там и в каком количестве.

– Раздевайся, разувайся, и пойдём! – торопила Света. – Тапки тебе вот, – и указала на приготовленные тапочки, которые стали ещё одним доказательством, что парня ждали.

Когда Илья вошёл в комнату, то увидел накрытый стол и, как ему показалось, множество людей, которые кто стоял, кто сидел и разговаривал, и все они шутили и веселились.

– Эй, вы! – обратила на себя внимание всех Света, но тут

же сменила манеру речи и чинно произнесла: – Позвольте представить: мой друг Илья.

Все замолкли и посмотрели на пришедшего, приветливо улыбаясь.

– Эрик, – первым представился обаятельный парень с доброй улыбкой и мудрым взглядом.

– Да, это Эрик, – подтвердила Света. – Он у нас массовик-затейник. Муж Ксюши. Ксюша – подруга мужа моей сестры Ники. Вон он, его Миша зовут. Эй, Миш, пойди сюда! – крикнула она внушительного вида парню, чьи руки покрывали занятные татуировки.

Илья попытался запомнить, что ему сказала Света, но не смог: кто-то чей-то друг и чей-то муж. Пока это всё было не важно. Главное, никого девушка не представила, как своего парня, а остальное Илью не волновало.

Тот, кого назвали Мишей, подошёл и протянул руку Илье, представившись на всякий случай ещё раз, и улыбнувшись.

– Рад знакомству, – искренне сказал он и добавил: – Не так себе тебя представлял. Приятно удивлён.

– Что-то не так? – прищурилась Света, посмотрев на Мишу, и тот пожал плечами:

– Когда увидел тебя первый раз с почти красными волосами, не думал, что ты водишься с нормальными людьми, – признался парень и хотел что-то продолжить, но его окликнула Светина мама на кухне, и он отправился туда.

– Ты красила волосы в красный? – счёл уместным полю-

бопытствовать Илья, пока все отвлеклись на уход Миши.

– Да, а что? – удивилась Света. – Считаю, у каждого периода жизни свой цвет волос. Вот раньше мне нравилось быть яркой, и я красилась в ярко-рыжий, который Миша называет красным. А потом я поняла, что я и сама по себе яркая, и перешла на более натуральный цвет. Будет под тридцать – прекращусь во что-то посветлее.

– Почему? – спросил Илья автоматически, хоть тема была ему и не интересна, более того, он всё ещё осматривался и глядел на людей, с которыми ему ещё предстояло общаться.

– Потому что с тёмными волосами морщины заметнее, – ответила Света. – Ладно, не грузись!

Илья улыбнулся вроде как всем присутствующим, но на самом деле – себе. Этот уставленный мисками, тарелками, бокалами и бутылками шампанского стол напоминал ему застолья дома, когда можно было объедаться всю ночь, общаться и веселиться, ни о чём не думая.

К нему как раз подошли ещё люди, начали знакомиться. Сестра Светы, скромная девушка Ксюша, какие-то ещё родственники, имена которых парень уже не пытался запоминать, лишь тактично улыбался, вежливо кивал женщинам и крепко жал руки мужчинам.

– Расслабься, они клёвые, я ж говорю! – толкнула его локтём в бок Света. – Они клёвые, и ты клёвый – вы поладите!

Парень усмехнулся. Пока он не считал, что мог показаться Свете клёвым и интересным, но, видимо, всё-таки чем-то

зацепил её, раз сейчас находился здесь, а не в своей квартире и не у друзей с работы.

Он посмотрел на ёлку, которую сперва и не заметил. Она стояла у окна и была странная.

Во-первых, искусственная, причём белая, чуть серебристая. Во-вторых, на ней из украшений висели лишь ярко-изумрудные и золотые шары. Смотрелось непривычно и необычно, но удивительно гармонично и красиво.

Когда Миша и Светина мама принесли с кухни недостающие салаты, все расселись за столом и некоторое время просто ели, перебрасываясь незначительными фразами. Утолив голод и произнеся несколько тостов под шампанское, включили телевизор, чтобы не пропустить бой курантов.

До Нового Года оставалось меньше часа, и Илья уже никуда не ушёл бы ни за какие дары, так легко ему оказалось здесь, в кругу Светиной семьи, словно он и сам был её частью, а не случайным знакомым.

Бой курантов подкрался незаметно. С первым ударом принялись суетливо открывать шампанское, задорно смеяться и продумывать желания, которые следовало загадать.

Звон бокалов, игристое вино, хорошее настроение и тёплая компания – таким должен быть каждый Новый Год!

После торжественной встречи полночи Эрик принёс свою гитару, поскольку всегда играл только на своей. Будучи левшой, он перетягивал струны под себя, и потому не мог играть на той, что пылилась без дела в этом доме.

Он пел красиво, и ему охотно подпевали, поскольку парень выбирал всем знакомые песни и пел их нарочито фальшиво, чтобы никто и не подумал стесняться своего голоса, поскольку хуже, чем сам гитарист, вряд ли бы кто-то сумел изловчиться спеть.

Этот парень вообще обладал особой энергетикой: он легко мог разговорить любого, травил байки, анекдоты и веселил всех. Илья и сам не понял, как легко вписался в эту компанию благодаря Эрику, который вёл себя так, словно знал Илью уже много лет, и тот был его лучшим другом.

– Не обращай внимания, – хмыкнула Света, кивая на Эрика. – Он детский аниматор, ему положено быть таким. И вообще, пора уже на улицу пойти, а то просмотрим все фейерверки!

– Пойдём! – охотно согласился Илья. – С твоими друзьями?

– Нет, с моим другом – с тобой, – рассмеялась Света. – Этот Новый Год я хочу провести с тобой! Это ведь взаимно? – и она насмешливо прищурилась, словно у него был выбор, что ответить.

– Конечно, – тепло улыбнулся он.

На улице шёл снег. Такая редкость для здешних мест, и оттого такая радость, словно снега здесь не видели много лет! Вроде бы и вчера он шёл, и позавчера, но сегодняшней

снег был особенно чистым и мерцающим, словно специально для нового года появились и новые снежинки, которые хлопьями падали с тёмного неба и превращали мир в сказочную прекрасную страну, пропахшую порохом и расцвеченную цветными фейерверками.

– Надо идти в парк! – сообщила Света, когда они ещё одевались в прихожей. – Тут рядом! Там отлично видно салюты и много горок! Мы с друзьями каждый новый год туда ходим! Надо только ватрушку взять незаметно...

– Почему незаметно? – удивился Илья.

– Чтоб никто не увязался, – подмигнула Света и рассмеялась: – Вообще, они все всё равно придут в парк и всё равно позвонят мне, так что в итоге будем все вместе. Но хочется же хоть чуть-чуть побыть вдвоём, не?

– Да, хочется, – согласился Илья.

– Тогда ватрушка на антресоли, – указала она на потолок, под которым была дверца.

Парню хватило роста, чтобы дотянуться до ручки, открыть дверцу и, подпрыгнув, достать ватрушку, схватив её за край.

– Отлично! – обрадовалась Света. – Пойдём!

И они вышли на улицу. Мороз не пугал больше, хоть и ощущался во всём: в хрусте снега, в свежести воздуха и даже в падающих снежинках, которые обычно в мороз тоже предпочитают не показываться, но сегодняшняя ночь казалась волшебной. Настоящая зимняя ночь: холод и снегопад!

В парке оказалось много народу, но и склонов предостаточно, чтобы спокойно кататься.

– Никогда ещё не катался в вашем городе. – признался Илья. – У себя – да, но у нас городок маленький и народ простой...

– Тут тоже простой, – отмахнулась Света, садясь на ватрушку. – Просто мы интеллигентнее, поэтому нам надо сперва привыкнуть, а уж потом чудить и творить всякую ерунду! Но ты не парься, я ещё не совсем зануда, так что привыкну к тебе потом, а сейчас надо веселиться, время не ждёт! – она похлопала ватрушку позади себя, приглашая Илью садиться.

Диаметр ватрушки легко позволял двум взрослым людям устроиться на ней, тем более ни Илья, ни Света не были крупными.

По подмёрзшему снегу ватрушка легко покатила вниз, поднимая собой вихри свежих снежинок и кидая их в лица ребят. От этого кожа мёрзла, но было так приятно, что это лишь веселило. Ветер выбивал слёзы, и они замерзали инеем на ресницах, но и это было неповторимым ощущением, без которого счастье от катания с горок было бы не полным.

Несколько раз скатились просто, а потом принялись играть в снежки, прерываясь лишь на то, чтобы посмотреть особенно красивые фейерверки, после завершения которых начинали шуточные бои вновь.

Света заливисто смеялась, совершенно не боясь, что снег

испортит её макияж, веселилась и казалась такой счастливой, что Илья был готов вечно вот так играть с ней.

Но раздался оглушительный хлопок – кто-то начал запустить фейерверки внизу горы, совсем недалеко. Первым залпом в небо взметнулись разноцветные огни, которые с характерным звуком разделились на множество более мелких, которые в свою очередь рассыпались в итоге золотыми искрами. Затем раздался новый залп, и всё повторилось.

Когда салют так близко, что огни рассыпаются над головой, а запах пороха бьёт в нос, это завораживает и заставляет смотреть, как на чудо.

Света и Илья именно так и поступили: замерли и стали смотреть.

Один за другим вспыхивали и рассыпались искрами огни, довольные люди, наблюдавшие за этим с горок, кричали поздравления друг другу и веселились. И только Света и Илья смотрели мечтательно и задумчиво, хоть минуту назад их глаза горели детским азартом.

– А ведь я ничего о тебе не знаю, – заметила Света, задумчиво глядя своими прекрасными глазами на Илью, лицо которого то и дело озарялось вспышками новогодних фейерверков.

– Я о тебе – тоже, – улыбнувшись, посмотрел на неё парень. – Разве это сейчас важно? Надеюсь, у нас ещё будет много времени узнать друг друга лучше.

– Знаешь, мне кажется, самое важное о тебе я уже знаю, –

тихо призналась Света, сама от себя не ожидавшая столь пафосной фразы.

Ей редко было так легко и приятно с малознакомым человеком. Настолько, что не хотелось ни отпускать его, ни что-то про него узнавать. Самое главное о нём она действительно уже знала, чувствовала интуитивно: это – её человек.

Илья немного помедлил, а потом обнял её и прижал к себе. Это было то, чего он хотел сделать весь вечер и то, что сейчас было уместным и необходимым.

Потому что новогодние салюты лучше смотреть в обнимку с любимыми.

Бедотворец со своей дружной семьёй материализовался в квартире Ильи. Пожалуй, стоило извиниться перед Кешей, которому выпало перед праздником такое приключение, ведь вряд ли котёнку понравилось, что его вытащили на холод, а потом унесли в чужой дом.

Но иногда стоит творить беды, если в итоге они во благо. Работа такая у Бедотворцев.

И всё-таки с котёнком некрасиво вышло, и потому стоило составить ему компанию в Новогоднюю ночь, ведь это такой праздник, когда никто не должен быть одинок.

Счастливого Нового Года, дорогие читатели! Отличного настроения, чудес и хороших историй!

Ирина Ваганова, «Костян»

Коль пошла речь о новогодних байках, вот одна. Слушай. Случилось с моим соседом. На редкость гниlostный, скажу тебе, мужик был.

Вру? Вид хитрый? Глаза от природы с прищуром, у мамки такие же. Да не перебивай, слушай. Ловкая история!

Сосед мой дрянь был человек. Костяну напакостить кому, что тебе розу понюхать. Вроде и не обязательное дело, а очень приятное. Особенно в Новый год старался. У людей праздник, веселятся, гуляют. Косте чужая радость что лишай на языке. Не болит, а противно.

И как только его не ублажали! На подарки всем подъездом сбрасывались, и в гости кое-кто отважный приглашал – пустое. То скандал устроит, то по батареям долбит, то пробки выкрутит, свет во всех квартирах вырубится. Ты ж понимаешь, гирлянды, телик, рожи в нём почти родные, «С лёгким паром», опять же. Как без этого?

Ну, рано или поздно ко всему человек приспособливается. Стал наш Костик чем-то вроде достопримечательности. Такая, знаешь, падающая башня в рамках подъезда многоэтажного дома.

Как приспособились? Да проще простого. Полицию вызывали. Очередность установили, чтобы не с одного адреса. И

аккурат перед Новым годом, кто-нибудь свободный от резки салатов и беготни по магазинам провоцировал Костяна на ссору и вызывал ментов. «Свидетели», понятно, всегда были на стороне «потерпевшего», и Костика увозили в отделение.

Ох, и невзлюбили нашего дебошира блюстители закона! Им и так вместо праздника кукиш, а тут ещё пустопорожнее дело каждый год. Готовы были заранее его сажать на пятнадцать суток. В последний раз, так и приехали ещё до звонка. То есть, звонит тесть мой с жалобой, а там отвечают: выехали уже. Прикинь? Минуты через две Семёныч и Петёк волокли Костяна в машину. Что? Знакомые? Да там почти всё отделение знакомые. Особенно кто в праздник дежурит. Ну как приехали, угостишь, побазаришь. Не без этого.

Почему в последний раз? Умер? Кто? Ха-ха-ха! Костик! Да он всех переживёт. Слушай, кто из нас рассказывает? А? Вот и нечего тут версии строить.

А почему бишь Семёныч с Петьком заранее приехали-то. У них вызов был. На соседней улице человек лежал. Прохожие сердобольные нашлись, вызвали и «скорую», и полицию. Доктора от найдёныша отказались. Мол, здоровый, только пьяный сильно. В больнице дольше оформлять, чем лечить. Ну, менты решили в обезьянник посадить, пока не протрезвеет, поскольку добрые незнакомцы карманы-то алкашу облегчили – ни мобильного, ни документов, ни кошелька. Значит, задержали до установления личности. Так, кажется. Усадили на заднее сидение своей Лады Гранты и,

раз уж рядом оказались, мигнули за Костяном. Как раз тещуха мой подоспел – полицию вызывает.

Не законно! Ты чего говоришь-то? Законник нашёлся. А целому подъезду праздник портить законно, по-твоему?

Дальше что было, хочешь узнать? То-то.

Петёк за руль сел, Семёныч рядом, а едут мимо супермаркета. Решили к столу кое-что прикупить. Заспорили, кому идти, а кому задержанных караулить. Костян на свою голову и брякнул: идите оба, никуда мы не денемся. Сцепили мужиков наручниками и потопали. Мигом обернёмся, мол, мы без очереди.

Мигом не мигом, а пришлось-таки ждать. Второй завозился, бормочет что-то, толкается. Костян ему и предложи глоточек для сугреву. Была у него с собой фляжечка с коньяком. Безымянный выпил и одеревенел совсем. Как Семёныч с Петьком потом рассказывали, у Буратины этого оказалась редкая особенность: до первой меры пьёт как человек, до второй – память теряет на время, уж ежели сверх – считай, труп. Опять же на время. Костин глоток как раз этой третьей мерой и оказался.

Костян-то наш видит – что-то не то! Помер мужик. Давай его трясти. Орёт:

– Братан! Очнись! Братан, ты чего?

Пульс ищет – нету! Голову к груди братана прижал, бьётся там чего? А своё сердце колоколом в ушах. Всё, думает, будет теперь в новом году небо в клеточку, а друзья в поло-

сочку. Тут как раз менты подоспели.

Костян рыдает, богом клянётся, что не нарочно «Буратину» загубил. Семёныч с Петьком засуетились. Расковали руки их, Костяна к столбу прицепили, а потерпевшего давай в чувство приводить. Тот не поддаётся, бревно изображает.

Я говорил, зуб у полицейских на Костика был, вот и разыграли его:

– Слушай, паря, нам лишний трупак ни к чему. Мы его сейчас в другой район подбросим. Но ты, смотри, что бы тише воды, ниже травы. Только высунешься со своими причудами, мы товарищам из другого отделения твой адресок-то и подскажем.

– Не! – клянётся Костя, – я, считай, могила!

Засунули Семёныч с Петьком «Буратину» в багажник, а Костяна доставили в отделение. Заява-то была, так уж нужно. После чего якобы труп в рощицу повезли. На самом деле, ты ж понимаешь, в больничку. Без чувств человек. Хоть и здоровый.

Такая история. А Костик с той поры, и правда, поумнел. Не то чтобы в приятелях со всеми, но уж не гадил. А подъезд у нас дружный. Другого такого в городе не найдёшь, всё изза Костяна. Сдружились против него, да и привыкли.

Елена Зикевская, «Кабуки»

Сад Хама-рику, второй, наряду с парком Хибуйа, укромный уголок в самом центре Токио, раскинулся на берегу залива в устье реки Сумида. Когда-то здесь находилась вилла могущественного клана Мацудайра, теперь на этом месте расположился маленький уютный городской сад, спланированный по канонам дзен. За границей парка сверкающая огнями праздничная ночь укрыла пологом многочисленные мелкие лавочки Асакуса и знаменитые магазины Нихомбаси, дремали на фоне подсвеченного неба Сэнсодзи и Мэйдзи-дзингу, Маруноути тихо перешептывался с Акихабарой электронными импульсами недремлющей техники, кипели жизнью Синьдзюку и Роппонги. Весь мир готовился к встрече нового года.

В парке, укутанным тонким снежным покрывалом, царил тишина.

Именно потому он ждал здесь.

Опрятный старик в добротном костюме сидел на низкой лавочке в зимнем саду и смотрел в звёздное небо, где в облаках дразнилась и играла в прятки с кицуне полноликая луна.

Вторя им, игриво скользили по заснеженным соснам две тени, мягко и бесшумно прыгая с ветки на ветку, не тревожа ни единой искристой крупинки, но согнав третью луну. Упав

с ветки, рассерженный тануки погрозил двуххвостым проказницам лапкой, а старик протянул ему токкури с подогретым sake. Увидев пустой котелок, старик засмеялся:

– Больше не дам.

Котелок встал на четыре лапки и жалобно замахал хвостом.

– Потом, – старик строго свёл брови. – Сам знаешь.

Довольный тануки взял угощение и плюхнулся на белоснежное искристое покрывало, всем своим видом обещая удачу и богатство доброму оммёдзи.

Тёмная вода озера взбугрилась, бесшумно выплескивая на берег отлитую из самой тьмы изящную кобылицу. Хрустко ступая острыми копытами по тонкоснежной дорожке, кэлпи остановилась возле старика.

– Волшебная ночь, – оммёдзи улыбнулся импу, приглашающе указав рядом с собой.

– Да, – юная девушка в белоснежном сюрко и травянисто-зелёном нижнем платье с вышивкой по запястьям и подолу присела на скамью. Длинные чёрные пряди слитной волной лежали на спине, венки из ракушек и водорослей выдавал происхождение. – Скоро, господин?

Оммёдзи обернулся к озеру.

Кицуне покинула небесную подругу и, сверкая золотистыми хвостами под шелковым кимоно, настраивала кото. Оставив игры среди деревьев, бакэнэко и нэкомата прелестными девушками опустили на колени возле кицуне, достав из

рукавов своих кимоно сякухати и цугару-дзямисэн. Тануки отложил токкури и присоединился к девушкам, как следует поплевав на цудзуми и растирая слюну лапками. Луна укрылась облачной кисеёй, готовясь озарить сцену.

Медленно и торжественно заискрились первые падающие снежинки. Выскользнул из-за облаков тонкий луч, лунной дорожкой ложась под ноги Юки-онне, неторопливо и изящно, под нежные звуки флейты и лютни, спускающейся к тёмной глади озера, чтобы в первую новогоднюю ночь петь и танцевать для своего коибуми.

Влад Костромин, «Праздник к нам приходит»

Признаюсь честно, не люблю я Новый год. Всю эту псевдопраздничную суету и типа всенародное ликование. С детства не люблю. И вот почему. Это в последний новый год с матерью было. Тогда как раз хитрая скопидомка, сестра нашего отца, тетя Нина Свечкина (та еще клуша по словам родителей) с белобрысой дылдой Лариской приехали отметить праздник у нас. Хоть и в ругани, которая между отцом и матерью тогда практически не прекращались, но всё лучше, чем в коммуналке общежития карандашной фабрики в Клиновске, где жили. Да и дешевле, что ни говори.

Накануне зачем-то полез я в одежный шкаф, стоявший в родительской спальне, и случайно нашел на дне пакет. А в пакете много творожных шариков, жаренных в масле, шоколадных конфет, мандаринов и быстрорастворимых напитков. Помните, была такая гадость? Все эти «Юпи», «Зуко», «Инвайты» всевозможные, под знакомым каждому пившему спирт задорным лозунгом: «Просто добавь воды!».

Обрадовался неожиданной находке так, как только ребенок может чему-то радоваться. Будучи в детской невинности и не испорченности, думал, что мать нам подарки на новый

год приготовила.

– Смотри, что я нашел, – показал тайник младшему брату Пашке, чтобы немного порадовать впавшего в меланхолию унылого ребенка в клоунском наряде. Мать думала, что так будет всем веселее и заставляла его носить пошитый ею костюм клоуна и клетчатую кепку с приклеенными кудрями.

– Это нам? – недоверчиво, как ослик Иа, получающий лопнувший шарик от Пятачка, поинтересовался Пашка.

– Конечно, нам! Кому же еще? Хотя... Может и тете Нине с Лариской тоже.

– Наверное, это им, – уныло вздохнул брат, – давай возьмем мандарин?

– Да ты что! Брать чужое нехорошо! Да и по запаху нас поймают.

– Про запах я как-то не подумал. Если мать узнает, что взяли мандарин, то она нас убьет! Положи на место, пока никто не заметил!

– Да ладно, Лариска же с нами точно поделится.

В предвкушении получения подарка оставшееся до Нового года время мы жили как на иголках. Казалось, воздух в доме помимо духоты и запаха березовых дров был наполнен ароматом мандаринов. Даже отец, обычно равнодушный ко всему, что не касалось выпивки, жратвы и секса, и тот заметил наше возбуждение.

– Чой-то вы какие-то не такие? – спросил он. – Опять пакость какую-нибудь сделали?

– Праздник к нам приходит! – заявил словами рекламы Пашка. – Веселье приносит и вкус бодрящий, праздника вкус всегда настоящий!

– Какой праздник? – отец налил себе рюмку коньяка, потом подумал и аккуратно вылил коньяк назад в бутылку. – СтаршОй, принеси-ка стакан с кухни. Праздника вкус всегда настоящий – придумают же! – хмыкнул он.

– Вить, ну ты чего? Рано же еще совсем, – сказала тетя Нина. – Девять часов еще только и Вальки нет.

– Она, может, и совсем не придет! Неси стакан, кому сказал?

Я принес стакан. Папаша налил в него коньяк.

– Нин, ты будешь?

– Если только немножко...

Папенька нацедил ей в рюмку.

– Паш, передай тете Нине.

– Паша, не надо, я сама достану!

Они чокнулись сосудами и выпили.

– Вы там салаты какие-то готовили? – поинтересовался отец, внимательно рассматривая на просвет поднятую бутылку.

– Да, и салаты, и курицу в электропечке запекли и...

– Волоките! Как говорил дедушка: все, что есть в печи, все на стол мечи!

– А Валька?

– А что Валька? Вальки нет. Семеро одного не ждут!

– А нас четверо, – влез Пашка.

– Молодец, считать умеешь! – родитель ловкой затрепичной сбил с него кепку. – А вот воспитания никакого. Нечего старших перебивать!

– Вить, как ты с детьми обращаешься? – возмутилась тетя Нина.

– Я воспитываю! Ты свою лучше воспитывай.

Раздался звонок в калитку.

– СтаршОй, сходи, разберись, кого там черт принес?

Я выскочил на веранду, обулся, вышел из дома. Прошел через двор и открыл оконце в калитке. За ней стояла мать.

– Батя дома?

– Да.

– Спит?

– Нет.

– Ладно, открывай.

Я отодвинул засов и впустил родительницу во двор.

– Подожди, я сейчас выходить буду, – мать направилась в дом. Через пару минут оттуда донеслись неразборчивые крики.

Внезапно как кирпич на голову повалил липкий снег, облепивший березу. Казалось, что дерево надело пушистый белый мундир, блестящий в свете раскачивающегося фонаря эполетами. Еще минут через пять, когда я начал уже замерзать, мимо тяжело, как верблюд, нагруженная сумками и пакетами, прошла мать. В потустороннем свете фонаря я узнал

пакет с творожными шариками, шоколадными конфетами и быстрорастворимыми напитками.

– С новым годом, с новым счастьем, – скороговоркой проговорила мать, протискиваясь в калитку. – Я там мандарин тебе оставила. Съешь в двенадцать часов.

– Спасибо!

– Шапку надевать надо, а то последние мозги протухнут, и станешь как Вася Куролесов!

– От холода не тухнут! – закрыл засов и долго смотрел на снег.

Придя в себя, вернулся в дом, где папаша напяливал бабрый тулуп, двумя годами ранее украденный им у кого-то.

– А что, вас с мамкой не будет? – поинтересовался державший в руках два мандарина брат.

– Как видишь: «Праздник к нам приходит, праздник к нам приходит» – передразнил его отец. – Радуйся, шахматист!

– Ладно, старшОй, встретите с тетей Ниной и Лариской новый год. Я пошел. Калитку запри за мной и никому не открывай.

Я привычно протопал вслед за ним к калитке.

– А ты сам куда?

– Как стемнеет, будем брать, – таинственно отозвался он. – Ты, если что, будь наготове. Возможно, понадобится кому-то морду набить. Я позвоню, если что.

Снова вернувшись в дом, я получил мандарин от брата:

– Вот, тебе мать оставила, – не глядя мне в глаза, сказал

он.

– Садитесь за стол что ли, – распорядилась тетя. – Больше некого ждать.

Мы сели за стол.

– Когда мы жили в Пеклихлебах, то мать ваша на Новый год оделась дедом Морозом и решила залезть через балкон в квартиру, – решила развлечь нас тетя. – Вы уже наверно не помните...

– Я помню, – сказала Лариска. – Еще папка тогда нажрался и им балкон изрубил!

– Лариса, так нельзя говорить!

– А я и не помню, – вздохнул брат, рассматривая оранжевый подарок матери. – А что, дядя Вася, правда, нам балкон изрубил?

– Да, пьяный меня искал, а я у вас пряталась. Так он весь балкон топором, а потом застеклил. Как раз перед Новым годом и застеклил.

– Не помню.

– Ты тогда еще маленьким совсем был, – объяснила тетя Нина. – Вот мать ваша лезет на балкон, а ее кто-то увидел и вызвал милицию.

– И что? – заинтересовался боящийся милиции брат, забыв про мандарин.

– Милиция ее забрала и всю ночь она провела в отделении в Добровке. А мы встречали Новый год без нее, – объяснила тетя Нина.

– Совсем как сейчас, – вздохнул Пашка.

Вот так и пришлось нам с жадной тётёй и слегка придурковатой двоюродной сестрой отмечать семейный праздник, потому что добрый папа тоже непонятно где спотыкался в Новый год. Точнее, тогда еще было непонятно где.

Вскоре всё прояснилось. Оказывается, шустрый папёнышка выслеживал мать, ушедшую к «детям Васимали». Кто-то, наконец, донёс ему о связи супруги с сектой, и хитрый Витя решил вывести блудливую женушку «на чистую воду». Этаким Нат Пинкертон и Шерлок Холмс в одном флаконе, крадущийся в краденном бараньем тулупе по глубоким сугробам ночной деревни. Прямо «Деревенский детектив» на новый лад.

Посреди ночи он объявился и любя отвесил Пашке мощный подзатыльник, от которого тот едва не потерял сознание.

– Ну, как вы тут без меня? Еще не спите? Празднуете? Молодцы. Нин, собирайся, пойдём.

– А я? – спросил я.

– Зачем?

– Там же морду кому-то надо было набить.

– Уже не надо. Ложитесь спать, – и, забрав с собой уже пьяную от яблочного вина моего производства сестру Нину, опять канул в морозную ночь.

Вернулись они только под утро, на удивление трезвые.

– Верить каждому слову вашего отца, ибо сама была всему свидетельницей – наказала нам тетя, истово крестясь. – Он

вам скоро все расскажет, а вы верьте!

В тот же день первым автобусом тетя Нина вместе с сонной дурындой Лариской свалила в город. Понимала, что гроза нависла над нашим домом и боялась угодить «под горячую руку». Она всегда нос по ветру держала. В феврале не стало матери, а в апреле в нашу жизнь золотозубой змеей вползла мачеха. Но это уже совсем другая история...

Вот с тех пор я Новый год и не праздную.

Майя Гордеева, «Как ревность до любви доводит»

Чучело и сосиски

В целях профилактики разочарований я была пессимисткой. В красивых мужиков принципиально не влюблялась, в институт не поступила, детей не заводила – толку-то? Смазливые кавалеры способны лишь разбить сердце, а этот важный человеческий орган я всячески берегу. От ВУЗовской «корочки» тоже никакого проку. Зачем тратить несколько лет на обгрызание булыжника науки, когда существует масса мест, куда берут без всякого образования? Отпрыски же приносят сплошную головную боль.

Посему жила я с котом Квартирантом и служила продавщицей цветов в киоске.

– Старая дева ты, Мухрыжева, – повадилась в последнее время уязвлять меня Ленка.

Шляпкина была такой же убеждённой пессимисткой. Но недавно она спуталась с сантехником Михаилом из нашего ЖКО, громко называя их с ним постельные встречи романом. Сей факт, по Ленкиному мнению, возвышал её надо мной, и теперь Шляпкина воображала.

– Да, дева. По гороскопу, – парировала я. – И никакая не старая. Мне всего-то тридцать пять. И, между прочим, я на год тебя моложе.

– Зато у меня мужик есть!

– Лучше быть одной, чем с кем попало. Сомнительное счастье – спать с таким выпивохой, как Михаил.

Ленка каждый раз с апломбом фыркала и, дабы я прочувствовала степень её обиженности, стабильно не звонила пару дней. Но потом сама же первая прибежала ко мне из своего соседнего дома, и, довольная, в мельчайших подробностях повествовала об очередном визите ухажёра. При этом в моих глазах Шляпкина всегда искала зависть. Но к своему разочарованию не находила. И опять фыркала и пару дней не звонила.

Не завидовала я потому, что у меня тоже имелся любовник. Хотя это я ему сейчас польстила. Или саму себя обманула. На занятия грехом Илюша хоть был и охоч, да не способен. Ещё в молодые годы, лет эдак двадцать пять назад, его испугала собака. Вследствие стресса с ним и случилась мужская дисфункция.

– Собака-то хоть не в телевизоре была? – осторожно полюбопытствовала я на первом свидании.

Илюша обиделся, фыркнул и не звонил. Пару месяцев. Но потом, как со мной водится, первый же пришёл из своего соседнего дома.

Безнадёжным импотентом Илья не являлся, иной раз ве-

чер сулил многое. Но стоило Илюше добраться до самого интересного – все чайня испарялись.

– Это потому что ты страшная, – однажды заявил Илюша.

Я обиделась, фыркнула и не звонила пару месяцев. Но потом, как водится...

– Три розы, пожалуйста, – попросил мужчина с инеем на пышных усах.

– В какую обёртку упаковать?

– В самую дорогую.

Я указала на золотую. Мужчина одобрительно кивнул и замурлыкал в телефон:

– Викулик? А угадай, кто приехал в командировку? Как не в городе? Ладно, хорошего нового года! Женщина, не надо золотую, давайте подешевле, – с досадой сказал он уже мне.

Я принялась отрезать красный шмат.

– Наташик? А угадай, кто приехал в командировку? Как, и ты тоже уехала? Да нет-нет, я не в том смысле... Да сама ты кобелина! Дура! – возмутился покупатель в воздух и, секунду подумав, набрал третий номер: – Вальчик? А угадай, кто приехал в командировку? Да-да, я совсем близенько. Ну встречай, лечу! Женщина, не надо упаковки, и так сойдёт.

Уже на выходе у усатого затрезвонил мобильник.

– Да, Вальчик. Как вернулся?! Ну что ж, хорошего вам нового года. Женщина, – повернулся он ко мне, – деньги вернёте?

– Товар возврату или обмену не подлежит, – ткнула я в

предупреждающее объявление.

– Тьфу, чёртовы бабы! Ну, себе заберите, что я как дурак буду с цветами шастать, – и он положил букет на стол. – Кстати, а вам есть, с кем встречать новый год?

– А как же!

– Н-да? – с сомнением осмотрел меня мужик. – Ну ладно, счастливого нового года.

Доставшиеся на дарма розы решила не продавать по второму разу, а забрать себе. Обернула их пакетом и в шесть вечера, закрыв киоск, мы с букетом побежали домой.

На полпути на меня в заснеженных сумерках налетела тётка, тоже с пакетом.

– Ой, простите, – извинилась она. – За цветами тороплюсь.

– Киоск уже закрыт.

– Откуда знаете?

– Я там работаю.

– Ой, женщина, может, вернёмся? – заныла незнакомка. – Свекровь неожиданно решила нагряться, дома ей новый год не встречается! Позвонила, уже едет. Ну войдите в положение, откройте ларёчек.

– Розами вы своей свекрови угодите?

Тётка непонимающе на меня уставилась. Я продемонстрировала букет.

– Ой! – обрадовалась чья-то невестка. – Продадите?

– Двести десять рублей.

– А чего так дорого?

– Повышение цен в связи с праздником.

– Да они у вас вон какие, не первой свежести. За сто пятьдесят отдадите?

– Нет, мне вообще их подарил мужчина, – внезапно для самой себя завредила я. – Не хотите, как хотите.

– Подождите, а давайте обменяемся? – спохватилась тётка и жестом фокусника извлекла из своей ноши нечто. В свете фонарей и иллюминации глазам предстало косорылое чучело местами облезлой кошки. – Смотрите, какая прелесть. Берите-берите, выгодная сделка, Матильда подороже вашего букетика будет.

– Матильда? – только и смогла я произнести.

– Да, это кошка моей тётушки. Тётушка недавно скончалась, а её дочь сегодня раздавала вещи на память. Мне досталась Матильда.

– Прекрасный новогодний подарок, – пробубнила я, прикидывая, не взять ли в самом деле подружку для своего Квартиранта. Он у меня некастрированный и время от времени утоляет основной инстинкт с подушками. Наволочки я, признаться, просто замучилась стирать.

Да нет, что за чушь мне лезет в голову? Мой кот не некрофил!

– Плохо, наверное, отдавать память о любимой тётушке, – постаралась я отделаться от дамы.

– Цветы нужны кровь из носу, а то свекровь...

И тут я подумала о Ленке. А что, приволоку ей в качестве презента под ёлочку. По крайней мере, нетривиально, а то всё гели для душа да гели для душа.

Поменялись. Вот только тёткин пакет унесло ветром, а жертвовать целлофаном из-под цветов она отказалась – всё-таки букет для любимой свекрови. Пришлось тащиться с чувелом в обнимку.

Не успели мы с Матильдой пройти и двадцати метров, как сзади окликнули:

– Тётенька!

Мы повернулись. К нам бежала девочка лет десяти с какими-то болтающимися на шее верёвками.

– Тётенька, купите, а, – попросила школьница, поднимая вверх конец одной из верёвок. – А что это у вас и вашей кошечки с лицом?

Видимо, меня перекосорылило так же, как почившую Матильду, потому что верёвки при ближайшем рассмотрении оказались сосисками. Килограмма три, не меньше.

– А это моя кошечка от удивления, она раньше никогда не видела столько сосисок сразу, – выпала я из остолбенения. – Кто ж тебе их на шею повесил, деточка?

– Папка. Меня в магазин послали, но я всё перепутала. Должна была купить пять килограммов картошки и два килограмма сосисок, а купила наоборот. Теперь три кило лишних.

– А в магазине товар возврату или обмену не подлежит, –

скорее утвердительно, чем вопросительно сказала я.

– Ага, – шмыгнул ребёнок соплями. – Денег родители больше не дали, сказали, выкручивайся, как знаешь.

– И тебя заставляют носить такие тяжести?

– Я привыкшая, больше никому. У папки левая нога в гипсе, а у мамки правая, им до рождества в магазин прыгать. Ну, тётенька, ну купите, а. И сами наедитесь, и кошечку свою накормите до отвала.

– Да кошечка уже отвалилась... Сколько денег надо?

– Пятьсот пятьдесят рублей.

Такой суммы за непривлекательные с виду сосиски было жаль, но ребёнка стало жальче.

Зажав в рукавчике купюры, девочка счастливо убежала. Мне же ничего не оставалось, как за неимением пакета последовать её примеру и повесить сосиски на шею. Всё-таки я права, от детей одна докука.

Вскоре исходящий от меня аромат привлёк бродячую собаку. Поначалу она преследовала меня деликатно: лишь бежала рядом и просительно заглядывала в глаза. Но потом обнаглела, подпрыгнула и с жадным рыком вцепилась в крайнюю сосиску. А та же в плёнке, не откусывается, так дворняга и повисла.

– Стой, дура, хоть почищу, ведь подавишься! – принялась я на ходу стаскивать колбасные изделия.

Но голодной псине было не привередничества. Ловко стянув с моей шеи одну связку, она понеслась прочь. Извиваю-

щаяся по сугробам сосисочная змеяв мгновение ока скрылась в черноте дворов.

– Отлично, Матильда. Сначала нас с тобой развёл на деньги ребёнок, а потом обворовала собака, – пробормотала я вслух, на всякий случай наматывая оставшиеся сосиски на подобии шарфа-хомута.

В прихожей Квартирант, обычно встречающий хозяйку флегматичным будничным взором, на сей раз опасливо вылупился. Я взглянула в зеркало. Отразившееся действительно выглядело колоритно. Под мышкой кошка с ассиметрично посаженными пластмассовыми глазами, поверх пуховика заиндевевшие сосиски. Просто городская сумасшедшая, выгуливающая по вечерам чучело.

Увековеченная Матильда моего питомца оставила равнодушным. Хоть поначалу и заинтриговала, отчего заинтриговалась и я. Сначала Квартирант обнюхивал застывшую незнакомку, особенно в области хвоста, и робко трогал лапой. Но вскоре утратил всякий интерес, предпочтя впасть в сон. Кот мой всё же повидал на своём веку соплеменниц, и дамы его привлекали активные и пушистые. Это же неподвижное полулысое создание не будило в нём никаких низменных желаний. Я порадовалась: воспитала отличного кота без всяких сексуальных патологий.

Словно в продолжение последней мысли позвонил Илюша.

– Кажется, я вывихнул обе ноги, – чуть не рыдал он в труб-

ку.

– С твоими конечностями вечно что-нибудь не в порядке.

– Я уже привык к твоим издёвкам, язва. Но ближе тебя у меня всё равно никого нет. Слушай, забери меня, я на улице валяюсь, встать не могу.

– Точные координаты?

– Арка во дворе на Ленина.

– Что ты там забыл?

– К любовнице ходил!

– Шутник.

Проклиная свою отзывчивость, я, только раздевшись, снова утеплилась и выскочила на улицу.

Илья сидел на холодной земле, вытянув ноги, как кукла.

– Ты себе ничего важного не отморозил? – спросила я, приближаясь к нему.

– Я ценю твой тонкий юмор, Мухрыжева. Встать помоги.

Кое-как мне удалось привести друга в вертикальное положение. Илья повис на моём плече, и мы, будто раненые, стали продираться сквозь начинающую пургу.

– Как тебя угораздило?

– Да шавка какая-то меня с ног сбила. Представляешь, у неё в пасти была змея!

Я засмеялась:

– Это сосиски.

– Что?

– Сосиски, Капустин, обыкновенные сосиски. Я знакома

с этой собакой.

– Совсем ты, Ирка, дошла, с собаками знакомишься. За-
муж тебе пора.

– Предлагай.

– Извини, именно сегодня вышел из дома без кольца.

– А мы как раз к тебе домой сейчас и придём.

– Ну, надо же, полагаю, красиво всё обстряпать, на колено там упасть. Но в связи с последними событиями из-за твоей знакомой собаки, не обессудь, колено временно откладывается. А без колена, сама понимаешь, никуда не годится.

– Жалкие отговорочки, Капустин.

– Куда я от тебя денусь, Мухрыжева? Всё равно я никому кроме тебя не нужен. Как и ты никому кроме меня.

– А не вывихнуть ли мне тебе ещё и обе руки?

– Обожаю тебя.

За разговором о предстоящем походе к Ленке мы достигли Илюшиной квартиры. К этому моменту Капустин на удивление расхотелся, и на пятый этаж волоочь его тощее, но тяжёлое тело мне не пришлось.

Во всей квартире горел свет. Но это привычное для Ильи дело. Как истинный мыслитель он вечно забывает погасить электроэнергию перед уходом. Поэтому мы, ничуть не изумившись, спокойно принялись разуваться. Но в следующую секунду я насторожённо застыла. До прихожей долетал запах... еды!

Тут стоит сделать лирическое отступление. Мой интим-

ный друг мужчины весьма аскетичный и неприветливый. Питается он преимущественно лапшой быстрого приготовления и таким же порошковым картофельным пюре. Иногда я удивляю его пищеварительный тракт чем-нибудь домашненьким, но это случается редко. Нечего баловать, а то привыкнет ещё, потом не наготовишься. Да и кто он мне по сути? Всего-то единственный мужчина на протяжении последних трёх лет. Подумаешь!

Недоумённо переглядываясь, мы с Капустиным вели ногами.

– Это вообще моя квартира? – ошарашено проговорил любовник и крадучись зашагал на аромат.

Я, так же на цыпочках, последовала за ним.

Кухонный стол оказался заставлен яствами. Четыре огромных кисэс горами различных салатов, бесчисленные тарелки с нарезками и закусками, огромное блюдо с крышкой.

– Это... это не моя посуда, – уставился Илья на стол.

– Где раздобыл скатерть-самобранку? Я тоже такую хочу.

– Когда я уходил, этого не было.

– А давно ты уходил?

– Да с час назад, не больше.

И он побежал, не смотря на недавнюю травму, в недра квартиры. Недра состояли из одной комнаты, совмещённого санузла и лоджии, поэтому вернулся он быстро.

– Никого, – шокировано констатировал он.

– Значит, это новогоднее чудо, – кивнула я и потянулась к аппетитной тарталетке.

Как вдруг в замочной скважине провернулся ключ...

Селёдка в шубе

В прихожую вошла девушка.

Блондинка.

Стройная.

Явно моложе меня лет на десять.

В общем, мне она не понравилась.

Присутствие Ильи и меня вошедшую изумило так, словно она застала нас в своей собственной квартире.

– Илюшенька? – вскинула она бровки-ниточки.

– Илюшенька? – воззрилась я на Капустина.

– Катенька? – тем временем вылупился он.

– Катенька? – опять переспросила я.

– А я нам селёдку под шубой принесла, – улыбнулась Катенька Илюшеньке, упорно не смотря в мою сторону.

– Так это вы наготовили, дорогая. Спасибо, Катенька, вы очень любезны. МЫ с Илюшей просто обожаем селёдку под шубой.

И я взялась за блюдо. Но не тут-то было! Девушка вцепилась в селёдочницу мёртвой хваткой бультерьера.

– Илюшенька, что это за беспардонная особа? – возмутилась Катенька, потянув на себя тарелку.

– Да, Илюшенька, что это за беспардонная особа? – попу-
гаем повторила я, перетягивая блюдо на себя.

– Дево-дево-девочки, остановитесь! – засуетился Капу-
стин. – Ира, это Катя, моя соседка снизу. Катя, это Ира,
моя... Э-э...

– Кто?! – хором потребовали мы с соседкой.

– Подруга, – нашёлся Илья. – Да, подруга.

Катенька мстительно прищурилась:

– Это вы, ПОДРУГА, топчете тут времена по вечерам
так, что у меня аж штукатурка с потолка осыпается?

И она многозначительно смерила мою фигуру своими
невыразительными глазками.

– Ничего я не топочу, – слегка обиделась я. – Это мы тан-
цуем с Ильёй.

Хмыкнув, Катенька с улыбочкой вручила селёдочницу
Илье. Затем нагнулась, оттопырив выступающую часть тела
пониже спины, и стала нарочито медленно стягивать сапож-
ки.

– Сегодня у НАС несколько иная культурная программа, –
манерно протянула девица, по-хозяйски обуваясь в домаш-
ние тапки Капустина. – Так что, думаю, вы можете быть сво-
бодны.

Ну это уже слишком!

– А с чего это вы, милочка, распоряжаетесь здесь и реша-
ете за моего друга, кому остаться, а кому быть свободной?

С загадочной физиономией Катенька приняла тарелку из

рук Ильи и повернулась к нему спиной. Секунду Капустин растерянно моргал, но потом понял, что от него требуется и галантно снял с плеч девицы клокастую шубку из крашеного кролика. Катенька одарила меня победоносным взглядом и, не забывая вилять бёдрами, прошествовала в кухню.

Похоже, выгонять соседку любовничек не собирается. Нет, так этот импотент меня ещё не обламывал!

Абсолютно молча я оделась.

– Ир... Это, извини... Но Катька так старалась... – малодушно мямлил Капустин.

– Ага, хорошенько настаралась. На ключ от твоей квартиры.

– Да я сам ничего не понимаю, честно. Ну да, давал ключ. Ты ж знаешь, я как задумаюсь... Из дома на работу уйду, а тут... Я Катюху летом затопил, я ж рассказывал. А чего она сегодня вздумала мне такой сюрприз сделать, ей-богу не знаю. Клянусь! Ну, Ир, ну не обижайся. Но неудобно же как-то теперь человека выгонять.

– Сюрприз удался, хорошего нового года! Да, кстати, как новый год встретишь, так и проведёшь.

С этими словами я слишком резко толкнула дверь.

– А-ааай, блин! – раздался женский голос.

– Ещё одна соседка? – посмотрела я на дружка и лишь потом открыла дверь шире.

За ней потирала ушибленный лоб Ленка. Рядом возвышался её долговязый сантехник.

– О, тётя Шляпкина! – в унисон обалдели мы с Капустинным.

– С наступающим, блин! – проворчала подруга и они с ухажёром перешагнули порог.

– Драсти, – застенчиво улыбнулся Михаил, обнажив кривенькие зубки.

– Извини, Ленка, это от меня тебе в лоб прилетело. Кто ж знал, что вы под дверью торчите?

– Прикиньте, у нас во всём доме свет вырубили, – споро вытряхивалась Ленка из своего пуховика размером с накидку для танка. – Так что гуляем сегодня у тебя, Илюха.

– Илюха сегодня гуляет, гм, с другими гостями, – сказала я. – Пойдёмте лучше ко мне.

– Не, у тебя кошак дома, а у Мишки на них аллергия. А что это за гости такие? И чем это у тебя так вкусно пахнет?

И тут немым ответом на все вопросыв прихожую вплыла Катенька.

– Не поняла, – упёрла Шляпкина руки в то место, где обычно у женщин талия. – Капустин, это что за селёдка копчёная?

– Илюшенька, тебя сплошь окружают хамки, – сложила Катенька наманикюренные лапки на том месте, где обычно у женщин грудь.

– Это кто тут хамка? – набычившись, пошла на Катеньку Ленка. – Сейчас сяду и раздавлю, де-воч-ка.

– Она может! – испуганно предостерёг Капустин.

– Мо-оожет, – со знанием дела подтвердил Михаил.

Ленка вплотную приблизилась к Катеньке и пнула ту своим горизонтальным бюстом.

– Женщина, что вы себя позволяете? – чуть отлетев в коридор, взвизгнула лёгонькая соседка. – Эй, вы, мушщина, как вас там, угомоните свою спутницу!

– Стой, Мишка, не вмешивайся, когда бабы беседуют! – не оборачиваясь, предупредила спутница. – Ну, так я не слышала, кто тут хамка.

– Вы первая начали! – пятилась назад Катенька. – Сами меня селёдкой копчёной обозвали!

– А ты ж на платьишко своё взгляни!

Катенька послушно взглянула:

– И?

– А оно у тебя золотенькое, как чешуйка у копчёной селёдки, рыба ты моя.

«Точно, селёдка. Ещё и в шубе припёрлась», – подумала я, а вслух шепнула:

– Мужики, Шляпкина перешла на уменьшительно-ласкательные суффиксы. Разнимайте.

– Обычно Леночку можно отвлечь от врага чем-нибудь сладеньким, – задумчиво произнёс Михаил.

– Лена! Шоколадка! – как собаку окликнул подругу Илья. Мне так и казалось, что сейчас он ещё посвистит.

Услышав волшебное слово, Шляпкина обернулась, просканировала Капустина своим фирменным прищуром и пре-

дупредила:

– Обманул – отгрызу руку.

Круговорот соседей в природе

Впятером мы рассредоточились на маленькой кухне. Поначалу Катенька вознамерилась примоститься на кожаном уголке рядом с Ильёй. Но Ленка так убедительно на неё посмотрела, что блондиночка передумала. Тот же доходчивый взгляд подруги усадил поближе к Илюше меня.

Заваливающая шоколадка у Капустина правда нашлась. Шляпкина не кокетка, поэтому принялась уничтожать её, не ломая, а откусывая прямо от плитки.

Не считая шелеста фольги, сидели мы в абсолютной тишине. Атмосфера праздника так и нависала.

– В последний раз мне так весело было на поминках моей бабушки Агафьи, – пробубнила Ленка.

Илья подавился сигаретным дымом и засмеялся. Следом я. Потом Ленка и Михаил. Катенька лишь сердито покачивала ножкой в тапке.

– Всё, я подобрела, – довольно облизнулась Шляпкина и тут же взялась за бутерброд с красной рыбой. – Так значит вы, голубушка, соседка снизу?

Соседка снизу кивнула, ревностно проследив, как её угощение для Илюшеньки исчезает в Ленке.

– И вы такая одинокая, и Илья Дмитрич такой одинокий,

что решили вместе новый год справить?

Неожиданно девицу словно прорвало:

– Ничего Илья не знал! Да, мне не с кем встречать этот чёртов новый год! Вот я и решила, почему бы не отметить праздник вместе с соседом? У нас тут слышимость, сами знаете, какая, я слышала, что Илюша дома. Начала готовить с самого утра для нас с ним. Расстаралась, прихорошилась, вечером поднялась, а его нет. Ну, я и решила сюрприз сделать. Я свободна, Илья, как я думала, – тут она посмотрела на меня, – тоже, ну почему нет?

– Глазик на Илюшу положили, другими словами? – схватила подруга бутерброд со шпротами.

Капустин зарделся.

– Ну так заберите свой глазик обратно, он вам ещё пригодится, – жуя, посоветовала Ленка. – На Илью Дмитрича ещё до вас положили и глазик, и право вето.

Любовник вопросительно повернул голову на меня. Я лишь пожала плечами.

– С двумя глазиками морда красивее, согласитесь, – продолжала Шляпкина. – И вообще, вы знаете, что Илья Дмитрич декадент?

– Кто? – тихо спросила Катенька. – Это болезнь такая?

Ленка загоготала.

– В какой-то мере да, болезнь. Декадент, рыбка вы моя золотая, это такой субъект, постоянно находящийся в упадническом настроении. «Упадническом» для вас не слишком

сложное слово? Ну, падает у него постоянно... – Ленка облизнула пальцы, Илья напрягся.

– Точнее, не поднимается... – Ленка потянулась к салфетке, Илья съёжился.

– Настроение, – закончила подруга, Илья выдохнул.

Мне вдруг захотелось заступиться за Капустина:

– Илья в последнее время прибывает в очень хорошем расположении духа, Шляпкина.

– Во! Слыхала, соседка снизу? В правильных руках любой декадент в человека превращается. С Ирккой Илья створожился, на работу устроился. А с вашими сюсюканьями, милая, боюсь, опять расстворжится. Значит так, – Ленка решительно встала, опершись руками на стол. – Я сегодня буду вашей волшебной новогодней феей. Прошу извинить, пойду стгоняю за волшебной палочкой.

И фея унеслась в прихожую, сотрясая своей лёгкой грациозной походкой стены.

– Предлагаю вам рокировку, соседка снизу, – внеслась фея обратно с волшебной палочкой в виде бутылки шампанского.

– Меня Катя зовут, – пискнула соседка.

– Катя так Катя, – пожала монументальными плечами Шляпкина и принялась откупоривать бутылку. Эту миссию Ленка никогда не доверяла никому. – Так вот, о рокировке, Катя. Вы отстаёте от своего соседа сверху, а я вам подгоняю своего соседа снизу. Вы как к фельдшерам, не в претензии,

сойдёт?

Катенька растерянно хлопала частоколом ресниц.

– Вижу полное согласие. Этот салют я посвящаю вам, Катя!

И Шляпкина специально потрясла бутылку. Мы, знающие хулиганские наклонности Ленки, сгруппировались. Шампанское вырвалось пенным фонтаном, пробка ударилась о потолок и срикошетила в лоб Катеньки. Девушка завизжала, а Шляпкина констатировала:

– Вот, теперь вам просто необходимо познакомиться с фельдшером.

Миссия: научиться варить пельмени

Маленький выпуклый телевизор на стареньком холодильнике транслировал «Голубой огонёк». Через стенку слышалось, как в бас Ленки вплетался писклявый голос Катеньки, а затем катился общий смех. Похоже, врагини, приняв на грудь, приняли и мир.

Мы сидели с Ильёй в комнате опутанные гирляндами прямо под ёлкой на полу. Попивали шампанское и молча смотрели друг другу в глаза. Гирлянды то светили мерно, то быстро-быстро переключались, делая нас похожими на далматинцев с постоянно кочующими пятнами. Когда свет маленьких лампочек падал с макушки Ильи, выделялся его орлиный нос и глубоко посаженные умные глаза. Когда же наступала оче-

редь лампочек на шее, они прорисовывали его мужественный раздвоенный подбородок и высокие впалые скулы, а на глазницы и надбровные дуги кидали тени, отчего Капустин напоминал демона. Мне нравилось наблюдать за этими метаморфозами. Причудливые световые узоры сменялись, а я смотрела и смотрела, словно в калейдоскоп.

Неожиданно я поймала себя на мысли, что нахожусь ставшее таким привычным лицо... красивым. Стоп-стоп-стоп, я же не влюбляюсь в красавцев! А я влюбляюсь? А может, уже давно влюбилась? А может... люблю? Да нет-нет, глупости, вздор! Я не люблю Илью, не люб-лю! Мне просто нравится проводить с ним время. Мне важно знать, что с ним всё в порядке. Мне интересно слушать о его неприятностях и делить их вместе с ним. Мне хочется помогать ему и заботиться о нём. Хотя какая эта забота – собрать по его квартире его вещи и закинуть их в его же стиралку? Это так, дружеская помощь. Это во мне поднимает голову обычная русская домовитая баба...

Но как я радуюсь, когда кручусь полдня у плиты, а потом он просит добавки... А как разозлилась, увидев эту Катеньку... Что это, ревность? Господи, я! Ревную! Капустина?!

Да нет, я просто испугалась, что с ним будет спать кто-то ещё, да к тому же такая молодая, стройная и, ладно уж, привлекательная. Я почувствовала себя уязвлено. Вот и всё, разобрались. Во мне разыгралась не ревность, а чувство зависти и ущемлённого самолюбия.

Вот только почему я так испугалась? Илья ведь не моя собственность, и ни о каком романе мы никогда не заявляли. Мы просто встречаемся, спим, едим, беседуем, всюду ходим вместе, делимся друг с другом всем произошедшим – какой же это роман? Дружба, чистой воды дружба, только с интимом.

И вообще, кто сказал, что Илья переспал бы с ней? Я точно знаю: он ни с кем не спит кроме меня. А даже если и так, он бы сильно разочаровал девушку и снова позвонил мне. А вдруг не позвонил бы?

Ладно, с Ильёй-то всё понятно: комплексует. Но почему после встречи с ним порвала со всеми имеющимися любовниками? Даже не потому, что свои фиаско Капустин с лихвой компенсирует ласками, нет. Мне хорошо с ним. Я не жду с нетерпением момента, когда же он уйдёт. Зато с нетерпением жду, когда придёт. Он не напрягает меня, даже когда молчит. Чтобы понимать друг друга, нам не обязательно разговаривать – мы общаемся глазами. Нам комфортно молчать.

– Знаешь, мне кажется, я тебя люблю, – его спокойный нежный голос вырвал меня из потока мыслей.

С моих губ едва не сорвалось то же самое, но я всё ещё трусила признаться в этом даже самой себе. Поэтому спросила нас двоих:

– Может, это просто привычка?

– Ну, давай рассуждать логически, – так практично он подходит к любым вопросам. – Во-первых, мы с тобой вме-

сте три года. Я тебе не изменяю, ты мне тоже.

– С чего вдруг такая уверенность? – улыбнулась я.

Илья засмеялся.

– Мухрыжева, ну кого ты пытаешься обмануть? – поморщился он.

– Ну да, совсем забыла, я же страшная и никому кроме тебя не нужная, – тоже засмеялась я.

– Вдобавок совершенно не умеешь варить пельмени. Они у тебя вечно переваренные.

– Козлина ты козлина. Сам же всегда просишь добавки.

– Я чертовски воспитанный и глубоко тактичный мужчина.

– Особенно, когда говоришь, что я страшная. Ну да ладно, а во-вторых?

– Второе вытекает из вышесказанного. Ты страшная и совершенно не умеешь варить пельмени, но я люблю тебя, Мухрыжева, чёрт возьми, я люблю тебя! Только ты заряжаешь меня. Только ради тебя я захотел меняться. И ведь меняюсь! – в ажиотаже зажестичулировал он. – Только к тебе я бегу за советом. Или бегу, как раненый пёс, зализывать к тебе свои раны. Ты умная, рассудительная, ты верный друг. Мне с тобой всегда есть о чём поговорить, мне с тобой интересно. И наблюдать за тобой интересно. Мне с тобой хорошо, Мухрыжева.

И он опять внимательно заглянул в мои глаза.

– А я всегда на самом деле переживаю, как ты, что с тобой,

волнуюсь за тебя. И мне тоже с тобой всегда интересно... Мне кажется... я тоже... тебя...

Закончить эту тяжёлую фразу он мне не дал – вскочил и побежал к платяному шкафу. Через мгновение Илья подошёл ко мне и громко выдохнул, как выдыхал перед опрокидыванием рюмки. Мне показалось, он сейчас ещё перекрестится. Но Илья опустил на колени.

– Я недавно купил... В общем...

Я ахнула. Разноцветные лампочки весело плясали по красной бархатной коробочке с кольцом. Никто из нас не знал, что говорить, поэтому Капустин с лёгким тремором в руках вынул колечко и надел мне его на безымянный палец.

– Только чур, ты забираешь у Катеньки ключ и переезжаешь ко мне.

– Я согласен. А ты берёшь мою фамилию и учишься варить пельмени.

– Я согласна.

Как и подобает после этих слов, Илья, абсолютно счастливый, жадно впился в мои губы. Под его напором я стала заваливаться на спину. Какой-то тихий шорох... Шорох всё настойчивей... Прежде чем я успела сообразить, что происходит, на нас рухнула искусственная ёлка. Но мы не обращали внимания на такую мелочь. Тёплые руки Капустина действовали всё решительнее, он уже мастерски расстегнул и мои, и свои джинсы. Почувствовав бедром что-то твёрдое, я скосила глаза вниз. Илья тоже. Как раз в этот момент из

прихожей послышался голос вызванного Ленкой фельдшера Валерия:

– Куда я могу повесить свою сумку?

Мы засмеялись. На нечто твёрдое и вертикальное, растущее из Капустина, сейчас можно было повесить не одну сумку.

– Способ найден: признание и хвоя на жопе, – заключил будущий муж.

Счастливый конец во всех смыслах

– Это были лучшие три минуты за три года, – сказала я абсолютно искренне.

– Я надеялся услышать, что за все твои тридцать пять лет, – засмеялся Илья.

Он лежал на спине и, как в лучших традициях американских фильмов, счастливо курил, нарушая все правила пожарной безопасности. Я пристроилась на его груди, обвивая руками и ногами. Обвивали нас по-прежнему и гирлянды. Правда, некоторые лампочки не выдержали трёхминутного натиска и уже не горели. Ёлка валялась.

Кое-как приладив её на место и причесав торчащие дыбом волосы, вернулись к гостям.

– Ой, а вы дома, котятки? – спросила порозовевшая Ленка. – Мы думали, вы вообще ушли.

– Мы ходили на ёлку, – улыбнулся Илья.

Шляпкина просканировала нас захмелевшими глазами и расплылась в хитрой улыбке.

– Ну и как там пушистая лесная красавица?

– Стоит, – гордо ответил Капустин.

Ленка захохотала.

Катенька сияла и на Илью не засматривалась. Рядом с ней восседал молодой парень лет двадцати пяти очень приятной наружности. Сталкивалась с ним во дворе и в супермаркете, но не знала, что он Ленкин сосед.

Познакомились. Выпили. Закусили. Надо отметить, готовила Катенька вкусно. И вообще, она стала казаться мне милой и симпатичной.

– А что это у тебя сверкает на пальчике, Мухрыжева? – заметила Шляпкина кольцо и даже перестала жевать от удивления.

– Это мой лучший новогодний подарок.

– Ребята, я щас протрезвею! Так тебя скоро надо будет звать Капустиной?

– Ира всё равно останется для меня любимой Мухрыжевой, – сказал Илья и поцеловал.

Martina Z

origina

, «Призрак прошлого на Рождество»

Елизавета выбежала из операционной, словно ужаленная пчелой, и тут же направилась в душевую. Сейчас, ей было абсолютно все равно кто и что подумает о ней и как это выглядит со стороны. Ей хотелось, сиюминутно, снять с себя защитную одежду, заляпанную кровью пациента, и встать под теплые расслабляющие струйки воды. Её руки до сих пор дрожали, а сердце выстукивало чечетку в висках.

Она пробежала по длинному коридору, с одного конца этажа на другой, по пути сбрасывая с себя шапочку, халат и перчатки. Вихрем вбежав в ванную комнату, женщина избавилась от ненужной одежды и запрыгнула в кабинку душа. Через мгновение теплые капли дождем упали на её плечи. Содрогнулась. Все её внутренности сжались и застыли в ожидании, не давая ей возможности дышать полной грудью. Все её яство желало и требовало исполнения самого заветного желания.

Но чего так желала душа дежурного кардиолога городской больницы – Елизаветы Смольницкой – в преддверии новогодних праздников? Чего именно ей хотелось в тот миг, когда перед глазами появилось его бездыханное тело? Возмез-

дия? Справедливости? Взять реванш?

– Боже... – обреченно выдохнула Лиза, подставляя лицо под струю воды. Капли падали на её чело, щеки, смешивались вместе со слезами и стекали по подбородку вниз к шее, шумно падая на мраморную плитку.

Пять лет назад...

Это было двадцать пятое декабря. Католическое рождество. На улице стояла зимняя прохлада. С неба падали, кружась в страстном танце, снежинки, под ногами хрустел далеко не первый снежок и легкий мороз щипал за щечки. В общем, была самая настоящая зимняя сказка. Весь мир находился в предвкушении праздников и новогоднего волшебства. Но больше всех волновалась девушка Елизавета. В тот день она выходила замуж.

Сколько же она ждала, сколько бессонных ночей провела, планируя свою фантастическую свадьбу с прекрасным принцем по имени Константин. Сколько сил и времени было потрачено на её организацию, сколько денег потратили её родители и с каким трудом ей удалось найти платье своей мечты. Это было безумно и в тоже время прекрасно. Лиза с самого детства была влюблена в Костю – белокурого соседского мальчишку с лучезарной улыбкой и небесного цвета глазами. Их любовь была нежной, чистой и бескрайней. Ну, как Лизе казалось.

В тот день, ничего не предвещало беды, кроме как странного чувства тоски и печали. Но, Лиза старалась не прида-

вать этому должного значения. Волнуется, так это же естественно. Сегодня важный день. Она станет взрослой и навсегда покинет отчий дом.

«Сегодня все мои мечты сбудутся» – думала Лиза. Она шла под руку с отцом, к алтарю, где её ждал Костя, и не могла налюбоваться им. Её сердце бешено стучало, глаза горели, а губы расплывались в улыбке.

Но счастье длится лишь миг, и для Лизы этот миг закончился. В тот самый момент, как дверь в церковь открылась, и в неё ворвался Он. Владимир Левицкий, собственной персоной. Подлец, лицемер, дьявол во плоти, и по совместительству лучший друг Константина.

С первого дня знакомства Лиза чувствовала себя неуютно в обществе этого человека. Его странные взгляды волновали, пошлые шуточки заставляли краснеть, а всякие попытки поцеловать её украдкой – пугали и вселяли страх. Она пыталась поговорить с Костей, но тот лишь продолжал твердить, что Владимир не сразу сходится с чужими людьми, что она должна узнать его получше. И она молчала, не подавала виду, ведь это же лучший друг её любимого. Да и вообще, ей тогда казалось, что Вова просто так её проверяет на верность другу. Знала бы она, чем закончатся для неё «эти» его проверки и её желание сохранить хорошие отношения с лучшим другом жениха.

– Этой свадьбе не бывать! – выкрикнул парень, направляясь к молодой паре. Гости заволновались, стали шушукать-

ся между собой и косо глядеть на невесту.

– Молодой человек, что Вы имеете против этого союза? – вмешался святой отец.

– Я? Я ничего не имею против. Но думаю, жених будет, – ответил Левицкий, вплотную подойдя к жениху и невесте. Он подмигнул Лизе, затем достал конверт из внутренней стороны пиджака и вручил его жениху.

– Что это? – встревожено спросила невеста у Владимира, не понимая, что за цирк он развел тут.

– Доказательство моей победы! – с восторгом ответил тот, ехидно улыбаясь.

В это время, Константин открыл конверт и достал оттуда несколько фото, на которых были запечатлена его невеста с его лучшим другом в довольно-таки пикантной обстановке. Глаза жениха округлились, также как и невесты.

– Это... это не правда... это фотошоп... – закричала Лиза, выдирая из рук Кости конверт с фото. Её сердце гулко билось в груди, до боли разрывая грудную клетку. С глаз брызнули слезы, размазывая тушь.

– И вот эта родинка – тоже фотошоп? – поинтересовался Вова, подливая масла в огонь.

– Костик, любимый, стой! – кричала невеста, пытаясь удержать любимого за руку и все объяснить. Хотя, объяснять-то и нечего было. Она точно знала, что фотографии подделка. Она никогда бы не стала изменять жениху. Только вот он, не знал и не хотел знать. Константин оттолкнул Лизу

и молча, быстрым шагом вышел из церкви. Ни просьбы, ни мольбы девушки, не были услышаны. Жених ушел, даже не пытаясь выяснить виновна она или нет.

Её боли не было границ. Она страдала, плакала, не кушала. Почти полгода не выходила из дома. Ей не хотелось жить. Её мир рухнул. Её все бросили и забыли о ней. Даже родители с недоверием стали относиться к ней. Еще бы, единственная дочь, принцесса, и так опозорила их. Только одно держало её в этом мире – это месть. Мечь Владимиру Левицкому. Она хотела стереть его в порошок! Заставить страдать! Сожалеть! Просить прощения и умолять о пощаде! И даже после всего этого, ей было бы мало. Ведь такие как он не заслуживают прощения. Ей хотелось сделать с ним все то, что он сделал с ней и её семьей: оскорбить, оклеветать, унижить, разрушить! И она бы так и поступила, если бы не внезапная смерть отца и необходимость заботиться о матери.

Елизавете понадобилось очень много сил и времени, чтобы забыть все, что произошло. Забыть, стереть из памяти, не помнить. И каждый год, двадцать пятого декабря, вкалывать на работе, будто бы проклятая, лишь бы не думать о самом худшем дне в её жизни. Естественно, ни Рождество, ни новый год она больше не желала праздновать. Эти праздники навсегда исчезли из её жизни. Для неё этот месяц – период борьбы с собой и своими демонами.

Когда Лизе позвонил врач скорой и сказал, что в её лечебницу направляют тяжело раненого мужчину, она не со-

мневалась, что это будет долгая и трудная ночь. Как-никак двадцать пятое декабря, праздник, хоть и не все его здесь празднуют. Персонала совсем мало, так, дежурные только.

Но она и подумать не могла, что будет так тяжело. И что жизнь вновь сыграет с ней в злую шутку.

Когда на её стол положили окровавленное тело Владимира, Лиза замерла в ужасе. Она и представить не могла, что будет чувствовать вновь увидев его. А в таком состоянии и подавно. Её глаза не верили в то, что видели, а руки дрожали от страха и понимания того, что сейчас он полностью в её власти. Что её месть, может быть, наконец-то исполнится. Она может отомстить обидчику. Достаточно будет просто замедлиться, и все. Сейчас время как никогда имело значение. И с каждой секундой его становилось все меньше и меньше. С каждой секундой Вова терял все больше крови, а вместе с тем и шансы на спасение. Несколько секунд потребовалось Лизе, чтобы злость и гнев отступили, и на смену им пришли трезвый ум и желание спасти в первую очередь, живее существо, а не ненавистного ей Левицкого. Лиза взяла себя в руки и с профессиональной точностью принялась за работу, сохраняя хладнокровие ровно до тех пор, пока пациента не подключили к аппарату искусственного дыхания и операция не была закончена.

– Я чуть не убила его... – прошептала она, судорожно, словно в бреду, проводя мочалкой по коже в надежде смыть с себя всю грязь, боль и отчаяние. Её мир вновь пошатнулся

из-за одного-единственного человека. Из-за того, кого она ненавидела всем сердцем, каждой клеточкой своей души. Тот, кто не заслуживал второго шанса и тот, из-за кого она чуть ли не стала убийцей.

Женщина содрогнулась от собственных мыслей. Сглотнула, сделала глубокий вдох и вновь тяжело выдохнула. Лиза положила руку на кран, и, покрутив его против часовой стрелки, выключила воду. Затем она вышла из кабинки, быстро вытерлась полотенцем и надела чистую одежду. У неё было немного времени, чтобы сходить и выпить очередную чашку кофе и хоть немного расслабиться. Ей было это жизненно необходимо.

– Елизавета Юрьевна, – послышался чей-то голос и приближающиеся шаги. Лиза стояла возле автомата с кофе, рассматривая пустоту перед собой.

– Елизавета Юрьевна! – голос снова позвал её и женщина повернулась. Перед ней стояла молоденькая медсестра, лет двадцати пяти, не более.

– Да, Катя, вы что-то хотели? – обессилено спросила Лиза, надеясь, что не привезли еще одного призрака из её прошлого.

– Там пациент ваш, Левицкий, ему требуется вновь переливание крови. – ответила девушка.

– Так сделайте. Я-то тут причем? – совсем без интереса спросила она.

– Так мне Николай Сергеевич сказал, что ему нужна ваша

кровь... то есть... Вы нужны как донор. У пациента редкая группа крови, если вы помните. И наши запасы закончились. Новая поставка будет лишь утром. А если мы сейчас не сделаем прилив, то... – девушка безуданно говорила, но Лиза как будто бы не слышала её, пребывая в каком-то коматозном состоянии. – Елизавета Юрьевна, так вы пойдете со мной, да?

– Да, конечно. Кто-то же должен спасти эту заблудившуюся душу, – обреченно ответила Лиза, чем озадачила медсестричку.

– Что, простите? – переспросила та, направляясь в сторону отделения реанимации.

– Говорю, что повезло Левицкому, даже для такого, как он, существует новогоднее волшебство, – молвила докторша.

– Ах, да, Елизавета Юрьевна. Вы правы. Если бы не вы, вряд ли кто-то смог бы спасти потерпевшего. Мне кажется, что вы и есть его новогоднее чудо, – с восторгом в голосе ответила Катя.

– Нет, Катя, это не так. Я всего лишь врач, который хорошо делает свою работу, – возразила Лиза, открывая дверь в отделение реанимации.

P.S. Пусть каждый из нас найдет в себе силы понять и простить тех, кто нас обидел. И пусть Новогоднее чудо случится с каждым.

Feel Adelfia, «Дженга»

-2015-

Он родился на день и год раньше меня. Когда я невзначай увидела это на его пропуске, то поразились тому, как деликатно звезды поставили нас в один ряд. Я любила его обрывками – да, теми временными промежутками, когда он внезапно появлялся в моей жизни и сносил к чертям стены, воздвигнутые около меня.

Я помню первое наше знакомство. Закончилась физкультура, и я стыдливо переодевалась перед девчонками, стараюсь поскорее надеть что-нибудь и убежать в туалет, чтобы привести себя в порядок. Наскоро запихав вещи в вещевой мешочек, я хотела пулей выскочить из раздевалки, но неожиданно меня за руку схватила Полина, моя старая знакомая с секции волейбола, куда я имела несчастье ходить какое-то время. За ней стояло двое ребят с класса на год старше – невероятно разные, но талантливые, таких обычно высокопарно величают «гордость школы». Старшие ребята, которые ждали выпуска на следующий год. Пока я знакомилась с первым, Полина незаметно для других поправила задравшееся платье и получила улыбку благодарности. Первый парень, Антон, быстро ввел меня в курс дела – через пару часов должны состояться некие дебаты, а в нашей школе не

хватало людей в команду и, здраво рассудив, они пошли искать олимпиадников, в чьи ряды входила моя скромная персона. Я нашлась – теперь они лишь ждали моего согласия, а я смотрела на них и терялась под напором, отчаянно пряча взгляд где-то у второго парня на груди. Тот подошел ко мне, вынудив заглянуть в глаза, чей цвет назвала бы оттенок «потертой джинсы» – так много серых крапинок в них было. Он положил руку на плечо и сказал:

– Команда – это взаимовыручка. Я много слышал о тебе и уверен – ты справишься.

Его серьезность вогнала меня в ступор, и я, кивнув, быстро юркнула в темный коридор, попросив скинуть смской время.

Его звали Арсений – самое странное имя, которое я слышала в тот день, и которое спустя годы примеряла своим детям, в надежде, что мысли материализуются. В скудно освещенном коридоре я не увидела того, что открою вскоре. Тогда я запомнила, что он был невероятно высок, его костюм пах травами, а голос был красив, но с небольшим дефектом – шипящие согласные через раз выходили чуть смазанными. Уже на улице, когда мы сквозь сугробы бежали до автобуса, я невольно отметила прямую спину и, схватившись за поручень, уставилась в окно, где день окончательно сменился вечером – я пыталась больше не возвращать бумерангом взгляд на черное пальто. Смотрела на людей, пыталась копошиться в их логике, находя зацепки в их внешности и опре-

деляя, куда бы их могла понести нелегкая – нотные папки, кучи пакетов в сумках, грустные, мокнущие чихуахуа – люди были прекрасны в своей брезгливой войне с дождем, замыкая круг очередного дня поспешными выводами, домашними делами и отдыхом. Мой взгляд скользил по огромному окну и все таки наткнулся на отражение Полины, Арсения и Антона, усевшихся на заднем ряду – я повернулась к ним и начала внимательно вглядываться в их лица. Беглый осмотр Полины выдал небольшое количество изменений за последние пару месяцев – я с удовлетворением отметила, как округлились щеки и выросли холмы на животе, но она оставалась чертовски красивой. Антон был из тех ярких парней, что долгое время не осознавали собственной привлекательности и, наконец, получив порцию женского внимания, вдруг открыли в себе потенциал. Арсений казался невзрачным, но лишь на первый взгляд – лицо, освещенное пробежавшими мимо фонарями, было классически правильным – вытянутый овал с высокими скулами, чуть крупным на кончике носом и восточными глазами...

Для меня это стало поражением в самую душу – я впервые влюбилась. Спустя секунду я оторвала от него взгляд, отвернулась и уставилась на куда менее волнующую спину пожилого мужчины, включив мозг и пытаюсь понять, что за ощущения окутали меня с ног до головы. Почему я дрожу, почему я не могу закончить ни одного предложения в голове, почему в каждом ухе разный шум, почему к горлу под-

ступила тошнота – я пыталась провести небольшой анализ и уверить себя в том, что все это – лишь происки воображения, отличный вид, игра света и...

Что угодно, уже плевать, я хочу повернуться, я хочу провернуть, не показалось ли мне.

Я взяла поручень и, словно невзначай повернулась, чуть не упав. Арсений смотрел на меня с недоумением. Он уже стоял рядом, а я начала крениться вместе с автобусом – подержав меня за локоть и, чуть приблизившись, он сказал:

– Следующая остановка наша. Может, пройдем ближе к выходу? – увидев страх в моих глазах, он снисходительно улыбнулся и начал широкими плечами очищать мне путь среди уставших пассажиров.

Чуть выпрямившись, он кивнул Полине и Антону, показывая на выход, и выпрыгнул, когда автобус встал. Обернувшись, Арсений поднял мою ладонь и помог перескочить лужу, вслед за этим потеряв ко мне интерес. Взбудораженная, я не заметила того пути, что мы прошли до Дворца Культуры. Незаметно для себя я распустила волосы в уборной и потянулась к расческе, ища пробор и очищая платье.

Я впервые с некоторой горечью почувствовала, что во мне слишком много от пацанки, и так мало – от девушки. Самый первый полет моей самооценки вниз – я начинала взрослеть.

На конкурсе я была готова блистать, вспомнить реальное и нереальное, но нас обогнала соседняя школа, получившая выход на региональный уровень – мы не расстроились, наше

второе место было неплохим поощрением для команды, собравшейся в последнюю минуту – мы выходили довольными и уставшими. Антон жил неподалеку и быстро с нами распрощался – мы втроем направились к остановке, болтая о Хокинге, «Теории большого взрыва» и «Черном зеркале» – к своему стыду я знала лишь о «Теории», так как смотрела пару серий, но пообещала себе посмотреть и прочитать все позже. Я с упоением слушала их, наслаждалась его глубоким голосом, все больше влюбляясь в очаровательную хрипотцу, – я встречала декабрь самым счастливым человеком. На остановке нам пришлось распрощаться – я ехала в другую от них сторону. Арсений и Полина дождались своего автобуса и, обняв меня, зашли.

Помню как сейчас – я сижу на холодной скамейке, на коленях рюкзак, на рюкзаке – мои ладони, отчаянно согревающие друг друга. На губах несмываемая дождем и снегом улыбка – меня колотит, но я не могу понять от холода ли? Что за наваждение?

В тот год я впервые загадала на новый год любовь – к концу месяца впечатления от встречи с Арсением смазались, но мне хотелось вновь испытать колыхание в голове и теплые волны восторга – свой маленький рай в голове, окутанный иллюзорными воспоминаниями первых встреч. Я свято верила в то, что каждый маленький человек встречает другого маленького человека, чье счастье, соединенное со второй половинкой, найдет небольшое уютное помещение в много-

квартирной статистике любви. Я чувствовала, что выросла – куда больше я видела в себе не маленькую Леночку, чье увлечение сериалами и сентиментальными романами должно остаться в прошлом, а настоящую Елену – грациозную девушку с таким духом и женственностью, что ею заражались, плененные одним взглядом...

Пока я мечтала, Президент завершил речь, пробили первые куранты – я испуганно взглянула на родных и увидела сосредоточенные лица, задумчивые взгляды, опущенные в бокалы – они вспоминали прошлое и загадывали на будущее. Если такие взрослые люди верят в волшебство Нового года, то почему и я не могу доверить себя рукам судьбы?

Ровно после девятого удара я пожелала себе любви и пригубила шампанское. В ту ночь я долго мечтала, и воодушевленной звездой устремилась в наступивший год.

– 2016 –

Одиннадцатый пропущенный от матери, заряд батареи отпевает последние 7%, почту разрывает недовольными сообщениями брата, а я лишь равнодушно выключаю телефон.

Пятое декабря – дата выхода картины «Броненосец Потемкин», принят документ-оксюморон – Сталинская конституция и в Санкт-Петербурге это официальный день начала зимы для отраслей с сезонными характеристиками. Когда-то я читала, что негативные эмоции стимулируют рабо-

ту мозга – а значит, стоит вынести хоть что-то полезное из сегодняшнего дня.

За последний год моя жизнь все больше напоминает игру «Дженга» – была когда-то маленькая башенка Леночка из первых шестнадцати брусочков, которые собирали родители, друзья и книжки. Но игра завертелась куда быстрее – прошлогоднее наваждение после новогодних каникул куда не исчезло и новые брусья в башенку вносились исключительно в соответствии с планами Арсения. Нет, мы не встречались, я не говорила о чувствах, он не бегал за мной, не было никакого взаимодействия, но меня влекло. Я понимала, что между нами пропасть, заполненная исключительно моими ожиданиями, сомнениями и чувством, что мне никогда не дотянуться до него. Я с грустью следила за ним в столовых, сторожила кабинеты, старалась подружиться с его одноклассницами. Я не узнавала себя в хохочущей накрашенной девятикласснице, которая каждую перемену бежала к новым подругам и обсуждала их парней, постоянно интересуясь подготовкой к скорому выпускному балу – только эта тема помогала безболезненно переводить интерес девчонок на одноклассников. Ненавязчиво перебирая всех, я безучастно спрашивала об Арсении, не забывая искажать лицо скукой и презрительным недоверием к тому, что тот совершенно не интересуется последним звонком, ударяясь в учебу. Тогда я узнала, что он планирует уехать за две тысячи километров в Петербург, чтобы начать долгий путь адвоката...

В то время я еще все контролировала – это казалось милым, совершенно нормальным для моего возраста – я нашла объект воздыхания, я была типичным подростком, ищущим наполнить внутреннюю пустоту эмоциями – и не было ничего проще, чем найти идеал.

Проверяла страницу, проверяла друзей, проверяла себя на чувство – сердце билось так же часто, так же упорно держало темп, заданный событиями годовой давности.

Я поняла, что запуталась окончательно, когда одним сентябрьским утром внезапно увидела себя со стороны. Вот десятиклассница Леночка садится завтракать и роняет маленькую новость – она сообщает родителям о желании изучать юриспруденцию. Отец задумчиво оцарапал грубые руки щетиной, упершись подбородком о кулак и недоверчиво хмыкнув. Мать недовольно грохнула сковородой:

– Ты три года шла на журналиста и теперь хочешь начать все заново? Сколько раз еще ты поменяешь мнение, сколько денег мне придется спустить на твои мимолетные прихоти?

– Мам, это не мимолетная прихоть. Я действительно хочу связать свою жизнь с правом...

– Делай что хочешь. Но репетитора оплачиваешь сама – пиши, работай, вымогай – все, что угодно.

Отец расхохотался и подмигнул мне. Он понимал, что мать остынет – я благодарно вернула улыбку и с октября приступила к занятиям.

В ноябре я самоуверенно вступила в клуб соцгуманита-

риев – там полным ходом шла подготовка к региональному конкурсу с немислимым количеством исследований. Что меня туда влекло? Неподдельный интерес к истории и к Арсению, что искал возможности для поступления на бюджет. Я ждала кропотливой и занудной ежедневной работы – но это оказалось место, вобравшее в себя невероятно душевных и отчаянно влюбленных в науку ребят. Делиться новой информацией, работать в команде, открывать нечто новое – все это завершалось часовыми турнирами по настольным играм, чаепитием и разговорами. Не знаю, каким образом это отразилось на моей гордости, которая отступила под напором достижения чего-то невнятного, но воодушевляющего. Но факт остается фактом: я достала первый брусок детской мечты и вытащила его, вставив наверх. Только это был не притершийся старый элемент системы – это был новый брус, одним нажатием вставший ровно на место.

Конкурс волнами напоминал о себе и внезапно наступил – только вчера мы в панике собирали работы, и вот мы уже несемся в поезде навстречу окончанию нашей работы. Я снова ловила в отражении профиль Арсения – он сидел рядом и сверял страницы и сноски. Я смотрела на него и старалась фотографировать каждую частичку, растягивая время до бесконечности.

Он слушал музыку и иногда в такт постукивал – я пыталась угадать мелодию, но поезд не давал мне ни единого шанса, опуская гудение на все звуки. Арсений сверил последнюю

сноску и хотел приступить к следующей работе, но поймал мой взгляд в окне и улыбнулся. Я повернулась и мозг, проанализировав все возможные вариации, внезапно направил губам самый простой и верный сигнал:

– Что слушаешь, Сень?

Он что-то увлеченно говорил о Pink Floyd, запуская длинные пальцы в волосы (внутренний психолог ликовал), запылился и отводил глаза (мечты пустились в макарену), но когда он подсоединил к своему смартфону разветвитель для наушников – я достала свои и впервые мы слышали и думали в одном ритме. От осознания мне хотелось плакать, кричать, но я улыбалась и смотрела на блики тусклого освещения в его волосах.

На следующий день мы начали трехдневный марш-бросок, соревнуясь с командами. Мы не выиграли ничего – команда из нашего же города, но из элитной школы смогла добиться третьего места, а главные призы разделили ученики специализированного интерната. Мы не отчаивались – время, проведенное вместе, было бесценным...

На обратном пути мы попали в один вагон с командой из соседней школы и долго делились впечатлениями – они мне нравились, их организованность и сплоченность вселяла легкую зависть, а знания опустошали до краев. Их лидером была маленькая и улыбчивая девушка, громкая, она была солнцем их команды, раздавая тепло каждому. Я восхищалась ее способностью отмечать таланты каждого и находить место

любому в коллективе – я старалась привлечь ее внимание и, в конце концов, добилась своего. Мы пили чай, разговаривали о будущем и много смеялись – неожиданно много общего нашлось в одной мимолетной встрече. Мы обменялись телефонами – Таня пообещала мне дать свои учебники и советы по поводу поступления. Когда мы приехали на вокзал, мы зацепились в объятии и горячо распрощались.

Оставалось лишь отнести в школу наши работы и лабораторные принадлежности. Мне в помощники вызвался Сеня, заставив еще крепче обнять документы. Я шагала рядом с ним, волочившим на двух плечах разные рюкзаки и старавшимся балансировать с пробирками, и смеялась, удивляясь его разговорчивости и слегка безумному взгляду.

Когда мы оставили вещи и направились к остановке, пошел сильный снегопад – снежинки кусались и погибали на щеках, а мы, раскрасневшиеся, напевали Стиви Уандера. Вскоре пункт назначения грозился нарушить наше общее волшебство, мы остановились, и я молила автобусы не изменять своим привычкам и не приезжать вовремя.

Когда вдали замаячила старая «буханка», Арсений вдохнул и неожиданно повернулся ко мне без улыбки:

– Лена, я весь вечер хотел тебя спросить...

Во мне что-то взорвалось, в голове бегали мысли, в панике оставив свои места и не в состоянии себя завершив. Лишь картинка – я беру снизу брусок и понимаю, что скоро мое одиночество взойдет наверх, обретя любовь ближе к концу

года – я ждала этого месяцами.

– Вы ведь подружились с Таней? У тебя нет ее номера?

Башенка зашаталась, внутри скрипнули органы, мысли напрочь улетели, и я с деревянной улыбкой продиктовала желанные для него цифры, ни разу не запнувшись и не выдав волнения. Не слушая слов благодарности, я развернулась и прыгнула в первый автобус, не оглядываясь на окрик Сени.

Только протянув проездной, я поняла, что выбрала иной маршрут...

Я включила телефон – пятнадцатый пропущенный звонок и да, Лена, сегодня ведь 18 лет любимой группе твоего отца – «Сектор Газа» и золотой юбилей Патрисии Каас.

В тот Новый год я легла спать, пожелав, кажется, пустоту Морфея.

– 2017 –

Сегодня нас отпустили с третьего урока – выпускники должны были помочь с организацией новогоднего бала. Мой класс разбрелся по школе, атакуя ту или иную дверь мишурой и снежинками, которые упорно вырезали орды младших классов на уроках труда, небольшие отряды были рассредоточены по спортивному залу. Мне досталось общество лучшей подруги Веры, с ней мы булавками прикалывали вырезанные буквы «С Новым 2018 Годом!» на потертую штору, которую вытащили в честь праздника и повесили под бас-

кетбольным кольцом.

Подустав держать руки над собой, я поняла, что и зрение начинает подводить, и буквы плывут, да и вообще перерыв никому не мог помешать – я вышла из спортзала и проклинала все на свете. В свой день рождения я получила подарок в виде освобождения от уроков, но заплатила за это свою цену – украшала зал. Достав телефон, я с раздражением отметила – Арсений так и не прочел сообщение с поздравлением. Да, вчера, тринадцатого декабря, ему исполнилось восемнадцать, и я весь вечер провела, подбирая слова, которые должны были быть одновременно вежливыми, трогательными, ненавязчивыми и немного равнодушными – мне было страшно перечитывать то, что я написала. Ему кажется было все равно – сообщение висит уже шестнадцать часов и девять минут, правда, в его защиту отмечу, что он давно не был в режиме online.

Я купила булочку, расспросила преподавательницу об итоговом сочинении, захватила вещи Верочки и пыталась собрать аргументы, чтобы убедить ее сбежать – свой праздник проводить в пропахшем инвентарем и потом спортзале я не собиралась. Пока она искала замену, я снова открыла телефон и увидела сообщение. У меня вспотели руки, затрясло колени и начала ныть шея. Я не хотела открывать – я боялась каждого слова, потом подошла к подоконнику и долго смотрела на падающий снег. Когда я услышала приближающиеся шаги Веры, я изобразила оскал Николь Кидман, но

она одним суровым взглядом выгнала меня из ступора.

– Вера, он ответил.

Брови подружки недоверчиво поползли вверх – мою любовь она считала ребячеством и искренне не понимала моего помешательства, рассчитывая на мою дремлющую благоразумность.

– Я не могу понять – он написал что-то плохое? Что с твоим лицом?

– Я не открывала, – голос сорвался на шепот, глаза Верочки укатились за орбиту, обнажая белизну глазных яблок.

– Читай, давай.

Я открыла, увидела достаточно длинное сообщение и немного не поняла – он не поблагодарил меня за поздравление. Наоборот, он поздравил меня – написал три абзаца, хотя на моей странице не стоит дата рождения. Неужели он запомнил?

«Лена! Мы не общались почти целый год, и многое за это время могло поменяться (и на самом деле это очень печально, что я вспомнил об этом только в твой день рождения). Но, тем не менее, я все такого же хорошего мнения о тебе.

Ты – поистине замечательный человек! И ты до сих пор остаешься одной из самых умных людей из моих знакомых... Из пожеланий только два – развиваться и делать все для того, чтобы ты была счастлива. Это самые важные вещи – остальное лишь их производные.

Да, и насчет прервавшегося общения (оно же все-таки бы-

ло до этого, да?) – мне очень стыдно. Ну да ладно, с днем рождения, замечательный человек!»

Это был лучший подарок на мой день рождения – Арсений провел грань между знакомством и общением. Мы общались...

Да, после того постыдного побега мы больше не пересекались. Я кивала издалека и со скоростью реактивного снаряда пробегала мимо – он не навязывался, не искал общения, и я надеялась забыть. В день его выпускного я долго листала социальные сети и искала на фотографиях Арсения, но тот упорно избегал объектива камеры, предпочитая прятаться в толпе, и я выхватывала отдельные его части – костюм-тройку, аккуратные волосы, кисть. Я могла узнать его в хаосе платьев и одинаковых костюмов. Иногда мне хотелось выбраться из дома и побежать на общегородской выпускной праздник. Договорившись с Верой, я надела простую рубашку, джинсы и направилась к Дому Культуры, где мы впервые завели разговор полтора года назад.

Я увидела его почти сразу – Арсения награждали за очередной рекорд по баллам ЕГЭ, а потом настал их последний танец. Я стояла, смотря на его плавные движения и некую отстраненность. Все были задумчивы, с каждым шагом они словно вступали во взрослую жизнь и навсегда разрывали самые долгие отношения – со школой и друг с другом. Я плакала, Вера стояла рядом и хмуро оценивала платья – ей было важно не прогадать со своим на следующий год. Не выдер-

жав окончания, я убежала с праздника, понимая, что больше не будет вежливых кивков, не будет осторожных взглядов, не будет шанса на какое-либо общение – я проспала все, я пропустила срок, отведенный мне судьбой.

Сидя в соседнем парке, я пыталась успокоиться. Мелодия замолкла, толпа вдали разразилась аплодисментами. Вера подошла ко мне и уселась рядом на бордюр. Молча вытащила наушники и аккуратно вставила один в мое ухо, включив «Hit the road, Jack» в семи различных перепевках. Мы смотрели на карусели и, отключив мысли, выгоняли своих Джеков из головы...

А сейчас, получив поздравление, я почувствовала, что меня наполняет старое и забытое чувство – тепло пронзило меня насквозь и, написав благодарности, я решилась на реплику – о том, что общение, несомненно, было. И тогда началось...

Мы общались и переписывались на протяжении следующих двух недель практически непрерывно – вместе параллельно смотрели фильмы, концерты, созванивались, слушали одинаковую музыку и были связаны одним светом на двоих – он честно признался, что чувствует себя в Петербурге одиноким и будет только рад моему поступлению в культурную столицу.

В тот Новый Год я заходила с чувством такого бешеного счастья, что казалось – во мне умещались все эмоции, а все сомнения, покорившие мои совместные с Арсением ambi-

ции, начали отступать, оставляя Леночке дурман в голове.

Поднимая бокалы и вглядываясь в хитрые глаза Президента, я замедлила время в своей голове, запоминая в деталях свою огромную семью – я видела, как трогательно держались за руки пары, как смотрели на них дети – я понимала, что хочу такого же стеснительного уюта. Но прежде всего я должна спасти Арсения от одиночества – пузыри в бокале лопались все реже, а я не могла понять чего же я желаю больше всего – улыбнувшись, я прошептала «Хочу встретить следующий год в Петербурге с человеком, которого люблю».

– 2018 -

Учебный офис юридического факультета подставил огромное количество ребят – вывесив расписание зачетов лишь к последней неделе, оставил многих без возможности заблаговременно купить билеты, а значит – и вернуться домой на праздники. В качестве вишенки на торте стал зачет 31-ого декабря, что, конечно, выкосило еще двадцать процентов студентов. Огромная компания решила провести Новый Год так же, как и весь декабрь – вместе. Мы не оказались оригинальными в своем желании – Санкт-Петербург предлагал многим одиноким людям собраться вместе, что они и делали – несколько старшекурсников с большим трудом умудрились забронировать одно приятное заведение в старом центре.

Я сидела в бытовой комнате своего общежития, окончив

непростой разговор со своими родителями – те были невероятно огорчены, и в который раз за последние месяцы жалели о выборе города. Мне было трудно скрывать свои настоящие чувства – я была слишком сильно расстроена, но поддаваться унынию мне не позволяла сессионная неделя, страйками выводящая из сердца праздничное настроение. Мне очень хотелось поговорить с Верой – она осталась дома, поступив на факультет иностранных языков, а я уехала в это обиталище бескрайнего одиночества. Теперь я понимаю, что имел в виду Арсений – этот город давал о себе знать в каждом строении, он сам диктовал правила. Сужал улочки, чтобы группы людей разбивались, разводил мосты, чтобы людям было сложнее встретиться ночью и, устроив истерику, с легкостью, убежать к себе домой, за Неву. Петербург, не останавливаясь только на этом, с превеликим удовольствием отправлял людей на больничные отпуска, особо крепких одаряя солнцем, которое бросало лучи под иным углом, нещадно хлеща светом по глазам и заставляя опускать глаза на асфальт. Асфальт был осыпан щедрыми предложениями от вежливых девушек, предлагающих скрасить ночь, а то и всю жизнь. Культурная столица славилась одиночеством и считала неприемлемым подвергать устои сомнениям.

Я с тоской уставилась на огни Троицкого собора и позвонила Верочке. Она была завалена работой, но ответила достаточно быстро – я была уверена, что подруга искала пово-

да отвлекаться, и терзала социальные сети.

– Да неужели на линии Елена, которая всегда занята?

– Вера, никаких упреков, причин быть недовольной много, так что не торопись.

– Что случилось?

– Я не еду домой, так как не осталось билетов, да и в последний день зачет по истории государства и права зарубежных стран.

В течение пяти минут Верочка разносила учебный офис, открыв сайт университета и по фотографиям, определив, с чем у каждого проблема. Я слушала и смеялась – позвонить ей было лучшим решением, чтобы развеять гложущую тоску. Исчерпав речевые обороты, она позволила говорить мне, спросив, где я буду встречать Новый Год. Когда я описала место, которое было зарезервировано для компании, она задала вопрос, которого я боялась больше всего:

– Арсений тоже будет с вами?

Получив положительный ответ, она многозначительно вздохнула.

– Вер, я не хочу об этом говорить...

– Можно я скажу? Тебе не надо говорить, просто услышь меня и прими к сведению.

Вера была единственным человеком, который знал о моем больном чувстве – если раньше она относилась к этому с иронией, то в одиннадцатом классе она начала приводить меня в чувство. Около меня было две пропасти – одна сво-

дила с ума, разрывая разум одним сообщением, пересланной новостью или новой песней, вторая же просила меня решиться на один из двух шагов. Вера с переменным успехом отстаивала как честное признание Арсению, так и предание забвению этого чувства. Она понимала, что это часть меня – что это желание питается какой-то внутренней проблемой, моей особенностью, конфликтом сознания и подсознания. Она все спихивала на негибкость сознания, на консервативное воспитание и еще на воз и тележку различного рода отклонений. Я пожимала плечами, но никак не могла разрушить цепочку «Арсений – идеал».

Самым странным было, что за эти два года я рассмотрела около пятнадцати вариаций нашей совместной жизни – пока я занималась подобным анализом, Арсений сменил двух девушек и не принимал активного участия в воплощении моих замыслов. Я же порой ловила себя на мысли – что мне нравится больше: быть влюбленной в него или ждать настоящего будущего рядом с ним? Во время этих размышлений Вера меня ставила на место одной лишь репликой «Ты за эти годы и слова не смогла сказать ему о своем чувстве, а теперь насилуешь свою фантазию ерундой». Сейчас я ждала от нее того же и не прогадала.

– Лен, давай посмотрим на все это со стороны. У нас есть амбициозный, талантливый, но невероятно стеснительный парень...

– Когда он предлагал встречаться Тане, то не был таким

уж стеснительным!

– Дослушай! Так вот, если уж ты так хочешь поговорить о Тане, то я тебе отвечу. Ты хорошо ее знаешь и должна понимать, что она своим видом умеет располагать людей – она так и говорит всем «Люди, я открыта к общению». Что мы имеем по поводу истории главной героини? Помимо парня есть девушка, которая сидит и ждет у моря не просто погоды, так и всего остального на блюдечке. Ты помнишь такую поговорку – первый шаг всегда делает девушка, давая понять, что она расположена к общению? Вспомни.

– Я сама его поздравляла, я писала ему, назначала встречи...

– Лена, ты не понимаешь. Ты хоть раз показала ему, чем вызван твой интерес? Я видела все ваши переписки – со стороны все это выглядит как общение двух представителей фан-клуба ваших любимых групп, факультета права и так далее.

Так вот. Девушка сидит и ждет, чтобы парень заинтересовался, сам ее добился, раскрыл свои чувства, помог преодолеть ее стеснительность и двигал их отношения вперед. Тебе не кажется, что девушка слишком много от него ждет? Мне вот – кажется. Хоть он и твой идеал, он все же не машина – он человек со своими страхами, сомнениями.

Я рассказываю о них двоих, но я не знаю, возможно ли что-то между ними. И, к сожалению, никогда не узнаю. Тут есть несколько вариантов – возможно, он влюблен, равноду-

шен, считает ее своим другом или вообще не допускал мысли о том, что она может ему понравиться – он не замечал ее.

– Вера, мы общаемся целый год и он так или иначе должен был хоть раз задуматься об этом.

– Лена, он не ты и мыслить как ты не обязан. Еще раз прошу – забудь о том, что кто-то кому-то что-то должен. Люди должны делать шаги друг к другу. Или же ты просто ловишь кайф именно от ощущения влюбленности и это означает лишь то, что в твоей жизни совершенно не хватает впечатлений. Чтобы двигаться дальше, ты должна, как ни странно, опять таки признаться ему и разобраться в себе.

Я молчала. Молчала и Вера. Шли минуты, а мы думали о своем – в конце концов, мы разошлись, распрощавшись. Я леглась с тяжелой головой и мне снилась вода, сковывающая движения и забирающая в заложники мой голос.

Неделя зачетов пролетела безболезненно, но напряженно – праздника не было ни в одном глазу. Все обреченно готовились к последнему зачету и заранее наряжались, красились, чтобы сразу поехать. Преподаватель перенес все на три часа дня, задавая моду на поток новых сплетен, полных горечи и непонимания, а также злых пожеланий завести хоть кого-то на личном фронте.

Отвечали быстро, сдавали человек за человеком, и внутренняя пружина наконец-то разжалась, выпуская на свободу праздник. Я, справившись одной из последних, не успевала бежать в общежитие и радовалась тому, что догадалась взять

платье с собой. Переодевшись в туалете, мы с девчонками быстро накрасили друг друга и побежали к станции метро.

Выйдя из вагона, я увидела впереди ребят с группы Арсения и, не найдя глазами его, почувствовала одновременно облегчение и грусть. Внутри кафе толпились студенты, объединяя столы по курсам – мы быстро нашли своих и начали помогать с организацией.

В восемь часов больше половины начали пьянеть, выплескивая энергию в танцах. Другая половина вспоминала лучшее за год – ребята прибывали, ели и делились воспоминаниями и ожиданиями. Я сидела и слушала, подбадривая улыбкой рассказчиков. Кажется, я не заметила главного – Сеня внезапно мелькнул среди своих одноклассников. Меня поразило искрой, и больше я не могла слышать. Я смотрела на ребят, но взгляд соскальзывал и ловил серую рубашку Арсения. Я вспоминала год и понимала, что те отношения, в которых он успел побывать, отдалили нас друг от друга – но я скучала по каждой черточке его лица, по каждому резкому движению, теплой улыбке и непослушным пальцам, которые так и норовили зарыться в волосы и отбросить их.

В девять часов небольшая компания решила отделиться и прогуляться по набережной. Я чувствовала себя немного одурманенной и решила присоединиться, но пока желающие собирались, неуверенные желающие решали идти ли, а нежелающие отговаривали, пробило десять часов. Надевая пальто, я столкнулась с Сеней – он давно ждал у входа и теперь,

накинув на голову капюшон, спускался по лестнице вниз. Я смотрела на уходящую спину и, собравшись, окликнула его. Сеня посмотрел наверх и улыбнулся, помахав мне рукой в кожаной перчатке. Я сбежала по ступенькам и присоединилась к нему. Поздоровавшись и обменявшись поздравлениями, мы вышли на улицу. Он, заметив мои неуклюжие попытки удержаться на скользкой дороге, подставил руку и заговорщицки предложил:

– Может, не будем ждать остальных? Плетясь в одном темпе, мы окоченеем и ничего не успеем увидеть.

– А что бы ты хотел увидеть?

– В нашем случае – хоть что-то.

Мы поднимались по Гороховой улице к Фонтанке – навстречу шли такие же разгоряченные праздником люди и желали счастливого Нового Года. Я сердечно благодарила и желала в ответ – Арсений придумывал забавные предсказания. Мы много смеялись, на холоде мне казалось, что наши улыбки примерзли намертво к лицу. Я держалась за локоть и пальцами отстукивала по его плечу ритмы сменяющихся в наших ушах мелодий. Арсений тихо напевал и вдруг неожиданно замер – мы, не доходя до Фонтанки, остановились у зеленого здания.

– Это же здание с Ротондой?

– Именно. Не хочешь зайти?

Мои брови взлетели наверх, едва не коснувшись шапки. Сеня смотрел на дом.

– На Новый Год туда пускают только в определенное время. Надеюсь, мы не опоздали, – сказав это, он зашел во двор и уверенно зашагал к железной двери, около которой толпилось несколько человек. Те шумно переговаривались с консьержем – тот не уступал и категорически отказывался пропускать в парадную. Арсений подошел к толпе и начал вместе с ними уговаривать, предлагая войти за плату. Консьерж долго набивал себе цену и, в конце концов, позволил войти на десять минут – его можно было понять, до Нового Года оставалось меньше часа, и сторожить парадную от посягательств и шума желания не было.

Все разбрелись. Мы с Арсением поднялись последними наверх, и неожиданно я поняла – время пришло. Заколотилось все – руки дрожали, колени начали ныть, а горло пересохло. Я боялась испортить лучший момент, мысли уже готовились отступить, как неожиданно я услышала свой хриплый голос издали:

– Сень, не хочешь встать к противоположной стене и проверить – действительно ли все слышно?

Сеня равнодушно пожал плечами и послушно двинулся к стене, набирая на телефоне сообщение. Встав к стене, он повернулся ко мне спиной, и я понимала, что это последние минуты. Но последние минуты чего?

Это происходило прямо сейчас. Я стою и смотрю на него, вставшего у стены как наказанный родителями мальчик – мне хочется повернуть его или сказать какую-то глупость.

Мой разум, услышав эту мысль, внезапно выдал:

– Сеня, мне надо сказать тебе кое-то.

Отступать некуда – позади стена и вырвавшиеся слова, и последние минуты нахождения в Ротонде. Я развернулась и собиралась с мыслями. Сеня не шевелился и ждал меня.

В голове пустота, сердце вырывается и, если верить легендам, Сеня должен его слышать – свод расположен так близко, что даже на таком расстоянии он услышит мой шепот. Я готова незаметно ползти по стене к выходу, но во мне бьется сердце и оно устало жить в неопределенности, оно устало любить и болеть этим человеком.

Я словно смотрю на себя со стороны – как и в рассказе Веры. Голос рвется и шепчет:

– Я не знаю, как назвать то, что происходит со мной. Но все то, что происходит, так или иначе связано с тобой. Я поступила и переехала сюда, чтобы оказаться рядом и понять, что же я чувствую. Я не сильна в определениях, но одно я могу сказать точно и уверенно. Я тебя люблю, Арсений.

Внутри что-то рухнуло, и я побежала вниз, не оглядываясь назад – хоть я и сказала это, я была трусихой и боялась услышать его ответ. Распахнув дверь, я бежала вперед, расталкивая руками прохожих, расталкивая саму себя – я словно вырывалась изнутри. Внутри звенели глухие удары брусьев – башня разлеталась, ее тень раздробилась на множество частей...

Я не хотела оборачиваться, не хотела знать, что там про-

изошло, я не хотела видеть ненавистную Ротонду. Я бежала в Новый Год...

Анелия Чадова, «Праздник к нам приходит»

Часть первая

Вот где в жизни справедливость? Почему только в книжках бывает неземная, безумная и просто волшебная любовь с собственным сногшибательным боссом, секси-соседом или со своим бывшим одноклассником/одногоруппником, который спустя десять лет из обычного друга или скромника-очкарика, превратился в сексапильного и богатого брутала?

У меня, например, все бывшие одноклассники – или жеманники, или непроходимые пьяницы – однозначно отпадают. Соседей, молодых и красивых, ну, или на худой конец, чуть краше обезьяны, тоже нет. Все мужчинки, живущие в соседних квартирах, или уже очень преклонного возраста, или скоро к этому возрасту подберутся поближе. В общем, тоже не вариант. А вот начальство... Моё начальство – отдельный и очень грустный разговор.

Работаю я продавцом-консультантом в маленьком спортивном магазинчике. Знаете, такой себе уютный и компактный, со своей особой изюминкой и атмосферой. Продаём мы, в основном, всё для футбола. Есть немного инвентаря

ря для баскетбола и волейбола, но основное наше направление – футбол. Я, когда искала работу и случайно наткнулась на свободную вакансию в новом открывающемся спортивном магазине, так обрадовалась, что даже забыла полюбопытствовать о зарплате. Наивная, наивная Таня! Где только мои мозги были в тот момент? Да и во все последующие моменты тоже.

В общем, о моем начальнике. Магазин наш принадлежит одному молодому и совсем неинтересному мужчине Василию Рыжову. Рыжов в прошлом футболист-любитель. Если я правильно запомнила, он даже играл за какой-то местный клуб. Но из-за травмы пришлось уйти из любительского спорта.

Среднего роста, худощавого телосложения и, если можно так сказать, привлекательной мордашки. С натяжкой, очень большой натяжкой. Ходил Вася в одном и том же сером спортивном костюме с известной эмблемой “Umbro”. Зимой и летом в одном костюме – кто? Правильно, Вася Рыжов!

Стирал ли он его хоть иногда, трудно сказать, потому что с каждым его новым появлением в магазине пятен на некогда крутом костюме появлялось все больше и больше. Жесть, в общем.

Отдельной темой идет рассказ об обуви начальника. Весной, летом и осенью – серые Saucony с символичной дыркой на большом пальце правой ноги. Ногти он на той ноге, что ли не подстригает? Как может получиться такая «ма-

ленькая» дырочка? Зимой обувь менялась на ботинки New Balance 754, вечно грязные и расшнурованные.

Также зимою в его выходной гардероб добавлялась шапка Nike серого цвета, который нифига уже не серый. И замусоленный и запятнанный черный пуховик Umbro.

В общем, приблизительно вы себе его уже представили. И, к довершению этого «замечательного» образа, добавлю: Василий очень редко ходил без щетины. Нет, вы не подумаете, мне нравятся мужчины с однодневной или чуть больше щетиной. Нравятся аккуратные и модные бородки, если, опять же, мужчине она идет. И мне категорически не нравится неухоженный рассадник блох, которыми многие современные мужчины могут похвастаться. Вам что, лень взять бритву или машинку и все красиво сделать или нафиг все сбрить? А еще лучше сходите в салон, там вас обслужат по высшему разряду.

Так вот, Рыжик наш относился именно к последней категории мужчин. Недельная, а то и двухнедельная растительность на лице могла похвастаться не только своей неухоженностью, но и собиранием мусора: хлебные крошки, кетчуп, зубная паста. Да-да, все что угодно. Один раз мы с напарницей даже заметили козявку (извиняюсь за столь неприятную подробность), как нас тогда не вырвало – до сих пор остается загадкой.

А самое интересное, знаете, что? У этого индивида мужественности имеется жена! Анна Рыжова. Вася ласково назы-

вал ее Нюрка. Обладательница привлекательной внешности настоящей русской богатырши и безвкусного стиля в одежде. Весной и летом мне не доводилось ее видеть, к моей радости. Но вот зимой любимой ее вещичкой был теплый свитер фишашкового цвета. Изюминкой этого свитера была огромная дырка на правом боку. Видно, шов разошелся, а ниток и времени нет исправить сию оплошность. Увы и ах.

И вот, скажите мне теперь, где искать этого самого замечательного мужчину во всей вселенной, если окружают тебя только вот такие, мягко говоря, непрезентабельные представители мужского пола? Я лично не знаю. Моя напарница и просто подруга Алка тоже не знает. Да ей и ни к чему. Она вот уже три года как безумно счастлива со своим Лешкой. Правда, ссорятся практически каждый день, но это для них норма. Как говорит Алка: «День без ссоры – жизнь не удалась».

Это она, конечно, шутит. Да и их ссоры скорее обоюдное подкалывание друг друга, а не выяснение отношений.

И вот сидим мы с ней на работе. Людей нет, предпраздничного настроения нет. Вообще ничего нет. Алла играет в «Балду» на нашем доисторическом рабочем компьютере. Злится, матерится на свою соперницу, но стойко продолжает играть. Я тоже не люблю, когда соперники вместо того, чтоб думать своей головой, тупо подсматривают слова в «помощнике». Что за интерес так играть?

Я только отключила читалку на телефоне и горестно взды-

хаю по поводу отсутствия сексапильного босса/соседа/бывшего одноклассника. Ну или просто случайного клиента, который, зайдя к нам за навороченными бутсами, увидит меня и влюбится. Любовью неземной и нескончаемой. Но, несмотря на то, что магазин наш хоть и спортивный, и все для футбола в нем, но крутые футболисты к нам не ходят. Увы. Даже презентабельных мужчинок-покупателей можно на пальцах одной руки посчитать. Так как городок у нас маленький, рабочий. И не каждый может позволить себе обувь за баснословную цену, когда точно такую же пару обуви можно купить в другом магазине по умеренной цене. Вот и сижу я и горюю.

Где ты, мой мужчина, ходишь? Почему к нам не заходишь? Я тоже любви хочу, как в книжке!

Одно расстройство читать такие книги, когда под боком ни одного мало-мальски симпатичного мужчинки.

– Алка, бросай свое гиблое дело! – скулю я подруге. – Давай лучше сходи, купи нам по бутылочке «Гаража» и пиццу какую-нибудь вкусную закажи.

– Тань, ты чего? Опять перечитала своих Love Story? – не отрываясь от экрана монитора, с издевкой, спрашивает Алла.

– Угу. Перечитала. Теперь запить и заесть хочу всю эту сладость.

– Нельзя!

– Чего это? – возмущению моему нет предела.

Как это нельзя?! Можно! Даже нужно!

– Ты что забыла? Рыжик сегодня должен приехать. Товар какой-то привезти.

– Блин. Жалко... Хотя он же обычно приезжает до двух, сейчас уже четвертый час. Может, не приедет?

– Я бы не надеялась. Лучше переждать. Или позвони ему. Чисто так, по-дружески.

Я скривилась. Несмотря на всю свою предвзятость к начальнику, у нас с ним были довольно-таки приятельские отношения. Но это он скорее набивался ко мне в друзья, чем я к нему. Я лишний раз не хотела ему улыбаться и звонить, будь то по делу или нет. Он же может позвонить раз десять на дню. На мое «чего опять нужно?» Василий улыбается и говорит, что день не заладится, если со мной не поговорит. Ха-ха, шутник тоже мне.

А если честно, все дело в моём голосе. Это, наверное, единственная моя гордость и отрада. Честно, без преувеличения.

«С таким голосом только в «Сексе по телефону» работать», – как говорят мои знакомые, и не только мужчины, но и женщины.

Я смеюсь. Комплемент сомнительный, но все же приятно. Но вот по работе не очень. До того, как устроиться продавцом-консультантом в наш маленький магазинчик, я работала диспетчером в службе такси. Вот там мне приходилось несладко. Клиенты говорят не по делу, а на свиданку зовут.

Старший диспетчер орет ни за что ни про что. Я что, виновата в том, что один и тот же мужчина мог звонить раз пять подряд, лишь бы услышать мой голос? Только бы согласилась вечером встретиться и «просто пообщаться». И им же не докажешь, что работаешь ты допоздна, а после не гулять хочется, а спать. Где в жизни справедливость? Мне нормально работать не дают, и я же из-за этого страдаю. Печаль печальная. Вот, собственно, и причина моего увольнения.

Но и на этой работе меня злой рок настиг. Девочки с офиса (у нас не только стационарный, но и интернет-магазин есть) вечно проблемных клиентов просят перезванивать на наш номер телефона: «типа поговорите с главным менеджером». Они и говорят. Жалуются мне, какие непутевые у меня сотрудники и т.д., и т.п. И сколько бы я не возмущалась, не жаловалась Василию, результат один и тот же: все проблемные клиенты – мои. Жесть.

В общем, опять не о том. С горем пополам я уговорила себя позвонить начальнику и спросить, типа между делом, почтит ли он нас сегодня своим присутствием. Василий, рассказав все новости семьи, офиса и города, ответил, что очень занят. Я пожалела его бедного-несчастливого, передала Нюрке привет и с чистой совестью отключилась. А потом с победоносной улыбкой закрыла Алкину игру и отправила ее в магазин за вкусняшкой. Сейчас будем поднимать себе настроение!

Система распивания «Гаража» на рабочем месте у нас бы-

ла налажена еще с первых рабочих дней. Должны же мы были отпраздновать открытие магазина, если Биг Босс сам до этого не додумался. Так вот, чтоб не палиться на камеры, мы поступали следующим образом: Алка берет мою сумку, так как она у меня просто огромная, идет в магазин, делает нужную покупку и, возвращаясь, идет напрямиком в нашу маленькую кухоньку, типа чаю нам сделать. Пока подруга разливает слабоалкоголку по нашим чайным чашкам, я перекладываю пиццу на тарелки – и у нас начинается мини пир.

Так было и в этот раз. С комфортом устроившись на кухне (не закрывая дверь), мы подняли наши «бокалы» за любовь. Естественно, не чокались, но торжественный тост подруга произнесла, как всегда, четко и громко. Первый глоток и... и блаженство! Эйфория! Каждая клеточка напряженно-го и усталого организма расслабляется и наслаждается распространяющимся по телу теплом.

М-мм, даже горячий чай так не согревает, как глоток слабоалкоголки или бульон вермишели быстрого приготовления. Вот почему так? Обидно. Микроволновки у нас нет. Электроэнергии много тянет, да и дорого стоит. И на отоплении Биг Босс экономит. Вообще его отключил.

Мы ж наивные, поверили, что он нам хороший обогреватель привезет. Но как бы не было смешно, заслужили мы с Алкой только маленькую ветродуйку «Элемент». Если по-правильному – это тепловентилятор «Элемент». Вот только ну никак этот агрегат не тянет на звание «тепловентилятор».

Ни фига он не греет, а только ветер гоняет. Нет, быть может, если включить мощность на «двоечку», то и греет, но у нас же экономия! Мощность на «единичку» и никак иначе.

А самый прикол в том, что мы поначалу втихую включили нашу ветродуёнку на полную мощность, но Васька, зараза, проверяющий каждый понедельник показания счетчика, заметил, что уж слишком много «мотает» электричества. Вот и выел чайной ложечкой нам мозг лекцией о том, что экономия должна быть экономной. Так что теперь мы греемся в основном чаем и кофе. Благо наш экономный босс пока не забрал у нас электрочайник.

А иногда, когда уж слишком холодно, греемся вермишелькой. И раз в месяц, в день нашей «большой» зарплаты, позволяем себе расслабиться и попить «Гараж».

Сегодня, конечно, не шестое число – торжественный день, когда Биг Босс реально строит из себя великого начальника и с претензиями и недовольством выдает наши кровно заработанные деньги. Но плохое настроение и горькое послевкусие после очередного любовного романа просто требовали праздника. Или хотя бы небольшого сабантуя.

Сидели мы с Аллой, поглощали вкусную мясную пиццу, запивали её пивком и вслух рассуждали. Рассуждали о нашем магазине, общей кассе за месяц и рекламе. Магазин наш работал с июля месяца. Со дня открытия ни рекламы, ни акций – ничего не было. Были только требования и недовольства от начальства. И глумление от офисных девочек. Кури-

цы, блин.

Казалось бы, декабрь, кассу можно сделать раз десять и столько же её перевыполнить. Но у нас было пусто. Ни клиентов, ни выручки. Полный пипец. И сколько б ни говорили, что нужна реклама, акции, скидки – все об стенку горох. Делайте, девочки, план, а как – не их королевские заботы. Бесит.

Но больше всего нас с подругой взбесило известие, что зарплату нам дадут, как и положено, шестого числа, то бишь уже в следующем году. И премию мы не заслужили, хотя бы маломальскую. Плохо работаем. И за продавцов, и за уборщиц, и за дворников, и за грузчиков, и за копирайтеров.

О, тексты – это вообще отдельная тема. Так как у нас мало работы в магазине Биг Босс, постановил указ, что мы просто обязаны писать в день по десять текстов-описаний товара. И чтоб уникальности было минимум девяносто процентов, и чтоб интересно было, и «воды» в тексте вообще не было. Капец, короче.

Почему мы до сих пор сидим в этом магазине, не знаем. Вернее, Алка знает. Она работать пошла от скуки. С доходами ее мужа можно смело ходить по всевозможным салонам и кафешкам и не задумываться, где взять деньги на свои развлечения. Но подружка моя дорогая решила, что и поработать можно. Тем более работенка не пыльная. Сиди себе спокойненько, а в начале следующего месяца еще и денежку дадут на «булавки».

Я же сидела на этой работе, потому что за три месяца поисков смогла найти только эту более или менее нормальную. По крайней мере, я так думала сначала. Да и перспективы Василёк заманчивые обещал. Я, конечно, не совсем наивная, не поверила ему на все сто процентов. Но и что так плохо будет, не думала.

В общем, не будем о грустном в преддверии Нового года.

Посидели мы с Алкой хорошо. За время нашего позднего обеда никто не зашел, даже не прошел мимо – еще один минус нашего магазина: находимся в глуши. Потом еще немного пописали тексты, сыграли в «Балду» и попили чая. Два раза. В начале седьмого напарница моя стала собираться домой. Сегодня она отпросилась пораньше. У бабушки день рождения. Мне же сидеть еще час. Скучно и немного страшно. Камеры и тревожная кнопка – это конечно хорошо. Но меня убить и ограбить могут раз десять, пока «мальчишки по вызову» соизволят сюда явиться.

Решила не нагнетать и перечитать свою любимую детективную книжку «Злата. Ангелы плачут в июне». Ух, как же я люблю всю серию «Златы»! Всегда её перечитываю, когда нет настроения, или депрессия стучится в дверь. Вот такой у меня своеобразный антидепрессант.

Но не успела я прочесть и первой страницы, как дверь с грохотом открылась, и в магазин ввалилось тело. Тело было явно мужское, пьяное и ни фига не соображающее. Моя чудо кнопка была уже в левой руке. В правой сжимала рабочий

кнопочный телефон. Если что – буду давить и на тревожную кнопку, и ментов вызывать. Авось, кто-то из них и успеет к чему-нибудь...

Каким чудом невменяемое тело дошло до моей стойки, остается загадкой. Но факт на лицо: дошел, навалится всем телом и, пьяно улыбнувшись, заговорил. Фу, лучше б он продолжал молчать.

– Де..де..девушка, а... а вызовите мне та...ма.., тьфу ты, такси, пжлуста.

Как же тяжело далось ему это предложение. Аж вспотел бедняжка, и это при нашей морозилке в магазине.

Что для хорошего человека не сделаешь? Тем более, если телефон все равно уже в руке. Я набрала «838» и стала ждать. Перезвонили они быстро. Так же быстро я им назвала наш адрес, а вот куда этому «чуду» надо ехать – добиться так и не смогла. Что-то бормочет, а что – непонятно. Сказала: «один по городу», они и приняли заявку. Вновь стало жалко пьянчужку. С него же даже не по тройному тарифу возьмут. Но поделаться я ничего не могу, увы.

Отключилась. Только отвлеклась положить телефон на стойку, как он уже храпит. Нет, вы представляете?! Еле держится на ногах, двумя руками вцепившись в край стойки, и храпит, мордой уткнувшись в стойку. Я его минуты две будила. Уже думала стукнуть чем-нибудь, так он крепко спит. Но, слава пьяным белочкам, мужчина сам проснулся.

– Ты кто? – выдал этот узурпатор.

Я разозлилась. Теперь что, будет полчаса выяснять, кто я?

– Крестная фея, блин, – сквозь зубы прорычала я. – Мужчина, на выход, вас уже такси ждет.

– Нее, не фея. Толс... тенькая для феи, – икнув, проблеял пьяница.

Всё, достал! И я не толстая! Просто холодно очень, вот и одела пару свитеров и пуховик сверху.

– Ну, раз не фея, значит, сами шуруйте в сторону выхода.

– Ууу, злая.

– Еще какая злая. Давайте, передвигайте своими ногами в сторону выхода.

Мужчина, кряхтя, пыхтя, медленной и совсем неровной походкой двинулся к двери. По пути задел нашу «прелестную» елку и уже явно намеревался с ней обняться, но я вовремя его остановила. Подставила свое плечо, так сказать. Этот... нехороший человек дыхнул на меня своим термоядерным перегаром и с блаженной улыбкой уткнулся мне в шею. Прелесть, просто. Слов нет, одни эмоции – отрицательные.

– Мужчина, хватит меня нюхать! Передвигайте, давайте своими ногами. Вы же не легкая пушинка, чтобы я могла вас сама дотащить!

– З..злая, – выдохнул он очередной поток «свежего» дыхания и, словно нехотя немного отстранившись от меня, зловредно улыбнулся. – Но, зах..., нет, п...пхнешь вкусно.

– Вот спасибо на добром слове. А теперь на выход.

С горем пополам мы дошли до дверей и даже вышли на улицу. Как хорошо, что я уже в пуховике. Жаль, шапку не додумалась надеть.

Оказавшись на улице, мы с женщиной одновременно выдохнули и оперлись на закрытую дверь – перевести дыхание. Ну и тяжелый бугай! Такси уже приехало. И подозреваю уже давно. Я с надеждой посмотрела на курящего водителя, но то ли в свете фонарей он не увидел моего просящего взгляда, то ли такой чурбан бесчувственный, но, быстро потушив и выбросив сигарету, уселся в машину. Гад!

– А м... может, пойдем обратно? Холодно что-то, – дрожа, пролепетал пьяница.

– Ну, уж нет! Мы сейчас быстренько дойдём вон до той машины, и вы уедете домой.

– Да до неё вечность идти! – возмутился мой подопечный.

– Так пойдемте. Раньше начнем, быстреей дойдем.

– У-у-у, злая, – проворчал он, но от двери оттолкнулся, неуклюже и неуверенно.

Черт, забыла закрыть дверь на ключ. Будем надеяться на лучшее. Все же нам нужно сделать каких-то двадцать шагов до машины.

Каких-то? Да мне эти двадцать шагов реально показались вечностью. Эта пьянь басурманская вообще не помогла мне. Идет себе, вернее, не идет, а скользит и виснет всем своим немаленьким весом на мне бедной. И кто из нас еще толстенный?

Таксис, св..чь, даже дверь не потрудился открыть. Все приходится самой делать. Перевелись мужики на белом свете. Остались одни пьяницы и козлы-таксисты. С трудом за-
пахнув пьяное тело на заднее сиденье, облегченно выдох-
нула и, мысленно обматерив двух конкретных мужиков, от
всей доброты своей душевной хлопнула дверью. Таксист за-
матерился уже вслух. Вкусно, так заматерился. Я же улыбну-
лась и побежала обратно в магазин.

Время подходит к закрытию, можно смело приступить к
влажной уборке помещения, составлению и отправке отчета
Биг Боссу и со спокойной душой отправляться домой.

Вот где в жизни справедливость? Кто придумал работать
31 декабря? Покажите мне этого человека, я лично его по-
калечу. Праздничного настроения и так нет, так вместо того,
чтобы дома под новогоднюю музыку крошить салатики, на-
страиваться на праздничный лад под бокал хорошего вина,
приходится сидеть в холодном магазине и ждать чуда. Чудо,
в нашем с Аллой понимании, – это шесть часов вечера. Вот
какой щедрый у нас начальник. На целый час сократил ра-
бочий день. Лучше б зарплату дал и премию тоже.

Мы с Алкой сидим на своих рабочих местах и пьем вкус-
ный, а главное, горячий чай. В честь предстоящего праздни-
ка даже купили небольшой тортик, хотя сладостена среди нас
только напарница. Я рассказываю свои вчерашние приключе-
ния, подруга звонко и заразительно смеется, и я вместе с

ней. Сегодня события прошедшего вечера видятся совсем с другой стороны. Смешно, ничего не скажешь. А сама с грустью посматриваю на стеклянную дверь.

Зима в этом году просто волшебная, чем невероятно нас с Алкой бесит. Едешь в автобусе на работу и грустишь, понимая, что как только откроешь магазин, нужно брать лопату и чистить дорожку. И кто придумал такую длинную и широкую дорожку в магазин? Кому в глаз дать? Пока уберешь весь снег, семь потов сойдет, а, зайдя в магазин и присев на пуфик, сразу околеешь от холода. Странно, что при таком холоде мы с Алкой еще не поболели. Но в каждой ситуации нужно видеть и что-то положительное. Мы, например, с подругой шутим, что за счет нашей морозилки дольше сохранимся молодыми и красивыми.

Вот и сидела я, доедая свой кусок торта и тоскливо смотря на падающий снег. Нет, конечно, погодка просто супер. Особенно, в Новый год. Но, блин, идти на улицу и в очередной раз разгребать снег совсем не хотелось. С утра этим неблагодарным делом занималась Алла, соответственно, теперь моя очередь.

Фу, не хочу!

– Слушай, Алка, надо было взять бутылочку вина из дома и мандаринов купить. Начали б провожать год уходящий уже сейчас. Глядишь, и лопатой махать мне бы было веселее под пятьдесят грамм винца.

– Надо было... – соглашается подруга. – Хочешь, я пойду

лопатой махать?

Я благодарно улыбнулась подруге. Все же хорошая она у меня. Самая лучшая!

– Нет, сиди, а то меня совесть загрызет и не подавится. Скучать еще по мне потом будешь.

– Как знаешь. А можешь совсем не убирать? Все равно никто к нам не ходит.

– Ага, чтоб у нашей соседки повод появился позвонить Ваське и пожаловаться на нас?! Нет уж. Я ей такой радости не предоставляю. Всё, я пошла на амбразуру, а ты руку на кнопке чайника держи, как увидишь, что я заканчиваю, включай.

– Иди. А я пока очередной "шедевр" напишу о распрекрасных бутсах розового цвета от известного бренда Nike.

Мы дружно рассмеялись. До прихода на работу в этот магазин я никогда не обращала внимания, в какой обуви бегают футболисты на поле. Алка вообще категорически заявляла, что обувь такой расцветки будут брать только п... парни нетрадиционной ориентации. Но, ни фига, как раз именно розовые, голубые или ядовито-зеленые были популярнее всего.

Доела последний кусочек, запила глотком уже остывшего чая и, взяв в коморке лопату, поплелась на улицу.

Часть вторая

Да, действительно, сказочная погода. Тихо, безветренно, огромными хлопьями падает снег. Романтика! И тут я с лопатой наперевес и с недовольной моськой.

Хорошо вчера было: снег не шел, ветер не дул, лишь один пьяница хлопот доставил и все. Аж захотелось вернуться во вчерашний день. Только с условием, чтоб мужчина перега-ром сильно на меня не дышал. А то, как вспомню, так на тошнотики пробирает.

В общем, постояла я под козырьком нашего магазина, полюбовалась падающим снегом, пустынной улицей и, решительно перехватив поудобней лопату, приступила к работе.

Раз взмах, два взмах... Орудую своей лопатой и думаю: на кой черт я здесь стараюсь, дорожку расчищаю, если через двадцать минут будет та же картина?

Выдохнула, выпрямилась, повернулась посмотреть на соседний магазин, следит ли наша бдительная соседка за нашей исполнительностью. Следит. Сидит возле окошка, щечку ручкой подперла и, попивая чаек, внимательно смотрит на меня. Ууу, грымза!

Мило улыбнулась, ручкой помахала и отвернулась. Хорошо ей, начальница у нее на отоплении не экономит, в магазине тепло и уютно. И ёлка у неё красивая, не то, что наше облезшее уродство. Стыдно. Вы себе не представляете, как стыдно перед многочисленными клиентами.

Отвернулась, горестно вздохнула и только хотела вновь приступить к своему прерванному занятию, как в шагах пяти от себя заметила санки. Красивенькие такие, новенькие.

Эх, я тоже хочу с горки на санках покататься! Но вот взгляд цепляется за красивый букет цветов, лежащий на сан-

ках, и я просто открыла рот от изумления. Настоящий, зимний, сказочный букет, стоящий просто баснословски дорого. Признаюсь честно, укол зависти имеет место быть. А что вы хотели, я уже и забыла, когда мне дарили цветы. Тем более такие красивые.

– Здравствуй, фея моя! – доносится до моего затуманенного завистью мозга приятный мужской голос.

Я в удивлении понимаю, что эти слова адресованы мне, и поднимаю взгляд на стоящего возле санок мужчину. Высокий, одет во все черное: пальто, шапка и штаны с обувью – все в один тон.

На вид лет двадцать пять. Немного резковатые черты лица, но мальчишеская улыбка и смеющиеся серые глаза просто не дают шанса воспринять мужчину негативно. Наоборот, я улыбнулась в ответ.

И уже хотела тоже сказать слова приветствия, как мозг вовремя заработал и сообразил, что с этим индивидом мы явно незнакомы. А если приставать надумает, лопата у меня в руках смело может сойти за оружие массового поражения. Второй умной мыслью мозга было, что на фею я ни фиги не похожа, тем более его. И третья, самая главная – феей я была вчера, для одного конкретного алкаша.

Присмотрелась повнимательней. Он? Моя вчерашняя пьянь? Я, если честно, вчера его не рассмотрела. Пьяница и пьяница, лишь бы побыстрее от него избавиться. А он вон какой симпатичный пьяница, оказывается.

– Помнится, кто-то вчера сказал, что феи толстенькими не бывают, – состроив недовольную мордочку, подметила я.

Мужчина виновато улыбнулся. И преодолев разделяющее нас расстояние, таща за собой санки с букетом, примирительно ответил:

– Каюсь, был не прав.

– Насчет феи? Или толстенькой?

– Второй вариант.

Знакомый незнакомец наклоняется, берет букет, и, возвращаясь в вертикальное положение, с ослепительной улыбкой, протягивает его мне.

– Извини и спасибо.

Я с радостью приняла букет. Обхватила его двумя руками, предварительно бросив лопату на пушистый снег, и зарылась носом в цветы. Блаженство! Как же он божественно пахнет. Мозг вновь включает свою активность и выдает верное замечание: «Бедный мой букетик, совсем на холоде замерз! Он же так и дня не проживет!!!»

Настроение сразу начало катиться ниже уровня асфальта и, пробиваясь сквозь земную кору, держит курс к ядру. Все, я злая! Гневный взгляд исподлобья и недовольно ворчу:

– Извинения приняты. Пожалуйста, и до свидания.

Я нагнулась, с невозмутимым видом подняла лопату и повернулась в сторону двери. Алла во все глаза смотрит на меня. Любопытная моя. А мне обидно и стыдно. Обидно за цветы, которые из-за мороза быстро завянут. Стыдно, что такой

привлекательный мужчина увидел меня в таком ненадлежащем виде. Ненакрашенная, с явно красным лицом от мороза и убирающая снег. И пофиг, что вчера он был вообще «дрова». Он мужчина, ему простительно.

– Фея, подожди! – беря меня за руку, говорит... кто? Мужчиной как-то его надоело называть, а пьяница уже не котируется.

– Во-первых, мы еще вчера выяснили, что я не фея. Во-вторых, поблагодарили, извинились, можете быть свободны.

– Ууу, злая фея, – как-то по-доброму, ласково подметил он, я даже не смогла сдержать ответную улыбку. Оттаяла. – Скажи свое имя, и я перестану называть тебя феей, может быть. Меня, кстати, Евгением зовут.

– Онегин? – любопытствовала я.

– Нет. Дымов.

– Жаль, а то так хотелось ему врезать за бедную Татьяну, – пробурчала я себе под нос, но Женя все же услышал. Заразительно засмеялся и сделал еще один шаг ко мне. Влипнуть он в меня хочет, что ли?

– Только не говори, что ты Татьяна? – отсмеявшись, полувопросительно, полуутвердительно сказал он.

– Татьяна, – разочаровала я своего нового знакомого.

Хотя, нет, не разочаровала: улыбка стала еще шире.

– Ларина?

– Нет. Светич.

– Очень приятно познакомиться, Татьяна Светич.

– Взаимно, Евгений Дымов.

В следующее мгновение все происходит стремительно быстро. Вот только Женя, улыбаясь, что-то хочет мне сказать, а в следующий момент я краем глаза замечаю, как на нас летит на бешеной скорости серая иномарка. Я даже сообразить ничего не успела, как поняла, что с чужой помощью делаю несколько шагов назад и падаю в сугроб, сверху приземляется кто-то большой и тяжелый. Бедные мои косточки и букетик, зажатый между нами!

Проглотив комок в горле, неуверенно открываю глаза и встречаюсь с обеспокоенным серым взглядом. С боку слышу испуганный голос Алки, но мне сейчас не до него.

– Все хорошо? Ты цела? – обдавая горячим дыханием мое лицо, спрашивает Женя.

Я утвердительно кивнула.

– Будет вообще замечательно, когда ты встанешь с меня, – в ответ выдыхаю я.

Мужчина облегченно улыбается и, вставая, тянет меня за собой. Ему хорошо. Он на меня приземлился, снегом не облепился, в отличие от меня. У которой снег даже под пуховиком и кофтой, просто махать лопатой в наглухо застегнутом пуховике неудобно, вот я и не застегнула молнию. Хотя, какая разница, где он, этот снег, главное, что мы целы и невредимы. Не считая моего красивого букета, павшего смертью храбрых.

Вздохнула, посмотрела на Женю, что так внимательно и

недовольно смотрит на стоящую в паре шагов от нас машину. Алла уже рядом со мной и что-то спрашивает. Я лишь утвердительно киваю головой, соглашаясь со всеми ее словами, а сама жду, когда же выползет этот гад из машины.

Вот открывается дверь со стороны водителя, пошатываясь и поскальзываясь, из машины вылезает молодой мужчина. Почти что дежавю.

– Ребят, а у меня сын родился! – пьяно и громогласно орет он.

– Вот урод! Я хоть вчера сам за руль не садился, – рычит Евгений с явным намерением подойти к мужику и хорошенько ему врезать. Ну, или на словах мозг ему вправить. Хотя сомневаюсь, что такой способ сейчас поможет.

Я, отдав подружке букет, обеими руками вцепилась в рукав Жениного пальто. Он удивленно посмотрел на меня. Я же отрицательно покачала головой, мол, не стоит горячиться.

– А что у тебя тоже вчера сын родился? – спрашиваю я, чтобы отвлечь своего нового знакомого.

Как-то обидно стало вдруг. Хотя, чего я ожидала? Что такой привлекательный и явно состоятельный мужчина будет не женат? Да, ожидала!

– Дочь. И не у меня, а у брата, – ответил он.

Я улыбнулась, а Алка уже говорила с кем-то по рабочему телефону. Предполагаю, что с Василием. Его же колонна, поддерживающая козырек магазина, пострадала.

Тут же нарисовалась любопытная соседка. Стоит в ладо-

ши хлопает, что-то причитает. Пьяный водитель кувыркается в снегу. А я смотрю в серьезные глаза напротив и думаю лишь о том, что, кажется, перечитала любовных книжек.

Надоело жить своей привычной обыденной жизнью? Хотела любви, как в книжке? Получай, Танюша, и расписаться не забудь. Конечно, я еще не влюбилась в обладателя этих серых омутов. Но все идет к тому.

– И почему у брата не остался ночевать? – спрашиваю я, а сама думаю, что если бы он остался вчера у брата, то и к нам в магазин бы не забрел.

– Тёща его нас разогнала. Его – под холодный душ, нас с Ванькой – на улицу.

– Кто есть Ванька?

– Лучший друг брата. Он в соседнем подъезде живет. Я же рассудил, что идти мне недалеко, пройду пешком, протрезвею, но вышло совсем наоборот, развезло невероятно. Повезло, что набрел на тебя, а не какую-то злобную старуху.

Это он краем глаза посматривает на нашу соседку, недовольно отчитывающую невменяемого пьяницу.

"Два пьяницы за два дня – какой-то перебор". – Решаю я и дарю свое внимание обеспокоенной подруге. Мне даже шаг не нужно делать, она совсем рядом стоит. Глаза красные, мой потрепанный букет обеими руками к груди прижимает и на меня во все глаза смотрит.

Я отпускаю рукав Жениного пальто и обнимаю подругу. Адреналин улетучивается, и меня тоже начинает потряхи-

вать.

– Все хорошо, – шепчу я ей.

Алла кивает. Я прикрываю глаза и глубоко вдыхаю. Сейчас будет второй раунд. Делаю шаг назад и одобряюще улыбаюсь подруге. Боже, кто бы меня утешил!

В пяти метрах от нас, на положенной стоянке, останавливается полицейская машина, секундой позже рядом пристраивается Хонда Биг Босса.

Васька стремительно выходит из машины. Глаза бешено горят, трясущиеся руки зарываются в отросшие волосы. Где это он свою серую шапочку с новомодными грязными и жирными пятнами оставил?

– Мать твою, что здесь произошло?! – вопит Рыжов.

И голос у него выходит каким-то пискляво-противным. Я морщусь. Только его истерики здесь и не хватало.

Евгений все берет в свои руки. Менты как-то нас с Алкой даже не трогают. Василий тоже махнул на нас рукой. Мы с подругой переглянулись и пошли в магазин. Руки тряслись не только от нервов, но и от холода. Все же в снегу я знатно обвалялась. Хоть бы не заболеть.

Алла включила чайник. Сбегала в ближайший продуктовый магазин и с улыбкой достала из-за пазухи маленькую бутылку коньяка. Не люблю этот алкогольный напиток, но для согрева и нервов пойдет. В кофе по чайной ложке можно.

Пока подруга колдовала над нашим кофе, я внимательно следила за происходящим на улице. Очень не хотелось

пропустить момент ухода Жени. Зацепил меня вчерашний алкаш. Сильно зацепил. Хотя я натура не влюбчивая, да и любителей выпивки не уважаю, но этот конкретный пьяница-тунеядица мне приглянулся.

– Танька, что с букетом делать? – как бы между делом интересуется Алла.

Я смотрю на потрепанный букет некогда прекрасных цветов и, безразлично пожимая плечами, тихо отвечаю:

– Реанимированию он уже не подлежит. Жалко, конечно, но выкинуть его придется. Блин, раз в жизни подарили такой шикарный букет, и тот не прожил у меня и дня. Эх, жизнь моя жестянка!

– Не расстраивайся, мужчинка тебе еще один подарит. Я же правильно поняла: это твой вчерашний знакомый?

– Он, родимый. Вот только сомневаюсь, что он захочет еще раз потратиться на такой дорогой букет ради меня. Да и по правде говоря, он мне ничего уже не должен. Он мне жизнь спас. Я же, как дура, стояла, парализованная страхом и непонятно чем еще!

– Подарит, не сомневайся. Пей, давай. Тебе согреться нужно. Кофта хоть не мокрая?

– Нет, – покачала я головой. Может, и мокрая, но я не ощущаю. Озноб по всему телу присутствует, а от чего именно он, не знаю точно. Вот тебе и 31 декабря!..

Большая чайная чашка приятно грела руки. Я сделала первый глоток и поморщилась. Алла явно не одну чайную

ложку коньяка добавила. Минимум три. Горячий и спиртной напиток приятным теплом растекся по венам, разгоняя кровь.

Пили мы медленными глотками в полном молчании и наблюдении. Никто из нас выходить на улицу не хотел. Но было очень интересно, чем вся эта история закончится. Алла как раз предложила сразу же выпить по второй порции, только вместо кофе чай. И я действительно стала раздумывать над данным предложением, когда действия на улице стали сворачиваться. Полиция уехала, за пьяным мужиком явно кто-то знакомый приехал, а Василий с Женей направились к нам.

Рыжик, по всей видимости, решил включить начальника. Взгляд серьезный, цепкий и придиричивый, руки за спину, и походка командирская (наша любимая), от бедра.

Женя бросил на него недовольный взгляд и, подойдя ко мне вплотную, присев на корточки, засунул свою руку мне под пуховик. Хмурится, значит, что-то не нравится. Я бы даже возмутилась его таким действиям, но рука была такой горячей, а мой озноб все не хотел проходить...

– Тань, ты еще от шока не отошла? – тоном строгого учителя спросил он у меня, пробираясь рукой мне под свитер. Вот тут-то я опомнилась и по руке его стукнула. Ничего себе повороты!

Женя недовольно вздохнул, выпрямился и стремительным шагом вышел из магазина. А мне взгрустнулось. Ну, полез он под кофту. Ну, погладил спину. Зачем ударила? Пусть

не больно, но все же. Обидела, что даже не попрощался. Хотя с другой стороны...

– Девочки, как думаете, может, мне пуховик мой сменить? Я в нем уже года четыре хожу. Сделать себе подарок на Новый год, так сказать.

Мы переглянулись с подругой. Видно хорошую ему компенсацию пообещали, раз он не расстроенный, я бы даже сказала, весьма довольный жизнью. Вон, в честь хорошего настроения или праздника, решил обновочкой обзавестись. Хотя, эти пуховики он каждую неделю меряет. Все не может определиться, какой ему больше идет.

Но, если честно, обидно. Меня чуть ли не переехали, колонну погнули, лопату... Кстати, а где лопата? И санки? Ладно, неважно. А ему все равно. Даже не спросил, все ли со мной в порядке.

Пока я мысленно возмущалась, Биг Босс принялся перемерять все пуховики “Umbro”. Алка в шоке смотрела на него, попивая коньяк, разбавленный водой, а я улыбнулась на все двадцать восемь своих зубов. Ко мне на всей скорости, как крейсер Аврора, приближался Женя, неся в руках какой-то темный пакет. Подошел, взял за руку и потянул за собой на кухню. Даже дверь прикрыл за нами.

Видно, Василий сильно увлекся примеркой и монологом с самим собой, раз не последовал за нами с воплями и криками.

– Переодевайся, – скомандовал Женя, отдавая мне пакет.

Я посмотрела на него, как на бомбу замедленного действия.

Женя вздохнул, вновь отобрал у меня пакет, достал из него теплый мужской свитер и, смотря на меня, как на маленького несмышлёного ребенка, сказал:

– Или сейчас ты сама переодеваешься. Или же я тебе в этом помогу. И, Тань, я не шучу.

Конечно, не шутит. Вон какой взгляд решительный.

– Выйди, пожалуйста, – тихо попросила я.

– И не подумаяю.

Я хотела уже возмутиться, и неважно, что за дверью Биг Босс с моей подругой, такого нахальства я терпеть не хотела, но...

– Считаю до трех, и сам приступаю к делу...

Ёлки, зелёные иголки, а ведь действительно приступит! Отвернулась. Пуховик я стащила с себя еще более или менее нормально, но вот свитер поддаваться мне никак не хотел. Короче, запуталась я в трех соснах, а точнее в своих рукавах. Оказывается, они каким-то чудом тоже у меня были мокрыми.

Стремительный рывок – и мой свитер в мужских руках. Я даже обернулась, подарила благодарную улыбку и потянулась за шерстяной прелестью, но...

– Майку тоже снимай.

Очередной приказ – и мое очередное стопроцентное подчинение. Сняла, быстро надела свитер и с недовольной мордочкой посмотрела на Евгения. Он, в свою очередь, с задум-

чивым видом изучал мои штаны. Шаг ко мне. Две руки легли мне на бедра и уверенно провели вниз. Горячие даже сквозь ткань плотных штанов.

– М-да, в моих ты утонешь. Да и нет у меня с собой ничего.

Рассуждения вслух. А я в астрале. Почему я позволяю ему с собой так обращаться? Еще вчера я его терпеть не могла. Сегодня – слушаюсь. Это шок до сих пор не прошел или благодарность за спасение бедной меня?

Женя же, пока я в очередной раз предавалась бессмысленным рассуждениям, выглянул из кухни, что-то сказал Алле и вновь обратил свое внимание на меня. Подошел, взял за руки и, примирительно улыбнувшись, тихо заговорил:

– Тань, не обижайся, пожалуйста, но ты такая бледная, что мне реально страшно оставлять тебя одну. А подруга твоя не вариант. Её саму надо успокаивать.

Я улыбнулась. Все же стресс. Глаза защипали и явно были не против пустить слезинку. И не одну. Я выдохнула. Как-то облегченно. Сделала шаг к нему и уткнулась носом в ворот его свитера. Пахнет обалденно!

– Ничего, моя маленькая фея, сейчас мы переоденемся и поедem домой. Греться, готовиться к празднику и просто отдыхать, – глядя меня по голове, тихо выдохнул Женька.

Я отрицательно покачала головой. Сейчас где-то три часа. Работать еще и работать. Василий не отпустит. Так я и прошептала своему спасителю в грудь. Он лишь хмыкнул.

В дверь постучали. Заглянула Алла. Робко улыбнулась и протянула Женьке треники “Umbro”, он в свою очередь достал кошелек из внутреннего кармана пальто и протянул подруге кредитную карточку.

– Только эти, – как бы извиняясь, сказала подруга и тут же закрыла за собой дверь.

– Переодевай, – отдавая мне штаны, тихо сказал Женья и перевел свой взгляд в небольшое окно.

Я вновь подчинилась. Здесь опять же хочу вставить небольшое слово о штанах, то есть об ассортименте магазина. Во-первых, стыдно, что он из-за меня потратился на непредвиденную покупку. Во-вторых, штанов у нас было много. Но все они, в основном, были большого размера и давешних коллекций. Те, что я сейчас на себя натягивала, например, были модными лет пять назад. Просто удивительно, что остался маленький размер, но, даже не смотря на это, были мне велики.

Женька обернулся ко мне. Осмотрел внимательным взглядом и усмехнулся.

– Фея, ты бесподобна! – изрек он и открыл передо мной дверь.

Алла сидела и бессмысленно смотрела в монитор нашего доисторического компьютера. Рыжов внимательно просматривал накладные. Хмурился. Да в последнюю неделю продажи были “аховые”. А пуховик он себе так и не выбрал. Жмот.

Пока я мысленно корила себя, что забыла на кухне пухо-

вик, да и пакет со своими сложенными вещами, мне на плечи надели что-то тяжело, теплое и вкусно пахнущее. Я опустила взгляд вниз, а после на Женю.

– Твой мокрый, – прокомментировал он мой молчаливый вопрос.

– Но ты же замерзнешь!

– Нет. До машины добежать успею, там печку включим. Алла, собирайся, подбросим тебя домой, – это он уже подружке сказал, принимая от нее обратно свою кредитку. И когда успел узнать ее имя?

– Какое «домой», время только четвертый час! – подал свой Биг боссовский голос Рыжов.

– Мужик, у девчонок шок. Это во-первых. Одну вообще чуть ли не задавили. Это, во-вторых. А, в-третьих, сегодня праздник вообще-то. Ты же, небось, уже дома праздновал, а они должны в твоей морозилке сидеть и у моря погоды ждать, так что ли?

– Они за это деньги получают! И неплохие, должен вам сказать.

Мы с Алкой синхронно открыли рты от изумления. Я уже хотела высказать пару «лестных» слов о не плохой зарплате, но Женя меня опередил.

– Вот и сиди сам за свои «неплохие» деньги, раз так тебе хочется, а девчонок я забираю. Ну, чего стоите, глазками хлопаете? Собирайтесь!

Алла одним махом взяла свою и мою сумку и, как самый

преданный человек на свете, встала по другую сторону от Жени, выжидающе на него смотря.

– Веселого Нового года, делец, – с издевкой попрощался Евгений и первым направился к выходу.

– Таня, Алла, если сейчас покинете свое рабочее место, второго числа можете не выходить! Мне такие работники не нужны! – взвизгнул Рыжов.

Блин, что ж у него голос такой писклявый? Я поморщилась. Взяла у Жени пуховик, нашла там ключи и, подойдя к стойке, с грохотом положила их.

– Только зарплату не забудь отдать, – тихо сказала я.

Василий как-то разом стушевался, соорил жалостливый взгляд и примирительно улыбнулся.

– Ну, девчонки, вы чего? Ну, погорячился. С кем не бывает? Езжайте, отдыхайте. На работу второго. Я тортик привезу, отметим праздник.

Я опять скривилась, но ключи все же забрала. Сначала надо найти новую работу, чтобы с этой уходить. По взгляду подруги поняла, что она меня полностью поддерживает.

Часть третья

У Жени оказался Опель. Старенький, но ухоженный и явно любимый. Алла устроилась на заднем сиденье, я возле водителя, поближе к печке.

Дымов сразу как-то преобразился. Вновь мальчишеская улыбка и озорные искорки в глазах.

– Куда ехать, Ал? – полюбопытствовал он, выезжая со стоянки, только не напротив нашего магазина, а немного в стороне. Не доехал малость. Или специально остановился здесь. Хотя, нет, он же говорил, что оставил машину у дома брата.

– А мне аж в Покровское, – робко улыбнулась подруга. – Может, я позвоню мужу, попрошу приехать. А пока подожду в магазине?

– В Покровское – так Покровское. Не выдумывай.

Покровское – это небольшой приморский поселок, находящийся в черте города. До него легко доехать на маршрутках. Так что с дорогой у подруги проблем не было. А на машине – так вообще можно было минут за двадцать туда доехать. Что, в принципе, Женя и осуществил. Люблю таких водителей. Уверенных и аккуратных.

В салоне тихо играла музыка. Мне тоже нравится Фрэнк Синатра, так что я прикрыла глаза и наслаждалась покоем.

Женя тихо переговаривался с Алкой, но вместо раздражения я чувствовала еще большее умиротворение. Такое чувство, будто для меня обычное дело вот так ездить в этой машине и с этим водителем. Слушать его спокойный бархатный голос и наслаждаться ароматом его туалетной воды. Странно, запаха сигарет нет. Неужели не курит? Выходит, у него только один недостаток: увлечение алкоголем?

Машина плавно остановилась. Мы тепло попрощались с Аллой, пообнимались с ней, нажелали друг другу всего самого наилучшего и, пообещав, не тратиться на подарки, разо-

шлись. Я в теплую машину, подруга – домой. Лешка сегодня был у них главным по дому, так что уже встречал свою ненаглядную. Я улыбнулась, смотря на них. Заделали б они, что ли, уже ребеночка.

Вздохнула. Тоже ляльку хочу. Такую маленькую, круглолицую и свою. Посмотрела на серьезного водителя.

– Поехали? – тихий вопрос.

Я кивнула. Назвала адрес и, откинув голову назад, стала внимательно рассматривать мужчину. Расставаться с ним совсем не хотелось. Но и звать к себе в гости тоже не вариант. Я живу у двоюродной сестры. У них свой круг друзей. Я и так неловко себя чувствую в их компании, так что...

– Какие планы на остаток дня? – нарушил тишину Женя.

Я пожалала плечами.

– Если честно, хочется зарыться в одеяло и проспять весь

Новый год.

– Хорошее желание. Получится его исполнить?

– Нет.

Для достоверности даже покачала головой. Мое спальное место было в общем зале, или, если по новомодному, в гостиной, так что спать лечь я смогу только после ухода гостей.

– Много гостей? – с пониманием в голосе спросил Женя.

– Да.

Мы остановились у супермаркета. Мужчина повернулся и, внимательно всматриваясь в мои глаза, серьезно заговорил:

– Тань, я понимаю, что мы только познакомились. Да и знакомство наше не очень прошло, но у меня такое чувство, что если я тебе сейчас кое-что не предложу, потом буду жалеть.

– Предлагай.

– Давай встретим этот Новый год вместе. У меня, конечно, дома в холодильникемышь повесилась, но сейчас мы накупим продуктов и устроим свой маленький, тихий праздник. Только ты и я.

– А вдруг ты маньяк, как я могу согласиться?

– Разве что только сексуальный, – весело усмехнулся он. – Но я клятвенно обещаю не приставать... в этом году. И вообще, после событий вчерашнего вечера и сегодняшнего дня ты просто обязана выйти за меня замуж и родить как минимум двоих карапузов.

Здесь уже смеялась я.

– Не боишься, что соглашусь?

– Нет.

И улыбка такая... Трудно описать. Родная. Любимая. Моя. Только моя.

Сердце пропустило удар, и я утвердительно кивнула головой.

– Хорошо. Только все же домой нужно будет заехать.

– Как скажешь. Пойдем за продуктами...

Знаете, я никогда до этого момента не думала, что с муж-

чинами интересно и весело ходить по магазину. Женю, в отличие от окружающих, вообще не смущал мой внешний вид. Он так уверенно и целенаправленно водил меня между стеллажами продуктов, так увлеченно рассказывал, как вчера они втроем праздновали рождение его племянницы. И как он гордится и рад, что ему предложили стать крестным. Так основательно подходил к выбору продуктов и все время советовался со мной. Или вообще отдавал право выбора мне. Так непривычно приятно и так предвкушающе радостно.

У меня действительно появилось праздничное настроение, и я уже задумалась над нашим новогодним меню. Быть может, меня кто-то и осудит за такой легкомысленный поступок, но мне все равно. Этот человек не постеснялся прийти ко мне и извиниться. Он не пожалел огромных денег на букет цветов и покупку санок. Он купил мне штаны и отдал свой свитер и пальто.

Я покосилась на идущего рядом Женьку. Он был в свитере и водолазке – это я выяснила, когда мы собирались в магазин. Просто я предложила остаться в машине, а ему отдать пальто обратно. Он сказал категорическое «нет». Продемонстрировал темно синюю водолазку, спрятанную под свитером, и заверил, что не замерзнет. Я, конечно, не поверила, но спорить не стала. Только не с ним, и только не сегодня.

И самый главный аргумент – он спас мне жизнь. Если не ему, то кому можно довериться? Можно всю жизнь знать человека, и он причинит тебе боль или предаст. Так почему бы

не рискнуть? Тем более, если так уютно и надежно рядом с ним.

Из супермаркета мы сразу поехали к моей сестре. Света, моя сестра, всю хозяйничала на кухне. Её две близкие подруги, Лена и Аня, тоже уже были здесь.

Эх, а еще сегодня с утра я была не прочь к ним присоединиться. Казалось, если тоже вот так буду что-то вместе с ними готовить, попивая вино и в сотый раз смотря «Иронию судьбы», то тоже зарядюсь их праздничным настроением, их весельем. Теперь же я точно знаю, чего хочу и как.

Я махнула девчонкам рукой и побежала дальше. Так шкаф. Мое любимое изумрудное платье, украшения, косметика, туфли. Все, кажется.

– Тань, а ты, куда это собираешься? Неужели решила со своей Алкой праздновать? И неужели вас так рано отпустили с работы?

– Можно и так сказать, – уклончиво ответила я, в последний момент вспоминая, что и обычную одежду тоже надо взять, вдруг у Жени в квартире тепло, а я в теплых трениках и шерстяном свитере. О, и нижнее белье. И ночную сорочку. Так, теперь точно все? Интересно, а у него фен есть?

Я выронила пакет. Ступор. Фен обычно ассоциируется с девушками. Если рассуждать логически, у Жени сейчас девушки нет. Была бы, меня бы не пригласил. Но вдруг они просто поссорились, и через несколько дней помирятся. А

я? Он уже сейчас мне безумно нравится. Что я буду делать, когда окончательно в него влюблюсь, а он вернется к своей девушке?

– Тань, ты чего? И что за вещи на тебе? Если б не были брендовыми, подумала б, что ты обокрала бомжа.

– Спасибо на добром слове, Светик. Мода нынче такая. Все, я побежала, меня машина ждет.

Я поцеловала сестру в щечку, подхватила пакет и, не забывая себе мозг глупыми мыслями, побежала на выход.

Женька стоял возле машины и разговаривал по телефону. Я невольно залюбовалась им. Как ему все-таки идет черный цвет. Эдакий солидный, серьезный молодой человек. Мой человек!

Словно почувствовав, что им любят, Женя повернулся в мою сторону и, улыбнувшись, отключил телефон и пошел мне на встречу.

– Едем дальше?

– Да.

– Классная куртка, – сделал он мне комплимент, и я смутилась. Сомневаюсь в достоверности его слов. – И шапка тоже, – добил он меня.

Дело в том, что куртка была ярко-красного цвета. Какой черт меня дернул ее купить, не знаю, но носила я ее редко. А вот шапка была моя любимая. Вязанная, в яркую радужную расцветку и с огромным помпоном.

– Вот только если хотела своим детским видом отбить у

меня все желание маньячить, не получилось. Мои глаза прекрасно помнят и изящную спину, и хрупкие плечи, и стройные ножки. – А голос такой мечтательный. Точно маньяк. Сексуальный.

– Ты что, подсматривал?!

– Самую малость. И ни о чем не жалею.

– А если я сейчас же скажу, отвезти меня обратно домой?

– Поздно, фея, ты уже попала в мои силки.

Я подавила улыбку. Как же с ним все-таки легко и уютно!

Квартира у Жени небольшая, однокомнатная. На удивление светлая и чистая. Даже грязных носков нигде не валяется. Или недавно убирался, или сам по себе такой чистолюбивый? Надеюсь, второй вариант. В углу комнаты небольшая зеленая елка. Не украшенная, но все равно красивая.

– Ну что, приступаем к подготовке к празднику?

– Согласна.

– Тогда ты остаешься за главную. Я к родителям за игрушками. Все, не скучай, скоро буду.

Легкий поцелуй в щеку – и, оставив смущенную меня, убежал, тихо хлопнув дверью.

Я честно и добросовестно облазила каждый угол жилплощади. Удовлетворенно кивнула самой себе. Понравилось. Везде порядок и чистота. А ванная комната какая роскошная! Да и единственная комната обставлена просто, но со вкусом. Вот только спальное место одно – раздвижной диван.

Кресел нет, не считая компьютерного. Проблемка. И явно не оставленная без внимания владельца сей жилплощади.

Вновь улыбнулась. Переделалась в свои домашние вещи, мокрые повесила в ванной на сушилку и оккупировала кухню.

К Жениному приезду – а он вернулся быстро – я успела помыть овощи и поставить их вариться. Я терла твердый сыр, когда услышала звук закрывающейся двери, а через минуту почувствовала легкое касание руки к моему оголенному плечу.

– Заманчиво красиво, – тихий шепот вызвал табун мурашек по всему телу. – Я вернулся, моя фея, – выдохнул он мне на ушко, обдавая горячим дыханием и целуя чувствительную кожу на шеи. – М-мм, как же ты все-таки вкусно пахнешь. Всю ночь мучился воспоминаниями о твоём аромате.

– Так, токсикоман со стажем, ты вроде бы обещал не приставать... В этом году, – оборачиваясь к нему, наигранно гневным голосом, ворчу я.

– Я и не пристаю.

Блин, эта мальчишеская улыбка когда-нибудь сведет меня с ума. И только тут я замечаю, что он снял шапку. Темно-русый ежик так и манил провести по нему рукой, что я в принципе и сделала. Привстала на носочки и медленно и нежно провела по жестким волосам. Никогда бы не подумала, что мне может так понравиться это действие. Были б немного подлиннее, обязательно бы зарылась в них пальцами.

Женька млеет от моей ласки. Глаза прикрыл, и улыбка такая довольная, как у обьевшего котенка.

– Тань, если не прекратишь, маньячить я все же начну, – хрипло выдыхает он, напротив моих губ.

Когда это он успел так близко наклониться, что я и не заметила этого за своим увлекательным действием? Руку убрала нехотя и так же нехотя отступила на шаг назад. В такой необычный и волшебный день не хотелось спешить. Тем более я никогда не отличалась легким нравом в отношениях с противоположным полом. Женя понимающе улыбнулся, и я расслабилась. Этот человек прекрасно меня понимает!

– Я привез украшения. Пойдем наводить праздничную красоту? Или ты пока немного занята?

– Нет. Пойдем.

Пока овощи варятся, можно и вторым полезным делом заняться. Женька вышел первым, я хвостиком следом. В комнате стояли две небольшие коробки. Я как истинный ребенок, радостный и любопытный, сразу же сунула свой нос в содержимое коробок. Женя рассмеялся и, взяв со шкафа вещи, скрылся в ванной. Отдельная ему за это благодарность. Засмутил бы меня еще своим голым торсом.

Знаете, я никогда в жизни не была поклонницей празднования Нового года, и тем более мне никогда не нравилось украшать дом для предстоящего праздника. Какой смысл притащить елку, украсить ее игрушками и гирляндами, а после еще и всю квартиру снежинками, дождиком и прочей но-

вогодней атрибутикой? Зачем? Если через неделю или две это все равно все убирать.

А потом еще сидеть до двенадцати часов и в обязательном порядке под бой курантов загадывать желание. Зачем? Желание все равно не сбудется.

На следующий день мучаешься или от обжорства, или от похмелья. Или от того и другого, но все равно в обед опять садишься за остатки праздничного стола. И начинается все сначала: еда, алкоголь, тосты, мытье посуды и похмельный колобок. Бред.

Именно так я считала вплоть до сегодняшнего дня. Что-то переключилось во мне. Что-то изменилось. Мне безумно интересно было наряжать зеленую красавицу елку, безумно интересно было придумывать, куда или где повесить гирлянду или дождик. И это все под аккомпанемент музыки Фрэнка Синатры и веселых шуток Жени. Оказывается, можно получить реальное удовольствие от спора, кто будет вешать очередную игрушку на елку, обвешивания друг друга дождиком, и поиска, куда же запропастились эти вредные бенгальские огоньки.

А после пойти на кухню, включить неизменный «Один дома», и готовить очередное новогоднее блюдо, смеяться над едкими замечаниями Жени по фильму, блюдам и рекламе.

Так тепло, весело и беззаботно мне уже давно не было. Разве что в далеком-далеком детстве.

Сделав основные блюда и заготовки, мы решили немного расслабиться и отдохнуть. Женя сварил глинтвейн и, разместившись на его огромном диване, мы продолжили просмотр Новогодних кинолент. Если честно, пить совсем не хотелось. Не хотелось дурманить мозг и сознание спиртным. Не хотелось отравлять его псевдоэйфорией. И без алкоголя я себя чувствовала просто замечательно и опьянено. Но для профилактики один бокал согласилась выпить. Все же я сегодня знатно замерзла. И главное теперь – не заболеть. Хотя признаков простуды пока нет, что не может не радовать.

Женька, сделав один глоток для приличия, оставил свой бокал на широкий подлокотник дивана. Мне же наигранно строгим голосом велел выпить все до последней капли. Ну, я и цедила сей вкусный рождественский напиток.

Фильм нам был совершенно неинтересен.

Мы разговаривали: тихо, спокойно и познавательно. Как все-таки часто бывает ошибочно первое мнение о человеке. Вчера он меня раздражал и вызывал отвращение своим нетрезвым видом. Сегодня, узнавая его все больше и больше, он нравится мне все сильнее.

Оказывается, Женька, на самом деле, не любитель выпивки. Он не курит и работает обычным инженером на заводе. Помимо брата у него есть еще мама, папа и современная бабушка. Квартира ему досталась именно от нее. Сама же она переехала жить к своему четвертому мужу. Живут за горо-

дом, поэтому отпуск он предпочитает проводить у них или в походах в горы.

Горы я тоже люблю, о чем не забыла сообщить Жене. Но люблю заочно, к моему великому сожалению. На что мой новый знакомый пообещал мне незабываемый следующий отпуск. Я лишь грустно улыбнулась. Не люблю загадывать так далеко. Жизнь – штука переменчивая. Сегодня нам интересно вместе, завтра можем и не вспомнить о существовании друг друга.

Женя, словно прочитав мои мысли, улыбнулся так тепло и светло, что не залюбоваться этой улыбкой не было ни одной возможности. Придвинулся, обнял бережно и как-то трепетно что ли.

– Зря переживаешь, моя фея, так быстро и легко я тебя не отпущу, – выдохнул он мне в макушку.

И у меня будто от сердца отлегло. Не отпустит.

Как все-таки удивительно. По факту мы знакомы один день всего лишь. Но мне так хорошо рядом с ним. Так тепло и уютно, будто он всю жизнь был рядом, вот так меня обнимал и прогонял плохие мысли. Всегда дарил только ясную радость и душевное тепло.

Я обняла его в ответ. Просто не смогла поступить иначе. Уткнулась ему в грудь носом, вдохнула его сногшибательный аромат и улыбнулась. Моё сокровище! Никому не отдам! Самой мало.

– Пора готовиться, Танюш.

– Угу.

А сама сижу и продолжаю кайфовать, чем вызываю его довольный смех.

– Я, конечно, могу предложить отказаться от празднования Нового года, но мне жаль твоего труда и времени.

Прав, по всем пунктам прав. Кивнула, вздохнула и отстранилась. Обязанности разделили поровну. Женя накрывает на стол, я уединяюсь в ванной и привожу себя в надлежащий вид. И не надо говорить, мол, какая из тебя девушка и хозяйюшка, если ты переложила на мужчину основную работу?! Я даже и словом не заикнулась о таком распределении труда. Женя, как глава семьи (можно же помечтать?), сам вынес вердикт, и мне осталось только подчиниться.

Готовилась я долго, по моим подсчетам. Пока платье со всех сторон рассмотрела. Пока решила, какой макияж сделать, прическу. В общем, ванную комнату я покинула только минут через пятьдесят. Но результатом осталась довольна. Как редко мне нравится мое отражение в зеркале. И как редко я просто довольна собой.

В квартире царил полумрак. Единственную комнату освещали гирлянды и работающий телевизор. Неизменный «Голубой огонек», веселые песни, смех и поздравления.

Женька стоял у стола. Черные брюки, что-то под классику и серая водолазка, явно подобранная под цвет глаз. Я аж залюбовалась такой картиной. Ну, согласитесь, каждая же девушка мечтает встретить Новый год со своим любимым муж-

чиной. Разве может быть что-то лучше и романтичней? Вот и моя мечта сбылась.

Я улыбнулась. Все же я ошибалась. Мечты сбываются!

Женя медленно и со знанием дела осмотрел меня с ног до головы. Остановил свой взгляд на моих глазах и улыбнулся. Теплой и уже родной улыбкой. Увижу, что он дарит эту улыбку не мне, прибыю нафиг!

– Маленькая фея, превратилась в прекрасную принцессу?! – то ли вопрос, то ли констатация факта.

Но мне все равно. Я ему понравилась – и это главное. Подошла, взяла предлагаемый бокал шампанского и, чокнувшись, сделала глоток игристого. Вкусно.

– Мне уже стоит переживать? Или поводов не будет? – ставя свой бокал на стол, с загадочной улыбкой спросил Дымов.

– Ты о чем?

– О конкурентах, естественно. – Преодолевая между нами расстояние. – Так что? Поводы будут?

Горячие руки нежно, но властно ложатся на мою талию и притягивают к себе. Губы больше не улыбаются, а глаза серьезные, как никогда прежде.

– Знаешь, я, когда шел к тебе, думал, просто подарю цветы, извинюсь. Успокою свою совесть и уговорю себя согласиться на мамино предложение встретить Новый год в кругу семьи... Вообще не предполагал такого исхода дня... А уви-

дел тебя, стоящую на крыльце и смотрящую на кружащий снег, твою грустную улыбку и такой задумчивый взгляд... Фея: маленькая, печальная и хрупкая... Я тогда подумал, что буду реально кретином, если не попытаюсь узнать тебя лучше, с перспективой на серьезные отношения. В общем, моя маленькая сказочная фея, эта самая перспектива уже наступила, и ты моя! Возражения есть?

Я только отрицательно покачала головой, глупо и счастливо улыбаясь. Как трепетно слушать признания в романтической обстановке, в Новогоднюю ночь. Как волшебно смотреть в бездонные омуты напротив и понимать, что утонуть в них совсем не страшно. Как приятно осознать, что все же ты сильно ошибалась, и мечты сбываются. Пусть с опозданием, но сбываются! Пусть в такой смешной и нелепой ситуации, как вчера, но сбываются. И спасибо Деду Морозу, Санта Клаусу и всем сказочным персонажам всех времен и народов! Мои желания они исполняют! Медленно, с запозданием и с приключениями, но все же дарят эту волшебную сказку, которую я ждала так долго и трепетно.

Женька ответил на мою улыбку своей умопомрачительной улыбкой и поцеловал. Страстно, напористо и властно. Он клеймил меня, заявляя свои права, и я с радостью подтверждала все его заявления.

– С Новым годом, моя маленькая фея, – выдохнул он мне в губы.

– С Новым, – ответила я, отстраняясь от него и быстро бе-

ря свой бокал с оставшимся шампанским. Пусть выветрился. Главное – успеть загадать желание и сделать маленький глоток.

Женька усмехнулся, повторил мое действие. И уже на последних ударах курантов я мысленно проговорила свое следующее заветное желание и выпила шампанское. Вкусней оно еще никогда в жизни не было.

– Успела загадать? – с хитринкой прошептал Женя, забирая у меня пустой бокал и нежно целуя в губы ласково и невесомо, как весенний легкий ветерок, но так упоительно и чарующе, словно волшебство.

– Загадала, – выдохнула я.

– И что загадала? – между поцелуями, хотя ему явно не хотелось ни на секунду прерываться, впрочем, как и мне, спросил мужчина.

– Не скажу.

– Моя таинственная фея! – с восхищением выдыхает Женя и, окончательно потеряв контроль, заключил меня в свои стальные, но такие нежные объятия. – Мне оно хоть под силу исполнить?

– Только ты и сможешь.

– Хорошо. Значит, переживать не стоит.

Я улыбнулась. Мы стояли одни посреди своей маленькой вселенной и просто смотрели в глаза друг друга. На заднем фоне доносились слова поздравлений, звон бокалов и новогодних песен, но это так неважно, несущественно. Глав-

ное, что в этот день, час, миг я осознала, что действительно влюбляюсь в своего надоедливого и наглого пьяницу. Влюбляюсь в эти серые, искрящиеся лукавым смехом глаза, в эту такую теплую и родную улыбку. В этого такого нереального, порой серьезного, порой по-мальчишески веселого мужчину. И смиряюсь с мыслью, что так быстро и просто влюбилась в него, моего мужчину.

А еще знаете, о чем я подумала? Он, и никто иной, только он, сможет исполнить мою следующую мечту. Пусть не в этом, уже наступившем году, пусть в следующем, но он ее исполнит. Пусть с небольшим опозданием – я как выяснилось, не против таких опозданий – потому что исполнившаяся мечта после них просто невероятно прекрасная и волшебная. Я подожду. А он ее исполнит.

Мечтайте, любите и будьте счастливы! Маленькие частички волшебства и счастья – они рядом, вокруг нас. Просто остановитесь на мгновение, оглянитесь – и маленькое чудо обязательно произойдет.

Лада Кутузова, «Валенки Деда Мороза»

Наступило начало декабря, но зима запаздывала. Даже деревья не до конца сбросили бурые листья, так и красовались в осеннем наряде. Два брата, Саша и Миша, зря надеялись, что скоро выпадет снег, и они смогут построить ледяную крепость. Ни мороза, ни снега, только серость и грязь. И гулять по такой погоде не хочется, лишь ноги пачкать. Весь воскресный день они проторчали у окна, но так и не дождались снегопада. Вечером ребята слушали сказку. Ее читала мама.

«Хмурое небо недовольно нависло над землей. Словно собираясь в любой момент пролиться затяжными холодными дождями. Густой лес нахохлился и ошетинился колючими елями и соснами. Стояла поздняя осень, когда всё замерло в ожидании зимы. Неожиданно среди деревьев появился проблеск – в глубине лесной чащи разгорался огонь.»

– Мам, – перебил старший из мальчишек, Саша, – прямо как у нас. Тоже и снега нет, и морозов. Безобразие какое-то!

– Угу, – согласился с ним Миша, – а я на лыжах кататься хочу.

Помолчал некоторое время и спросил у брата:

– Когда снег выпадет, ты мне крепость поможешь строить?

– Помогу, – согласился тот.

Мама продолжила чтение: «Зазвенели колокольчики, небо окрасилось в голубой цвет. По елям побежали серебристые всполохи. Тотчас же похолодало. Свет, озаривший лес, был разноцветным – всеми оттенками радуги сиял дворец Деда Мороза. Стены терема походили на застывшую воду. Сквозь лед просвечивал ажурный рисунок, напоминавший морозный узор на окнах. Сам Дед Мороз сидел в своих чертогах, рядом с тронем стоял мешок с письмами от детей. Послания были самые разные: «Дедушка, я очень хочу, чтобы ты принес мне красивую куклу», «а мне подари костюм супергероя», «пусть мама быстрее поправится», «а я хочу настоящее бальное платье, как у принцессы», «пусть папа бросит курить», «дедушка, я хочу, чтобы у меня появились друзья». Дед Мороз внимательно читал письма, а некоторые просьбы выписывал в свой свиток. За происходящим внимательно наблюдала девочка.

– Дедушка, а почему ты часть желаний в отдельную бумагу записываешь? – не удержалась она от вопроса.

– Знаешь, Снежка, есть особые желания, настоящие. Вот их я и выписываю, чтобы они сбылись в самую первую очередь.

Снежка призадумалась на мгновение, потом снова спросила:

– Дедушка, а ведь не все дети пишут тебе письма. А вдруг у них тоже есть настоящие мечты? Как же их желания тогда исполнятся?

Дед Мороз оторвался от свитка и, улыбнувшись, ответил:

– Если хочешь, помоги мне. Полетай со своими подружками по свету и узнай, о чем мечтают дети.

Снежка выбежала из зала и обернулась в снежинку. На землю начал падать снег».

Мама сделала паузу, чтобы перевести дыхание.

– Мам, знаешь, ерунда это – твоя сказка, – Миша снисходительно улыбнулся.

– Ага, на самом деле Деда Мороза не существует. Это вы нам с папой подарки покупаете, – поддержал его Саша.

– Да, я Деду Морозу специально большой список напишу, – скорчил рожу Миша. – Пусть докажет, что он есть на самом деле. Правда, Саша?

Ребята вредничали: ведь без снега и зима – не зима. И Новый год без холодов и зимних забав – ненастоящий. Мама обиделась, закрыла книжку и произнесла:

– В таком случае Деду Морозу будет проще, чтобы в него не верили – не надо будет вам подарки приносить. Марш по кроватям!

Саша и Миша переглянулись. Может, зря они разворчались? А то Дед Мороз услышит и оставит их без подарков.

– Ладно, поверю в Деда Мороза, – снизошел Миша, – если завтра снег выпадет.

И они отправились спать.

...Снег был пушистый и белый. Все утро он падал на школьный двор, заботливо укрывая землю от морозов. К полудню почва покрылась толстым покрывалом. Кусты и деревья стояли, точно укутанные в теплый плед. Прозвенел звонок. Школьники выскочили из распахнутых дверей, как горох из стручка, и побежали по двору, оставляя следы на снежном ковре. Небольшая группа второклассников осталась около школы. Среди них находились и Саша с Мишей.

– Ничего себе, сколько снега! Здорово! Наконец-то! – закричал Саша.

Он скатал снежный комок и запустил в стену дома.

– Са-а-шк, а давай крепость строить. Снега-то навалом, – обратился к нему Миша.

Тот согласно кивнул.

– Ребят, давайте снег в комки катать, – скомандовал он.

Они разбежались в разные стороны. Каждый слепил небольшой снежок, который начал обкатывать в снегу. Молодой снег был липким, шары получались тяжелыми.

– Миш, помоги, – попросил Саша.

Вдвоем, пыхтя, они докатили ком до места предполагаемой крепости. А затем побежали за новыми комьями. Мальчишки не замечали, что в воздухе над ними, переливаясь всеми цветами радуги, парит снежинка.

Крепость росла, осталось совсем немного. Ребята немного

подустали. В это время к ним подошла незнакомая девочка, одетая в джинсы и голубую куртку, отороченную мехом.

– Мальчики, а можно я с вами? – обратилась она к ним.

Ребята внимательно посмотрели на незнакомку: чуть постарше их, с длинной косой и серьезными серыми глазами.

– А ты сможешь? – уточнил Саша.

– А то! Сам смотри.

Она ловко скатала огромный ком и докатила его до крепости.

– Ух, ты! – восхитился Саша. – Надо же, какая ты сильная. Наверное, все с тобой дружить хотят?

Они перезнакомились. Миша уточнил:

– А что это за имя такое – Снежка?

– Снежанна. Это меня так дедушка назвал, – улыбнулась она.

Мальчишки с удовольствием приняли ее в команду. И снежная битва закипела!

Потом они отдыхали после бурного взятия снежной крепости. Снежка, как девочка, в боях участия не принимала. Ей была доверена обязанность лепить снежки и лечить раненных. Мальчишки после игры запыхались и раскраснелись, шапки сбились набок. Мокрые варежки они рассовали по карманам, а сами дышали на руки, пытаясь их согреть. Саша в это время лепил из снега котенка.

– А ты что на Новый год себе у Деда Мороза попросишь? –

заинтересованно спросил Миша у одного из мальчишек.

– Не знаю еще, – протянул тот. – Может, айпад.

– А я хочу ноутбук, игры для приставки и телефон крутой, – перечислил Миша.

Остальные ребята его поддержали: подарки хорошие

– А я котенка хочу, – произнес Саша. – Только папа ни за что не согласится.

– Почему? – удивилась Снежка. – Ведь котенок – это здорово.

– Папа так не думает, – объяснил Миша, – он говорит, что кошки обои царапают и мебель портят.

– Он нам его никогда не купит, – вздохнул Саша.

Затем скатал снежок и бросил его вверх.

– Да, – подытожил Миша, – не будет у нас котенка.

Тутанхамон Тринадцатый, или коротко Тут, жил в подвале московского ДЭЗа. Работники конторы всегда оставляли Туту и его маме корм и воду, так что шерсть котенка блестела, как шелковая. Но весь его день проходил в темном помещении за ловлей собственного хвоста, ведь других развлечений не было. Мама, Нефертити Единственная, говорила, чтобы он не убежал далеко от дома – она очень боялась за Тутанхамона Тринадцатого. Но Туту хотелось увидеть мир, что лежал за окном подвала. Он часто смотрел в окошко и

считал, сколько ног прошло мимо него.

«Так, две нарядные маленькие туфли. Наверное, это девочка», – рассуждал Тут.

«А вот большие и черные ботинки идут. Наверное, они принадлежат взрослому мужчине», – думал он, увидев нового пешехода.

Иногда мимо подвала пробегали собаки, тогда Тут весь сжимался в клубок, а его шерсть вставала дыбом. Он превращался в шар и шипел, стараясь отпугнуть врагов. Но те не подозревали о его существовании и спокойно уносились прочь.

Порой перед окошком важно прогуливались голуби и воробьи, подбирая с асфальта хлебные крошки. Тогда Туту хотелось припасть к земле и медленно-медленно подкрасться к добыче. Он чувствовал, как в крови бурлит первобытный зов. Каким бы смелым охотником он стал, если бы мама разрешила выйти из подвала! Но все же больше всего он мечтал о том, как познакомится с обладателями туфель и ботинок. Ведь любой кот мечтает об уютном доме, где ему нальют теплое молоко и будут рады.

«У меня будет один, нет, целых два хозяина, – мечтал Тут. – И они будут играть со мной в догонялки, расчесывать шерсть, носить на руках и гладить все время».

Он так сильно этого хотел, что уносился мыслями дале-

ко-далеко, и его маме, Нефертити Единственной, приходилось несколько раз звать сына, чтобы он услышал ее.

Однажды Нефертити Единственная рассказала Туту, что у людей есть сказка про Деда Мороза, который на Новый год исполняет желания. Дед Мороз – это такой пешеход, который носит валенки. Валенки Тут никогда не видел, поэтому они казались чем-то удивительным. Он представлял их в виде блестящих, переливающихся всеми цветами сапог. А еще Нефертити Единственная поведала, что Дед Мороз не совсем пешеход – он ездит на больших санях, запряженных белыми лошадьми.

– А сани – это типа машины? – спросил Тут.

– Нет, это не машина, – облизала его Нефертити Единственная, – сани – это сани. Вот подожди, скоро выпадет снег, и ты увидишь санки, на которых люди возят своих детей. У Деда Мороза такие же, только побольше.

– А как выглядит лошадь? Она на кого похожа? – не унимался Тут.

– Ну-у, – неуверенно начала мама. Она видела лошадь всего лишь один раз в жизни: – она такая большая. У лошади длинный хвост, но не такой как у нас, у мышей или собак, а совсем другой. Еще у лошади есть грива и копыта. И она громко ржет.

Тут пытался представить лошадь, но ничего не выходило.

– А когда наступает Новый год? – задал он следующий вопрос.

– Когда выпадет снег, – ответила Нефертити Единственная, – это совсем скоро. И, пока ты не спросил, отвечаю: снег – это белые цветы, падающие с неба. Они холодные и тают, если попадут на кончик языка.

«Ладно, – решил Тут, – дождусь Нового года и буду караулить. Ведь если люди верят в Деда Мороза, значит, он существует. И тогда я увижу и его валенки, и большие сани, и непонятную лошадь. И даже смогу загадать желание».

Вскоре пошел снег, он шел без отдыха целую неделю, превращая мир в белое полотно. Тут зачарованно следил, как хорошеют деревья, какими замысловатыми узорами покрываются окна домов.

«Скоро я найду Деда Мороза и загадаю желание», – радовался он.

И вот однажды Нефертити Единственная сказала, что сегодня ночью люди будут встречать Новый год. Везде будет шум, но не надо бояться – ведь будут запускать фейерверки, а это так красиво.

«Словно осколки радуги зажигаются на небе», – пояснила она.

Тут понял, что надо действовать. И дождавшись, когда мама уйдет на охоту, он выбрался во двор. Улица ошеломила резкими запахами и холодом. Ветер швырнул в Тута пригоршню снега, и котенок поежился. В нерешительности

оглянулся на окно подвала, но затем гордо задрал хвост и отправился на поиски Деда Мороза.

Мимо пробегали сапоги и ботинки. Их владельцы спешили по важным делам и не замечали Туту. А котенок совсем растерялся: он не знал, куда идти дальше. Он присел на крыльцо дома и решил, что будет ждать здесь. Внезапно прямо из воздуха перед ним возникли сани, разукрашенные ярким узором. В них были запряжены три белые лошади. Тут поразился: до чего же огромные! Прямо такие, как говорила мама. А в санях сидел Дед Мороз. Он помахал Туту рукой и сказал:

– Беги за людьми и спускайся в метро, там светло и тепло. Жди хозяина, сегодня исполнится твое желание. А маме я передам, что все у тебя хорошо.

Дед Мороз умчался, а Тут еще раз подивился: валенки казались совсем обычными: серенькие и безо всякого рисунка. Он посидел немного на крыльце и отправился в метро.

Тридцать первого декабря Миша с Сашей встали пораньше, чтобы нарядить елку. Мама хлопотала на кухне, а папа уехал на работу. Пушистая ель была чуть выше братьев. Они привстали на цыпочки, чтобы водрузить на макушку яркую звезду. Ветви украсили золотыми и серебряными шарами,

малиновыми сосульками, яркими колокольчиками, внутри которых звенел невидимый язычок. Среди игрушек попадались и самодельные, которые Саша и Миша сделали сами: фонарики, вырезанные из цветной бумаги, снежинки, украшенные битым стеклянрусом. Прозрачная снегурочка, еловые шишки и домики казались очень старыми, раньше их вешал папа на свою елочку, когда был мальчиком. В комнату вошла мама и принесла пару крохотных валенок.

– Это вам на елку. Их еще ваша бабушка купила, когда работала на валяной фабрике.

Поверх игрушек Саша и Миша повесили стеклянные бусы и махровые гирлянды. Под ель посадили игрушечного Деда Мороза в богато украшенной шубе, с посохом и длинной бородой, Снегурочку и Снеговика в зеленом шарфе. Все было готово к встрече Нового года. Только папы не хватало. Мама накрыла праздничный стол, зажгла ароматические свечи и елочную гирлянду. Из кухни аппетитно пахло томящимся в духовке мясом. Миша в очередной раз взял телефон и набрал заветные цифры. В трубке послышался знакомый голос.

– Пап, ну ты скоро? А то уже Новый год начинается, – Миша беспокоился.

– Миш, никак, в пробке стою. Весь город стоит. Постарайся успеть, – ответил папа.

– Давай, а то мы без тебя никак начать не можем, – Миша посмотрел на часы – стрелка все ближе подбиралась к полуночи.

В телефон был слышен шум мотора и радио – ведь папа работал водителем.

Только в девять вечера папа закончил развозить праздничные заказы по городу. Он рассчитывал, что к десяти успеет добраться до дома. Но машина немного проехала и заглохла. Два часа папа пытался завести мотор. Когда уже собрался ловить такси, мотор заработал. Радость папы была преждевременной – на дороге образовался затор. Лениво работающие светофоры собирали машины на перекрестках, транспорт еле полз. Делать было нечего. Пришлось оставить машину возле метро, чтобы успеть домой до Нового года.

«Ладно, завтра заберу», – подумал папа.

Некоторые люди решили отмечать праздник на улице. Они громко радовались, пели песни и танцевали. Вокруг взрывались хлопушки и петарды. Народу в метро на удивление тоже оказалось немало. Многие проводили Старый год и спешили в гости к друзьям или родственникам. Папа бежал по переходу, а время неумолимо мчалось навстречу Новому году. В голове у папы вертелось лишь: «Успею ли? Ребята расстроятся, если опоздаю». Неожиданно под ноги метнулся рыжий клубок.

– Кто тут? – удивился папа.

Тутанхамон Тринадцатый услышал, что его зовут и громко закричал:

– Я Тут! Я! Кто меня звал?

Папа посмотрел вниз и увидел котенка. Маленький, ме-

сяца два от роду, пушистый и с белой грудкой. Он жалобно мяукал, бегая от одного прохожего к другому. Папа проскочил мимо и остановился. Удивляясь порыву, вернулся и взял Тута.

«Пусть, все равно дети давно просили», – папа сунул его за пазуху и побежал домой.

Куранты начали отсчет уходящего года. Входная дверь хлопнула, и в комнату, не раздеваясь, ворвался папа.

– Ура! Успел! – обрадовался Саша.

Он и Мишка весело подпрыгнули, чуть ли не до потолка. Хлопнуло шампанское. Все дружно закричали:

– С Новым Годом! С Новым Годом!

– Это вам, чтоб учились хорошо, – с этими словами папа достал из-за пазухи Тута.

– Папа, это ж настоящее чудо. Как я тебя люблю, – прошептал Миша.

«Где-то далеко в праздничном небе летели сани, управляемые тройкой лошадей. Весело звенел колокольчик под дугой. Волшебные кони, серые в яблоках, перебирали копытами в воздухе. В санях сидел Дед Мороз со Снегурочкой, их окружали снежинки всех цветов радуги.

– Вот еще одно настоящее желание сбылось. Правда, дедушка? – спросила Снежка.

– Правда. А самое главное – они поняли, что сами могут

творить чудеса для своих близких».

Олег Литвин, «Мистика рождественских гаданий»

Тонькины подружки давно повыскакивали замуж, и только она до сих пор сидела в девках. Не было у нее ни жениха, ни даже захудалого ухажера.

Тонька выключила свет, зажгла свечу и, усевшись за стол, начала осторожно перелистывать потрепанную книгу «Рождественские и святочные гадания». Вариант с башмаком показался ей самым простым и верным. Кидать свою обувь ночью через забор она опасалась, и потому в качестве гадального инвентаря решила использовать старые отцовские валенки, в которых он месил цемент.

Яшка Катапиллер имел замкнутый характер и, мягко говоря, невзрачную внешность, по этой причине женский пол не проявлял к нему ни малейшего интереса. Он не спеша шел со смены вдоль оврага, торопиться ему было некуда, — его никто не ждал. Поравнявшись с домом Антонины, он невольно остановился.

Тонька взяла в предбаннике окаменевший от цемента валенок, вышла во двор и со словами: «Укажи, откуда придет суженый» — швырнула его через двухметровый забор.

Яшка прикрыл глаза и представил милый образ сдобной,

розовощекой красавицы Тони. Мощный удар сбил его с ног и погрузил во мрак. Яшка пришел в себя, лежа на дне оврага. В глазах искрило, а в голове возник только один вопрос: «Что это было?»

Тонька нашла брошенный ею валенок и обомлела от увиденного – мыс валенка указывал туда, где за оврагом, через перелесок, широко раскинулась городская свалка.

«Неужто бомж?!» Тонька опрометью бросилась домой и принялась судорожно листать книгу. Гадание по полену могло многое поведать о будущем муже. Она забежала в дровяной сарай, не глядя, схватила первое попавшееся полено и выскочила на двор.

Яшка карабкался по крутому заснеженному склону, несколько раз срывался, кубарем катился на дно оврага и снова лез наверх.

Тонька посмотрела на кривое, узловатое полено с облезлой корой, взвыла от досады и, что было сил, запустила его в темноту рождественской ночи.

Наконец-то Яшка выбрался из оврага. Он зачерпнул пригоршню снега и вытер им вспотевшее лицо. Удар чудовищной силы обрушился на его голову! Очнувшись, Яшка снова обнаружил себя лежащим на дне оврага. Перед глазами все плыло, а на лбу образовался шишак величиной с яблоко. Сознание постепенно прояснилось и панический ужас охватил все существо Катапиллера: что-то мистическое, потусторон-

нее загнало его в овраг и теперь удерживало неведомой силой.

Тонька не помнила, сколько времени прорыдала лежа ничком на кровати. Наконец она встала, вытерла слезы и со злостью захлопнула гадальную книгу.

Выбиваясь из сил, насквозь сырой от пота и мокрого снега, Яшка снова и снова взбирался по склону, скатывался вниз и снова полз. В конце концов, ему удалось ухватиться за росшие по кромке оврага кусты. Собрав последние силы он подтянулся, увидел огни поселка и...

Тонька уверенным шагом прошла через двор, открыла калитку и бумерангом запустила проклятую книгу в сторону оврага.

Вопль боли и отчаяния разорвал тишину ночи. Очередной удар в лоб отправил Яшку обратно по уже проторенному маршруту.

Тонька вытащила Катапиллера из оврага, принесла домой и две недели ухаживала за ним, как за ребенком. А еще через неделю они подали заявление в ЗАГС.

Наталья Путиенко, «С восходом солнца»

В свете фонарей легко кружили снежинки. Они плавно опускались все ниже и ниже, стремясь достигнуть промерзшей земли, присоединиться к своим сестрам, упавшим мгновением раньше.

На улице, несмотря на час ночной, было светло и красиво. Снег искрился в свете фар поздних автомобилей, спешивших к своему законному месту на одной из парковок. Город еще не спал, даже не думал засыпать.

Москва никогда не спит. Москва всегда в движении.

В столько поздний час, в окне одного из обычных девятиэтажных домов, можно было различить тонкий силуэт девушки. Стоя у распахнутого окна, она нервно куталась в теплый халат, поднося время от времени ко рту зажжённую сигарету. Сизый дым легким облачком вырывался изо рта, смешиваясь с паром и растворялся среди пушистых снежинок.

На хорошеньком личике застыла маска безразличия. Холодный взгляд зеленых глаз, обрамленных пушистыми ресничками, смотрел куда-то вдаль и создавалось ощущение, что девушка вглядывается в темноту. Сосредоточенно и серьезно, будто в поисках чего-то важного, родного, любимого.

Ощущение.

На самом деле, она не видела ничего. Ни снега, танцующего перед ней свой танец, ни света фар ночных машин, ни желтых фонарей, ни сигаретного дыма. Перед глазами незнакомки стоял Он. Тот, кто покори́л ее сердце и завладел ее разумом. Тот, кто столь стремительно ворвался в ее мир, сломав все барьеры, которые она выстраивала у него на пути, отчаянно защищая свою душу. Тот, кто сводил с ума одной лишь фразой, заставляя сердце пропускать пару ударов, а после учащенно нестись вперед.

Она ждала его ежедневно. Преданно и верно. Трепетно охраняла его спокойствие, робко улыбаясь и шепча о том, что все хорошо.

Правда-правда. Честно-честно.

Он улыбался, глядя в милое личико и нежно заправлял прядь каштановых волос ей за ухо. От этого прикосновения внутри нее наступала весна. Распускались прекрасные цветы, летали воздушные бабочки, а душа рвалась ввысь, в сторону пушистых облаков, окрыленная нежностью и любовью.

От прикосновения его губ к ее губам, внутри все замирало, наслаждаясь чудесным мгновением и чувством целостности, единства.

В том, что он был ее половинкой, она не сомневалась. Его послала ей судьба, ласково прошептав, что он предназначен ей.

Наивная и доверчивая. Она верила ему, его словам, его

взглядам. Он проводил с ней ночь, и эти часы были на вес золота. Ей было мало. Всегда мало. Хотелось не отпускать его с рассветом, а крепко обнять и закричать во всю силу легких, что он принадлежит только ей. Только её.

Но с наступлением рассвета, он ласково целовал ее и, прежде чем попрощаться, заботливо, но строго просил беречь себя.

Она берегла. Ради него. Отказалась от вредных привычек и шумных компаний, которые раньше были ее спасением от одиночества. Отказалась от всего, что могло так или иначе навредить ей.

Растворилась. Перестала различать тонкую грань, где заканчивался он и начиналась она...

Соленая слеза, прозрачная, как капля родниковой воды, скатилась по щеке. словно не веря в это, девушка пальцами провела по тонкой влажной дорожке и поднесла ладонь к глазам. Она знала, что эта слеза далеко не последняя. Их будет много и от них не будет спасения.

Она резко, рваными движениями потушила окурок, чтобы спустя мгновение вновь схватиться за пачку сигарет. Крупная дрожь сотрясала тело девушки, стоящей в одном халате перед распахнутым окном. Но ей не было холодно. Ей было больно. Внутри гулко билось сердце, неприятно сжимаясь, будто от многочисленных прикосновений раскаленных игл. Оно жаждало покоя. Хотело, чтобы больше не было боли. Никогда.

– Он больше не придет, – прошептала она, глядя сквозь пелену горячих слез, так рвущихся наружу. – Его больше не будет со мной рядом...

История любви, которая казалась ей сказкой, превратилась в кошмар. Слишком глубоко его пустила. Слишком близко к сердцу держала. Сама не заметила, как перестала существовать.

Сегодня вечером закончилось все. Он не пришел. Безразличные гудки в трубке раздражали, от чего девушке казалось, что они глумятся над ней. На третий звонок раздалось тихое «Алло». Молодой и красивый женский голос, продолжал повторять это самое «Алло», которое раз за разом разрушало хрупкий мир. Убивало медленно и с особой жестокостью, не щадя ее ни капли...

Она не помнила ничего из того, что было дальше. Она продолжала стоять, прижимая телефон к груди, словно он смог бы стать заплаткой на ее разбитом сердце...

Затянувшись до боли в легких, девушка выпустила очередную струйку дыма изо рта, все так же глядя вдаль, но ничего не видя.

С рассветом станет легче. С восходом солнца станет лучше.

Прекрасная сказка останется в прошлом, так же, как и он. Возможно, через некоторое время им суждено вновь встретиться. Возможно, они сделают вид, что не узнали друг друга и молча разойдутся в разные стороны. А возможно, им

хватит сил, чтобы вновь заговорить.

Среди красивых снежинок, которые все также плавно опускались на землю, напротив распахнутого окна, застыла призрачная женщина с ласковой улыбкой и добрыми глазами. Подплыв к девушке, она опустила свою прозрачную руку той на плечо.

– Вы еще встретитесь, я обещаю, – легко подув на волосы плачущей незнакомке. – Постарайся в этот раз не упустить свое счастье...

Девушка ощутила лишь дуновение холодного ветерка и вновь поежилась. На ночном небе едва заметно угадывалась полоска рассвета.

Ей стало легче. Ей стало лучше.

Закрыв окно, девушка, стуча босыми пятками по паркету, направилась в сторону спальни. Ей нестерпимо хотелось спать. Боль, бушующая внутри, постепенно утихала, даря короткую передышку.

Впереди незнакомку ждут бессонные ночи. Она вновь будет убеждать себя в том, что с рассветом станет легче...

А спустя несколько недель, аккурат в канун Рождества, судьба преподнесет ей подарок. Маленькое чудо, чье крохотное сердечко будет быстро-быстро биться внутри. И пусть ее любимый человек растаял, словно первый неуклюжий снег, его частичка навсегда останется с ней.

И лишь одной судьбе известно, что встреча этих двоих, отчаянно любящих друг друга, но при этом панически боя-

щихся любить, совсем не за горами. И тогда она, судьба, делает все, чтобы они остались вместе.

Единое целое. Две половинки одного чуда. Чуда, что зовется любовью.

Наталья Сапункова, «Золотая рыбка»

Батарея центрального отопления опять была не теплее парного молока, даже рук не согреешь. И ветер, главное, ветер – дует и дует в её окна. Маленькая электрическая печка раскалилась докрасна, а толку почти никакого. Марина натянула лыжные брюки и свитер, а сверху ещё теплую кофту. Так, пожалуй, сойдет – зубы не стучат.

Золотая рыбка тыкалась в стекло и слабо шевелила плавниками.

– А ты не замерзнешь, моя хорошая? – вдруг спохватилась Марина. – Ты ведь у меня, небось, тропическая штучка?

Она сняла аквариум с полки и поставила на пол, вплотную к печке.

Рыбку принес Иван Иванович – старичок с первого этажа. Попросил поухаживать несколько дней, пока его не будет дома.

Иван Иванович переехал в их дом полгода назад. Он разводил золотых рыбок, только таких вот – толстых, с лимонно-желтой чешуей и пышными плавниками и хвостом. Буалехвостов. Марина, впервые увидев его квартиру, поразились – кроме аквариумов с подсветкой и ещё какими-то при-

бамбасами, там были только стол, кровать, накрытая одеялом, и дощатый табурет. Гостям он всегда предлагал табурет, и приносил из кухни стакан душистого, очень вкусного травяного чая, а сам садился на кровать. Мог целый час сидеть, разглядывая какую-нибудь лупоглазую любимицу, и говорить, говорить... Начать с живности, обитающей в реке Амазонке, а закончить китайскими императорами. Китайские императоры тоже разводили золотых рыбок, оказывается. Но слушать его всегда было интересно, потому что он умел рассказывать. Марина ещё не встречала людей, которые бы так интересно рассказывали. Она с Иваном Ивановичем подружилась, и немного его опекала. Хлеб, там, купить, пакет молока, ещё чего-нибудь по мелочи. А то он, бедняга, временами еле ноги таскает. И – совсем один. Никто, кроме Марины, к нему и не заглядывает никогда. Это же ужасно – быть одному. А Иван Иванович такой веселый, шутит всё время. Но вот о жизни своей рассказывать не желает, сколько Марина ни задавала наводящих вопросов. Всё рукой машет – а ну ее, дескать. Давай лучше, милая, о рыбках поговорим...

Чудной старик, это верно. Но симпатичный.

Марина забралась с ногами в кресло и поплотнее запахнула кофту. Холодно. Чайник, что ли, вскипятить? На календаре – третье января. Дочь вернется через неделю, она уехала с друзьями на базу отдыха. А она, Марина, недавно пережила самую отвратительную Новогоднюю ночь в своей жизни – в этом самом кресле, наедине с телевизором и с бокалом

шампанского. Не вдруг, не случайно – нет, весь декабрь к тому шло, складывалось. И она спокойно ждала праздники. Думала, что это даже хорошо. Ни забот, ни хлопот. В свое удовольствие посмотрит телевизор, побудет наедине с собой, любимой. А как начали бить куранты – такая вдруг пустота накатила, подступила к горлу... Вот – одна. Не нужна никому. Все веселятся, празднуют, а её как будто нет, потому что никому до нее нет дела. Нужны, оказывается, очень нужны эти праздничные хлопоты, это стояние у плиты два дня кряду, чтобы накрыть особенный, новогодний стол, с её фирменными салатами и сногшибательным тортом. И гости, от которых в конце концов так устаешь, и гора грязной посуды, которую, может быть, помогут перемыть... И главное – внимание. Она всегда была окружена вниманием. Это была её жизнь. Как же ей теперь этого не хватает!

Поздравил, можно сказать, только бывший муж – позвонил часов в десять вечера. Поздравил и извинился, что деньги для Леночки передаст попозже. Она же понимает – праздник, расходы... Конечно, она понимает.

Два года назад у мужа появилась новая большая любовь – бес в ребро. Он оставил квартиру им с Леночкой, а сам ушел, упаковав чемоданы. После этого в доме не осталось ни одного чемодана, и ей самой, чтобы съездить к родственникам на пару дней, пришлось идти и покупать дорожную сумку.

Общество, которое её прежде окружало, как-то быстро рассосалось. Оказывается, оно окружало мужа, а её – так,

заодно. Но тогда скучать было некогда. Леночка оканчивала школу, потом поступала в университет. Закончила. Поступила. И вот теперь – она, Марина, одна. Чтобы осознать это до конца, надо было просидеть перед телевизором Новогоднюю ночь. Одной...

А шампанское ещё осталось. В холодильнике. Марина улыбнулась возникшей вдруг шальной идее, но тем не менее слезла с кресла, сходила на кухню и принесла оттуда недопитую бутылку шампанского и два фужера. Наполнив оба, один поставила перед аквариумом, а другой взяла себе и снова удобно устроилась в кресле.

– Ну что, рыба, будем здоровы и счастливы в Новом году?

Низко нагнувшись, она звякнула своим фужером о тот, что стоял возле аквариума.

– Будем.

Рыба замерла, удивленно тараща свои выпуклые глаза на играющие в шампанском пузырьки. Свою порцию Марина не спеша и с удовольствием выпила. И грустно улыбнулась:

– Тебе не смешно, а, рыба? Хорошо, что кроме тебя никто этого не видит. А то ведь не поймут! А ты, кстати, не самая плохая компания – красивая такая, и глупостей не говоришь. Только слушаешь... глупости.

Рыбка сделала неторопливый круг по аквариуму и опять замерла на прежнем месте.

– А была бы ты и вправду золотой рыбкой... – продолжала Марина. – Отпустила бы я тебя и желание бы загадала. Хотя,

куда тебя отпустишь, в такую-то погоду? И что я вообще для тебя сделать могу? Разве что не дам замерзнуть и корм куплю в зоомагазине... А что попросила бы я у тебя, рыба ты моя золотая? Избу я не хочу, царицей быть не хочу, машину и ту не хочу, и даже самолет. Чего же я хочу все-таки, а?

Продолжать она не стала, во всяком случае – вслух. А рыбка задумчиво шевелила плавниками, как будто и вправду слушала.

Марина как раз прикидывала, наполнить ей опять свой фужер или выпить рыбкин, когда в дверь постучали. Удивившись, она пошла открывать. Перед дверью стоял сосед со второго этажа.

– Здравствуйте! – улыбнулся он.

– Здравствуйте... – удивленно ответила Марина.

Они очень давно жили в одном подъезде, но виделись при этом редко. Иногда сталкивались на лестнице и вскользь здоровались. Наверное, она запросто могла бы его с кем ни будь перепутать. Она с трудом запоминала лица неинтересных ей людей.

– Можно пригласить вас на чашечку кофе? – спросил сосед.

– Что? – удивилась Марина, – Спасибо, конечно, но нет, не надо!

Это прозвучало грубовато, а грубить, в общем, не следовало. И она мягко добавила:

– Я не люблю кофе...

Тут из-за порыва сквозняка дверь вдруг вырвалась из рук, чуть не ударив. А в это время в глубине квартиры раздался грохот и звон – что-то упало и разбилось вдребезги. Марина бросилась туда, сосед – следом...

Странно. всё в полном порядке.

– Извините, – виновато сказал сосед. – Я думал, может, помочь... Так как все-таки насчет кофе?

Надо же, какой настырный. Вид у него был, как обычно – ну очень потертый джемпер домашней вязки, грубо зашитый на локтях, из-под которого выглядывал воротник старой неглаженной рубашки, и донельзя стоптанные туфли. Марину это задевало. Она никогда не уважала людей, которые так выглядели. Тем более если им вздумалось куда-то её приглашать.

– Спасибо, нет, не стоит, – твердо ответила она.

– Пожалуйста, – весело настаивал он, что уже начинало быть неприличным. – Комфорт и безопасность я гарантирую. И погреейтесь немного. У меня тепло, а у вас тут холод, как в подвале, воспаление легких подхватить можно. Надо же, какая... – он наклонился над рыбкой и стукнул пальцем по стеклу. Рыбка как-то доверчиво ткнулась носом туда, где был его палец. Тут он внимательно посмотрел на стоявший перед аквариумом полный фужер, и на Маринин пустой, оставленный на ручке кресла. А потом на Марину. Она почувствовала, что краснеет самым идиотским образом.

Да какое кому дело? Она пьет шампанское, с кем хочет!

– Ну и так как насчет моего кофе? – повторил, улыбаясь, сосед.

Вообще-то, несмотря на потрепанный вид, он был не такой уж и противный. Марина не сразу поняла, почему. Оказывается, вопреки её подспудным ожиданиям, он него не пахло ни перегаром, ни немытым телом. Даже табаком, к которому она вполне терпимо относилась, и тем не пахло. Пахло каким-то дешевым одеколоном. Плохим одеколоном, но это меньшее зло – по сравнению с перегаром, например.

– Ответьте же что-нибудь... – вздохнув, попросил он.

– Пойдемте, – вдруг согласилась Марина.

В его квартире она с интересом огляделась. Минимум мебели и максимум беспорядка. Она это ожидала. На столе, рядом с выключенным паяльником, возвышается нечто, утыканное радиодетальями, и похожее на внутренности некоего устройства. Так, всё ясно...

– Вас, я знаю, зовут Марина Сергеевна. Меня... Можно просто Виктор.

– Очень приятно.

– Вас обязательно называть по отчеству?

– Нет, не обязательно.

Он снял с дивана какой-то картонный ящик.

– Извините, если что, и почувствуйте себя как дома. Хотите музыку?

Он засунул кассету в ту загадочную конструкцию на столе, которая оказалась магнитофоном, и откуда-то сверху за-

играл блюз.

– Я понимаю, на взгляд женщины здесь не очень уютно.

– Нет, что вы, здесь очень мило, и главное, тепло.

– Мило? Спасибо. А ваша дочь говорит – редкостный бардак.

– Лена? Она здесь была?

– Она заходит иногда, к Игорю, К сыну...

– А-а, у вас есть сын...

Пожалуй, она припоминает такого длинного, худого и в очках, который в последнее время неизменно здоровается с ней в подъезде.

– Они, наверное, вместе учатся? Лена мне не говорила.

– Ну, не совсем вместе. Мой уже на пятом. Заканчивает. Вы пока поскучайте немного, я скоро. А вот это, хотите? Тут можно посмотреть картинки... – он не без колебания протянул ей стопку глянцевого журналов.

Марина взяла журналы и принялась листать. Определенно, они были на русском языке. С таким же успехом могли бы быть на арабском. Блестящие страницы, заполненные техническими текстами о чем-то совершенно непонятном. Тем временем из кухни запахло свежесваренным кофе, и вскоре оттуда показался Виктор Сергеевич, или Виктор, с большим куском фанеры в руках, на котором помимо кофейника и чашек, отнюдь не кофейных, красовались ещё коробка с тортом и полулитровая банка с сахаром.

Вот это да! Муж Марины был эстет по натуре и человек

искусства, и их общие друзья и знакомые тоже более или менее попадали под это определение. С экземплярами вроде Виктора Марина не сталкивалась практически никогда, как и с сахаром в банках.

– Вот, пожалуйста. Леночка говорила, что вы любите кофе с крупинкой соли. Я бросил.

– Спасибо.

А что еще, интересно, ему говорила Леночка?..

Он умеет варить кофе. Марина с удовольствием выпила свою чашку. А торт оказался свежим и вкусным. Теперь надо выбрать момент, чтобы поблагодарить и пойти домой. Но если честно, хотелось бы выпить ещё чашечку – это во-первых. А во-вторых – Лена. Марина невольно проникла в какую-то неизвестную часть дочкиной жизни, и теперь не могла вот так взять и уйти, ничего до конца не поняв.

– Ещё чашечку?

– С удовольствием, спасибо.

Он налил.

– Знаете, Марина, у вас просто потрясающие глаза. Синие-синие. Как море на закате.

Она засмеялась.

– Ну, что они потрясающие, я уже как-то слышала. Но чтобы море, на закате... И не подумаешь, что вы поэт.

– Какой там поэт. Просто я вырос на море. А глаза ваши я рассмотрел, когда – вы помните? – на лестнице на вас прыгнула кошка. Вот тогда ваши глаза раскрылись во всю их

ширь, и я поразился, какие они синие.

– Я вспомнила. Это ведь вы напугали эту кошку?

– Я. Но нечаянно. Вы меня уже простили?

Марина хохотала, чуть не расплескав кофе.

– Знаете, я ... – неуверенно начал он и замолчал.

– Что – "вы"?

– С того самого дня мне хочется, чтобы вы сидели рядом и смеялись. Не хмурьтесь. Я не хочу смущать вас. Ничего, совершенно.

Он сам на мгновение смутился, и шутливо продолжил:

– Но я не верил, что это возможно. Вы были как... снежная королева. Которая никогда в жизни не снизойдет до меня.

– Я – снежная королева?... – Марина даже растерялась. – Вы действительно так считаете?

– Считаю. Вы такая же красивая, гордая, и холодная.

– И как же вы осмелились?... – усмехнулась она.

– Пригласить вас сюда? Понятия не имею. Я думал, что никогда не решусь. А сегодня вот... Сына нет дома. Я, не знаю, зачем, купил этот торт. Не есть же мне теперь его в одиночку. Вот я и подумал, а не попробовать ли мне пригласить вас, тем более что мы уже почти родственники?

– Это как?..

– Дочь разве вам не сказала?..

Вот это да. У Марины в груди появился противный такой холодок.

– Не сказала что?..

– Что они с Игорем женятся.

– Женятся?! Нет-нет, что вы. Ей рано замуж, – неуверенно засмеялась Марина.

– Сын дал понять, что всё решено, и попросил спонсировать кольца.

– Кольца?! Нет, вы что такое говорите? Вы сошли с ума, вы и ваш сын! Этого не может быть. Это нельзя, вы с ума сошли!

– Вы правы, конечно, – пожал плечами Виктор. – Но это не я женюсь. А что касается сына... Согласитесь, в его годы, жениться – нормальная форма сумасшествия.

– В его годы – может быть. Но ей восемнадцать лет! Я не разрешаю ей выходить замуж в таком возрасте!

Она вскочила, и фанера-поднос полетела бы на пол, если бы её не подхватил Виктор. Он смотрел на Марину снизу вверх, растерянно и с некоторым раскаянием.

– Ну, простите меня, я не думал. Успокойтесь же, выпейте кофе!

– Да идите вы к черту со своим кофе!!! К черту! Вместе с сыном!

Она ещё что-то кричала, тут же забывая, что именно. И где-то в самой глубине души ей было очень стыдно за это, но она ничего не могла с собой поделать. Он усмехнулся, и, поднявшись, крепко взял её за плечи. А она вдруг растерялась, замолчала.

Он сказал:

– К черту – это далеко. Как же я брошу вас тут в таком состоянии? Нет, не могу, не просите.

Она начала всхлипывать, и тогда Виктор притянул её к себе и крепко поцеловал. Руки у него оказались очень сильными – не вырвешься, сколько ни бейся. Правда, она и не пыталась. Возмутилась уже потом:

–Нет, что вы делаете?

– Хороший вопрос. Вам, что ли, лучше?

– Это глупо.

– Уж простите. Я просто растерялся. Не умею я... с истеричками...

– Вам хорошо, у вас сын. Посмотрела бы я на вас, если бы ваша дочь, в восемнадцать лет...

– Н-да... Ну ничего. Разберемся как-нибудь.

Он принес из кухни початую бутылку красного вина и пару граненых стаканов. Плеснул понемногу в каждый.

– Вульгарно для благородного напитка. Извините. Но весь хрусталь достался моей бывшей, а мне, честно говоря, всё равно.

– Ерунда, – она грустно улыбнулась. – Я ведь тоже бывшая, которой достался хрусталь.

Вино было терпко-сладким и очень вкусным.

– Простите за нескромный вопрос. Сколько вам было лет, когда вы вышли замуж?

Он, щурясь, смотрел на нее, и глаза его смеялись.

– Почему вы спрашиваете?

– Судя по вашему виду, вам было пятнадцать. Или тринадцать. Или вообще десять.

– Не говорите глупости. Лена родилась, когда мне было двадцать два.

– А замуж вы вышли?..

– В девятнадцать.

– Почти сходится. Это у вас наследственное, наверное.

Хотите ещё вина?

Она протянула ему свой стакан.

– А где сейчас Игорь?

– Как – где? На базе, на лыжах катается.

– С Леной?

– Ну, конечно. Он её, похоже, одну никуда не пускает.

– Понятно. А у вас есть ... какие-нибудь фотографии?

Снимков, совсем недавних, оказалась целая пачка, и почти всюду была её Лена с этим Игорем рядом. На одном – он держит её на руках. Она смеется, а он серьезный.

– Знаете, что? – улыбнулся Виктор. – Пока успокойтесь. Дождитесь дочку и спокойно поговорите. Спокойно. Хотя неплохо было бы её отшлепать, но я вам этого не предлагал. Тоже мне, секретная операция.

– Непедагогично, – Марина, наконец, тоже улыбнулась.

Она, как ни странно, успокоилась, и теперь ей не то чтобы было весело, но хотелось и улыбаться. Несмотря на то, что эта пигалица...

– Говорите, он купил кольца? Но ведь ей ещё так долго учиться.

– Сын заканчивает в этом году, а работа у него уже есть. И потом, это их решение. Сын у меня с детства привык отвечать за принятые им решения. Всё будет нормально.

– Вы думаете?

– Уверен. У меня хороший парень, честное слово.

Марина подняла голову и встретила с ним глазами.

Вот ещё что – у него удивительный взгляд. Мягкий такой и теплый.

– Извините меня. Я отвратительно себя вела.

– Да бросьте. Ничего.

Да, наверное, нормально. Дочка собралась замуж. Но как она могла вот так – даже не намекнуть? Не кому-нибудь, а матери? Что-то случилось с ними после развода. Всем, чего уж там, было плохо. Но потом, казалось, наладилось...

Но если отец знает. Если ему она рассказала. Тогда... Нет-нет, не надо. Не надо даже начинать об этом думать.

– Хотите ещё чего-нибудь?

– Нет, спасибо. Я пойду домой.

– Как скажете. А давайте лучше я ещё разочек вас поцелую?

Она замерла.

Опять – его сильные руки, его теплое дыхание на своем лице?

Это, в сущности, было так здорово. Ей тоже хочется жить.

Сейчас, не потом.

Полчаса назад этого человека для неё не существовало вовсе. А теперь он есть. Для неё. Почему – непонятно, но есть. И, что интересно, никто ей не нужен сейчас так, как вот именно этот, один-единственный человек...

Неужели так сразу – нужен?..

– Какая вы, все-таки, нерешительная, – усмехнулся он, и, опустив глаза, чуть не смахнул на пол один из стаканов.

– Давайте, – сказала Марина.

На следующее утро Иван Иваныч пришёл за рыбкой. Точнее, это было ближе к полудню, но Марину разбудил его звонок. Она машинально вынесла аквариум и пробормотала что-то в ответ на его благодарности.

А позже Виктор принес билеты в театр, на премьеру. Конечно, Марина была согласна. Хоть в театр, хоть... Просто придется вместо выходного бархатного платья надеть что-то попроще, потому что подходящего костюма у Виктора наверняка нет...

Они очень быстро всё решили. Интуиция, помноженная на жизненный опыт. К тому же глупо в их возрасте зря терять время. И вообще, Марина пришла к выводу, что в этом человеке, если перефразировать классика, прекрасно все, кроме одежды, – и душа, и мысли, и даже лицо, если посмотреть внимательно. А новые брюки, пиджак и пару-тройку рубашек она ему сама купит. И все дела! Что может быть проще, чем пойти и купить рубашки? И туалетную воду, обязатель-

но. И лосьон, и... Да неважно! Услышь она в двадцать лет, что настоящая любовь придет к ней после сорока...

Да чего в жизни не бывает?! А дети пускай женятся, тогда одна квартира будет им с Виктором, другая – молодым. И потом, со стороны Лены было бы глупо упустить такого парня. Если он похож на своего отца, конечно.

Возвращаясь из магазина с сумкой продуктов, Марина решила, наконец, заглянуть к Ивану Ивановичу. Звонок, другой – тишина, никакого ответа. Уборщица Оксана мыла лестницу. Она подняла голову и посмотрела на Марину.

– Так дед здесь больше не живет. Уехал.

– Как уехал? Не может быть!

– А чего удивляешься? Он ведь перекаати-поле, нигде по долгу не задерживается.

– Да? А ты откуда знаешь?

– Знаю вот. У него семья живет на соседней улице – жена, сын, внуки.

– Семья?! Разве он не одинокий?...

– Какой одинокий. Просто жить с ним маета, дед ведь тот еще. Сам ушел, живет один. Может, снова в больнице? Дважды уже лечился. Да, видно, его не вылечишь.

– Что, ноги? – предположила Марина.

– Какие ноги? Голова, конечно. Незаметно разве? Так помотришь – нормальный дед, а с другой стороны – какой он нормальный?

– Да брось! – изумилась Марина, – Он замечательный че-

ловек, умный, воспитанный!

– Во, во, умный и воспитанный. Говорят, такой мужик был! Видный, интеллигентный, ученый. Профессор биологии, что ли. Не был бы такой умный, может, жил бы, как человек. А то знаешь, на чем его заклинило? Он решил, что новую породу рыб вывел. Волшебных. Что, не поняла? Ну, которые кому разбитое корыто, кому ещё что – по желанию. Как у Пушкина. Вот и кочует он с места на место, а тем, кто ему нравится, рыб своих раздает. И врачей, видимо, дурит, потому что умный – те его отпускают всё время. Так, пропал человек. Ой, ну что же ты, у тебя из сумки молоко льется! Отойди-ка! Хорошо, что я тут с тряпкой!

Ирина Ваганова, «Чужой ангел»

Настроение было испорчено на все праздники. Да что там, на праздники – на всю жизнь. Мама сказала бы: «Не преувеличивай!». Грета не умела не преувеличивать, такой уж чудной характер – внешний штиль и внутренние шторма каким-то странным образом уживались в ней.

Проскочила мимо остановки. Неохота толкаться в маршрутке. Наверняка, какая-нибудь тётушка из цеха окажется в салоне и начнёт расспрашивать о подруге. «Тоже мне, подруга!» – сердилась Грета.

«Что, в конце концов, произошло?», – сказала бы мама.

Всё! Всё произошло, что могло быть плохого! Грета вспомнила красивое насмешливое лицо Катьки и полузабытое обращение:

– Гришка! Ты?

Именно из-за прозвища она отказалась от данного папулей имени Агриппина. Собственно, в ближайший наукоград уехала из посёлка, от фамильярных «Грипа, Груня, Глаша...». И вот, здрасте!

– Ты тоже здесь работаешь?

Тоже? Грета лучшая монтажница, три года платы собирает без брака, что большая редкость. А эта стрекоза и замужем побывала, и в столице счастья поискала, даже в модельный

бизнес лезла. Теперь вот прискакала по проторенной Гретой дорожке в их НТО и делает вид, что удивлена встрече.

– Как, вы говорите, её зовут? – колкий Катькин смех, – да какая она Грета? Гришка, ты посмотри на себя!

Круглые Гретины щёки залил румянец обиды, глаза чайного цвета и чуть раскосого разреза сощурились, сдерживая слёзы.

– Ну, я не знаю, – рассуждала подруга, – Грета должна быть высокая, тощая, непременно с гладкими белыми волосами. Ты же полная противоположность!

Самое ужасное, что Катькины речи слышал их мастер Алексей. Он ждал окончания разговора, чтобы проводить новую работницу к её боксу и показать элементарные операции, которые та должна выполнять на первом этапе.

Лёша... Тихий скромный парень, который обычно скользил по цеху, не поднимая глаз на лица многочисленных девушек, никогда не отвечал на шуточки, тем более не заигрывал, оставаясь загадкой для всех. Теперь он широко улыбался, с любопытством разглядывая новенькую.

Лёша... Невысокий подтянутый сероглазый брюнет, который почему-то ассоциировался в Гретином сознании с князем Андреем Болконским. Неужели так сразу, с первого дня, ветреная Катька возьмёт его в оборот?

Грета спешила мимо нарядных витрин. Ни гроздьё синих гирлянд, ни улыбочивые рекламные щиты, ни серебристые ветви ёлочек, ни объёмные снежинки на тонких шнурах не

привлекали внимания. Хотелось поскорее к себе, броситься на диван, зарыться в подушки и прореветься как следует.

Вот он, величественный дом, называемый в народе «Сталинским» – высоченные потолки, просторные лестничные площадки. Взбежала на четвёртый этаж, запыхалась немного. Звякнула связкой ключей.

– Звонарёва? – На один пролёт выше у окна стоял молодой полицейский.

Грета судорожно кивнула, хотя это не её фамилия. Звонарёва Дина Петровна сдавала ей квартиру. Парень радостно заулыбался и сказал в сторону:

– Иди сюда, пришла твоя тётя.

Показалась девочка лет четырёх, одетая в белую шубку и такую же шапку. Глаза огромные, синие. Такие огромные, что не понятно, как они помещаются на белокожем личике. Участковый подхватил ребёнка, спустился и поставил девочку рядом с Гретой.

– Хорошо, что вы пришли, мне надо срочно... Короче, вот! – Он стянул с плеча лямку и передал девушке рюкзачок. – Тут её вещи. Мать в реанимации, больше никого из родственников на месте нет, все разъехались.

Полицейский, по-юношески перескакивая через ступеньку, побежал вниз и уже невидимый крикнул:

– Ключи от их квартиры я в карман рюкзака сунул. С наступающим!

Грета не ответила, она любовалась на ангела, поднявшего

на неё чистейший небесный взгляд.

– Тебя как зовут?

– Мила.

– Меня Грета.

– А по-настоящему? Герда сказочное имя.

– Почему не сказала дяде, что я не Звонарёва?

– Ты мне понравилась.

– Круто! Заходи.

Девочка сама развязала шарф, расстегнула пуговики и выбралась из шубы. Завозилась с молниями сапожек, Грета помогла ей разуться.

– Есть хочешь? Иди, руки помой.

Сама прошла на кухню. Надо было всё-таки в магазин заглянуть, нечем ребёнка кормить. Хотя, кто же знал?

Мила забежала с упаковкой йогурта.

– Герда! Вот. Я из дома взяла.

– Молодец. Только я не Герда, а Грета. Булку будешь?

– Буду. Имя у тебя странное.

– Обычное имя. Можешь Ритой называть, если так удобнее.

– У нас в группе есть Рита. – Мила сидела за столом и осматривалась. – Она дерётся.

– Я не дерусь, – шутливым тоном сказала Грета.

– Хорошо, – серьёзно отреагировала девочка.

– Теперь надо позвонить Дине Петровне, пусть приезжает за тобой.

Хозяйка не отвечала, пришлось слать сообщение. Через несколько секунд булькнул ответ: «Я в Чехии. Роуминг. Выйди в скайп»

Только теперь Грета испугалась. Что же это получается? Куда девать свалившегося с неба ребёнка? Первой обожгла мысль о праздничном вечере с танцами и фуршетом. Она так рассчитывала на него! Непринуждённая обстановка, конкурсы, шампанское, музыка. Почти уверена была, что пригласит Лёшу на белый танец. Быть может, мастер проводит её до дома...

Препятствие в виде Катьки казалось теперь малозначительным.

В скайпе Звонарёва откликнулась быстро. Она не давала Грете слова сказать, застрочила не хуже швейной машинки «Зингер».

– Гретти, милая, ты так меня обяжешь... Пойми, совершенно не к кому обратиться... Пожалей крошку... Я обязательно возмещу тебе расходы.

– Дина Петровна, – вклинилась в словесный поток Грета, – я домой хотела на праздники поехать. Куда же я с ней? Всем не объяснишь, откуда взяла ребёнка.

Её доводов не слышали. Хозяйка, заверив, что при первой возможности поменяет билет и вылетит в Россию, проворчала ещё несколько бессмысленных фраз и переключилась на Милу, которой велела во всём слушаться тётю и вести себя хорошо.

Желание прореветься вернулось с новой силой.

Вечер провели в хлопотах. Девчушка аккуратно раскладывала и развешивала нехитрое имущество. Грета нашла в комнате, где хранились хозяйские вещи, одеяло, подушку и постельное бельё для Милы, устроила ей гнёздышко на раскладном кресле.

Включили «Спокойной ночи, малыши». Ребёнок сидел с застывшим лицом, как будто на экране не мультяшки показывают, а гипнотизёр сеанс проводит.

– Ты о чём-то задумалась? – начала разговор Грета.

Девочка встрепенулась и спросила:

– Что такое реанимация?

Присев на корточки рядом с ней, Грета погладила худенькое плечико и соврала:

– Представления не имею.

Лицо Милы дрогнуло, она не верила. Грета стала оправдываться, говоря быстро и путано:

– Я никогда не была в реанимации. Думаю, это что-то хорошее. Где помогают людям, если им требуется помощь. Почему ты спрашиваешь?

– Дядя Серёжа, когда пришёл за мной в садик, сказал, что мама уехала, а меня велела отвести к тётке Дине.

– Кто такой дядя Серёжа?

– Милиционер, который меня привёл.

– Ты с ним знакома?

Мила пожала плечами.

– Мама, наверное, знакома, – наклонилась ближе и таинственным тоном сказала, – Я слышала, как воспитательницы шептались, что у моей мамы с сердцем плохо.

– Да?

– Она иногда так делает, – девочка приложила ладошку к груди и сдавленно проговорила, – «Моё сердце не выдержит!» Оно не выдержало?

– Милая моя! – Грета обняла ребёнка и зашептала: – мы с тобой обязательно разузнаем. Поверь, всё будет хорошо. Скоро мама заберёт тебя.

– Мне здесь нравится, не обижайся.

– Да, что ж тебе нравится? Славная девочка. Давай спать.

Грета так рано никогда не ложилась, но сегодня решила подать пример. Она смотрела, как по натяжному потолку скользят отсветы фар проезжающих мимо машин, и прислушивалась. Девочка сначала тихонько всхлипывала, потом стала шептать. Слов разобрать невозможно, впечатление, что ребёнок кого-то убеждает. Хотелось встать, подойти и посидеть рядом, но Грета не знала, что говорить и как успокоить.

Утром, когда они уже собрались выходить, затрезвонил телефон. Грета подскочила от неожиданности. Она не пользовалась аппаратом, стоящим в прихожей на тумбочке и относилась к нему, как к предмету интерьера. Трубку подняла. Оказалось, звонят из больницы по просьбе матери Милы. Грета уверила собеседника, что с девочкой всё хорошо,

и постаралась расспросить о самочувствии больной.

– Ну вот, видишь, – сказала она, кладя трубку, – а ты переживала...

– Мама? Почему ты мне не дала поговорить?

– Это доктор. Твоя мама попросила его позвонить нам и успокоить тебя. Ей пока не разрешают ни с кем разговаривать. Врачи очень строгие, ты же знаешь.

– Врачи добрые, – не согласилась девочка.

– К детям добрые, конечно, а с взрослыми им надо поостроже, а то будут то и дело болеть.

– Значит, она болеет?

– Чуть-чуть, но скоро поправится. – Грете стало неловко от полного надежды взгляда Милы и она заторопилась, – пойдём, а то я на работу опоздаю.

Детский сад, куда ходила девочка, оказался неподалёку. Воспитательница оглядела Грету с головы до ног и сказала строго:

– У нас короткий день. Заберёте не позже двух, спать укладывать не будем.

Грета механично кивнула и поплелась на работу. Она уже мысленно простилась с мечтой отпраздновать Новый Год в компании сотрудников, а теперь стало понятно, что даже на официальную часть, где ей должны вручить грамоту за отличную работу, она не попадает. «Может, оно и к лучшему, – уговаривала себя, – лишь бы не видеть Катькиных потуг по охмурению мастера». Увидеть всё-таки пришлось. Рабо-

тав, как положено, до обеда, Грета вышла за ворота предприятия и услышала:

– Гришка! Давай к нам! – приоткрыв дверь тёмного Фольксвагена, улыбалась Катька, – иди скорей, не тормози! Лёша подвезёт нас.

Грета подчинилась, хотя сразу пожалела об этом. Сидя на заднем сидении и слушая трескотню подруги, она грызла себя: «Зачем я только согласилась? Мало унижений?» То, что Катька на второй день работы оказалась в автомобиле начальника, было за гранью понимания.

Ничего не могла поделать с собой, не отводила взгляда от профиля Алексея. На Катьку Лёша как будто не обращал внимания, но и на Грету в зеркало не смотрел. Не реагируя на болтовню пассажирки, слегка поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, отслеживал пути других автомобилей и особенно безрассудных пешеходов, забывших вдруг все правила и ныряющих под колёса в самых неожиданных местах.

– Супер, Лёша! Ты просто молодец, что нас с Гришкой подбросишь! Мы ж девушки, должны нафуфыриться, а времени так мало! – тронула Катька локоть водителя и тут же повернулась назад, – Ты новое платье купила? Моё увидите, обзавидуетесь! Вырез во! Честное слово! Я в нём – звезда, хоть сейчас на красную дорожку!

У Греты в голове вертелась шутка про красные фонари. Смолчала, подавляя растущее раздражение.

– Остановите здесь! – громко сказала она, – мне за ребёнком в садик.

– Что?! – Катька вытаращила глаза. – У тебя ребёнок?

Грета не ответила. Дождалась, когда Лёша затормозит, и вышла, буркнув:

– С Новым годом вас.

Побежала, не оглядываясь. Ей казалось, что Фольксваген стоит, а Катя и Лёша смотрят вслед, мусоля странную новость. Хотя, зачем им стоять? Времени не так много. Подруга спешит, ей надо в порядок себя привести, и Алексею, наверное, не терпится надеть новый костюм и яркий галстук, чтобы соответствовать.

Потянулись праздничные дни. Спали до полудня, смотрели телевизор, гуляли. Игрушек в доме не было, свои девочка не захватила. Грета хотела купить что-то, но Мила не соглашалась. Она вела себя не так, как, по представлениям Греты, должен бы вести себя четырёхлетний ребёнок. Печальные льдинки большущих глаз наводили на мысль, что как раз из таких белокожих малюток вырастают снежные королевы. «А я так и останусь навеки Гердой, потерявшей своего Кая».

Играли в шашки, Мила оказалась докой. Нашли ещё нарды. Пришлось скачать правила из интернета и освоить эту игру. Здесь силы были равны.

Третьего опять позвонили из больницы. Можно прийти, навестить пациентку, она волнуется о дочери, а волноваться ей нельзя. Мила, услышав радостную новость, собралась

мгновенно. Грета возилась, ей поручили принести кое-что, ведь женщину перевели в обычную палату, хотела ещё взять гостинцев – сок, мандарины, яблоки, печенье, кефир ... Что обычно носят больным?

Девочка терпеливо ждала в прихожей, обняв альбом, где нарисовала для мамы великое множество ёлочек, снеговиков и солнышек. Грета заказала такси, видела, как не терпится Милочке поскорее увидеть маму.

Встретила их медицинская сестричка:

– Родственница? – уточнила у Греты.

– Нет. Я с девочкой, – ответила та, протягивая пакет с вещами и гостинцами.

– Так значит, не будете проходить?

Грета пожала плечами. Волновать незнакомую женщину не хотелось, вот она удивится, увидев, с кем её дочь проводит время. Медсестра взяла Милу за руку.

– Провожу её к маме, а вы загляните к доктору, он хотел побеседовать.

Грета прошла в указанную дверь. Из-за стопок карт на столе выглянул немолодой полноватый мужчина с нахмуренными седыми бровями. Он, не предлагая сесть, сам поднялся и стал прохаживаться по кабинету.

– Вы родственница Звонарёвой?

– Нет. Я просто знакомая.

– Кто-нибудь из родных может подойти?

– Все разъехались на праздники.

– Так. – Доктор остановился и взгляделся в глаза Греты. – Прошу вас передать им следующее: мы сделали, что могли, но это всего лишь поддерживающая терапия. Нужна операция.

– Операция?

– Пациентка отказывается наотрез, не с кем ей ребёнка оставить, видите ли. Как не поймёт! Лучше на месяц поручить девочку родне, чем вообще сиротой сделать.

– Я скажу, обязательно. Милочка просто ангел, да я сама с ней могу месяц сидеть!

– Вот и уговаривайте.

– Хорошо. Уговорю. Не сомневайтесь.

Доктор вдруг расплылся в улыбке, вертикальная складка между бровями разгладилась, а лицо стало необыкновенно приветливым.

– Ну, идите-идите. Долго им не дадут разговаривать.

Действительно, Милочку скоро привели. Она была без альбома и невесёлая.

– Не хотела с мамой прощаться? – спросила её Грета.

Мила кивнула.

– Мы ещё придём.

Опять кивок.

Возвращались пешком. Молчали. Почти в каждом дворе Грета предлагала девочке прокатиться с горки, где веселились ребяташки. Мила послушно шла, скатывалась разок и возвращалась. Видно было, что ей ничего не нужно, лишь

бы опять побыть с мамой. Хотя за минувшие дни малышка привыкла к незнакомой тётке и, казалось, рада с ней общаться, всё-таки мамочку родную никто не заменит.

Поначалу Грета ждала возвращения квартирной хозяйки, надеясь всё-таки навестить родителей, но вот уже Рождество наступает, а Дины Петровны всё нет. Как ни странно, отдохнула девушка за эти дни куда лучше обычного. На душе было спокойно. Никто не расспрашивал, не укорял, не давал советов. Частенько Грета любовалась спящей девочкой или наблюдала, как та играет щенком, которого сделали из одинокого носка и старой перчатки, набив поролоном. В такие минуты она горько вздыхала: «Будет ли у меня когда-нибудь дочка?»

Вечером шестого января Мила задала неожиданный вопрос:

– Грета, мы с тобой пойдём завтра в храм? – В её глазках светилась не то тревога, не то упрёк.

– Ты хочешь?

– Мы с мамой всегда ходим на праздник.

– Хорошо. Пойдём.

В здешнем храме Грета ещё не бывала. Обычно на длинные выходные уезжала в родной посёлок и там шла в церковь с матерью и сестрой. Девочка оказалась опытной прихожанкой. Её многие знали. Здоровались, сочувственно улыбались, дарили конфеты и мандарины.

Когда служба закончилась, Грета услышала за спиной зна-

КОМЫЙ ГОЛОС:

– Милочка! С кем ты здесь?

Оглянулась, увидела Алексея, присевшего на корточки перед девочкой. Та указала на оторопевшую спутницу.

– Ты? С праздником! – Лёша встал, приблизил лицо и вдруг расцеловал в щёки. В одну, в другую и снова в первую.

Грета так растерялась, что не догадалась чмокнуть в ответ его колючки.

– Пойдёмте? Милёныш, там ёлка во дворе, – сказал Алексей как ни в чём ни бывало.

– Я видела, – радостно откликнулась девочка и побежала к выходу.

– Кем ты ей приходишься? – спросил Лёша, когда они спускались по ступенькам крыльца.

– Никем. Моя квартирная хозяйка ей какая-то родственница. А ты?

– Соседи по площадке. Бедный ребёнок! Три года назад отец погиб, теперь мать в больницу попала.

– Что произошло, не знаешь?

– Говорят, она на работе почувствовала себя неважно, отпросилась, поехала домой, в дороге случился приступ. Хорошо успела затормозить и вывернуть на обочину.

– В аварию попала?

– Мачту освещения задела. Несильно. Прохожие вызвали полицию и скорую. – Лёша, наблюдая за копошившимися в сугробе малышами, сменил тему, – я думал, ты своих наве-

щаешь.

– Не захотела ребёнка по автобусам таскать, простудится ещё, – Грете стало неловко от сказанной полуправды, и она заговорила о другом, – как повеселились?

– В смысле?

– Вечеринка удалась?

– А-а... – Лёша помахал рукой Милочке, которая пыталась организовать хоровод вокруг ёлочки, но все почему-то падали и кувыркались в снегу, не желая идти чинно. – Я не был. Спевки каждый вечер, мы к празднику готовились, так что не до гулянок.

Грета даже дышать перестала на мгновение.

– Вот как? Я тоже не попала, мы все эти дни с Милой дома сидели, – сказала, справившись с эмоциями.

– Да, конечно. Чем занимались?

– Так. Ничем.

– Слушай! Грета! – воскликнул он, радуясь внезапной идее, – пойдёмте к нам! У меня мама невообразимый стол организовала!

– Не совсем удобно, – возразила девушка, хотя ей страшно хотелось пойти с этим человеком куда угодно, хоть за тридцать земель.

– Совершенно удобно! Будут только родители и брат с семейством. Дети знакомы с Милой, они прекрасно поиграют. Он обернулся к куче под ёлочкой и позвал:

– Милёныш! Вылезай! Пойдём к нам в гости. Света с

Юрой будут.

Девочка с восторженными криками подбежала к ним.

– Ну, ты и снеговик, – Грета, наклоняясь, чтобы отряхнуть снег с шубки.

Лёша тоже наклонился. Засмеялись все втроем.

Потом шли по присыпанной песком дорожке. Мила разбегалась, подпрыгивала, и они несли её за руки короткими перебежками. Девочка запрокидывала голову и смеялась. В этот день она смеялась впервые после того, как Грета с ней познакомилась.

Похожая на учительницу женщина, идя на встречу, весело сказала:

– Родители, руки ребёнку не оторвите!

– Крепко пришиты! – также весело откликнулся Алексей.

Грете стало хорошо-хорошо, как будто что-то тонкое и крепкое связало их, шутка ли, общий секрет, или ещё что-то, пока не осознанное.

Свернув на оживлённую улицу, пошли спокойно. Мила попросила:

– Дядя Лёша, давай споём тропарь, – и тут же затянула тоненько, – Рождество Твоё, Христе Боже наш...

– Воссия миру свет разума, – подхватил Алексей неожиданно красивым ласковым баритоном.

Грета узнала этот голос. Она, стоя в храме, невольно выделила его из хора на клиросе и подумала тогда: «Человек, который так поёт, не может быть плохим».

– В нем бо звездам служащий звездою учахуся. Тебе кланяться Солнцу правды и Тебе ведети с высоты Востока, – пели Лёша и Милочка.

Грета, не зная тропаря, легонько мычала, угадывая окончания слов. Она была совершенно счастлива.

– Господи, слава Тебе, – звучало в морозном воздухе.

– Колядуют! Видите? – переговаривались прохожие, – праздник!

Елена Зикевская, «Иван да Марья»

С самого детства она жила в маленьком закрытом военном городке. Родители дали ей редкое имя Марья, но в школе прозвали Снежной королевой за непонятные другим гордую отстранённость и холодный недетский взгляд.

Это ли отпугивало сверстников, или просто сложилось само собой – но когда весна впервые начала дёргать девочек за косички, а мальчишкам подсовывать записки округлым детским почерком, Марья оставалась одна.

К девятому классу она всё так же просиживала перемены за книжками. Место рядом с ней пустовало.

Но однажды декабрьским утром всё изменилось.

Денис Иванов, Дэн, сероглазый блондин с обаятельнейшей улыбкой. Сильный, умный и весёлый, мечта девчонок, зависть парней, гордость учителей и родителей. Его отца перевели в гарнизон перед новым годом, и лучшего подарка просто не могло быть.

Когда он впервые появился в классе, зимнее утро заиграло разноцветными красками. А Дэн, под говор улыбающейся учительницы, обвёл взглядом класс, подошёл к её парте и улыбнулся:

– Свободно?

Снежная королева опустила ресницы и поняла, что такое

весна.

По нему сохли едва ли не все девчонки гарнизона, а он провожал её после школы и встречал утром возле подъезда, носил ей портфель и ждал с музыкальных занятий. Когда насмешники пришли в школу с синяками, Дэн молча выслушал выговоры директора и родителей, но больше никто не шептал за спинами влюблённых.

Дэн сумел понравиться её родителям, а своих просто поставил перед фактом.

В начале марта он принёс ей лиловый барвинок, непонятно где достав его посреди метели. И тогда она спросила у него: – Почему я?

– Ты моя царевна, а я твой суженый. – Он впервые её обнял.

– А может, Снежная королева и Кай? – Она опустила взгляд, скрывая навернувшуюся слезу.

– Кай любил Королеву, а она не могла жить без Кая. Герда их разлучила. Я так не хочу. – Он обнял её крепче и с улыбкой повторил школьную дразнилку, за которую побил насмешников: – Мы с тобой Иван-да-Марья. Как цветок. Мы всегда будем вместе.

В ответ она робко поцеловала его в губы.

Они гуляли, иногда молча, понимая друг друга без слов, а иногда болтая обо всём на свете, и Марья верила, что так будет всегда.

Беда пришла неожиданно.

– Отца срочно переводят. Я пришёл попрощаться, – он хмуро смотрел в землю. Вокруг царил май, но для Марьи мир разом стал серым и безжизненным. А Дэн, не стесняясь, крепко её обнял и коснулся губами мокрой от слёз щеки.

– Ты моя царица, а я твой суженый, – он горячо зашептал ей в ухо. – Я люблю тебя, слышишь? И найду тебя, обещаю. Верь мне.

– Денис! – окликнули из подъехавшего грузовика. – Нам пора!

Последний взгляд, последнее касание рук. Он подбежал к грузовику, легко забрался в кузов.

Мир Снежной королевы одевался прочным ледяным панцирем, чтобы никто не видел кровоточащую рану от отрезанной половинки души.

Жестокая Герда растоптала цветок, похитила Кая и увезла в свой мир.

– Марья Александровна, годовые отчёты готовы, – Светлана, главный менеджер, заглянула в её кабинет, процокала каблучками, положила пухлую папку на стол. – С наступающим вас.

Привычным жестом потянуться за папкой, подписать. Удачная карьера, машина, квартира в столице, муж – программист, ледяной панцирь на душе. Единственная радость

в жизни – Алёнка.

Пятнадцать лет Марьи не было без Ивана. Но Королева смогла выжить без Кая.

Устало собраться, выключить всё, закрыть кабинет, спуститься вниз, сдать охране ключи, выслушать очередное "с наступающим", ответить скупой улыбкой, сесть в машину и только теперь вспомнить, что про подарок дочке.

Огромный и давно знакомый торговый центр сверкал праздничными огнями, пугал людскими круговоротами, и не обещал ничего, кроме головной боли.

В суете нашла обещанную куклу, выстояла очередь, заторопилась выбраться из толпы – и не устояла перед чашечкой ароматно пахнувшего шоколада.

Она сидела за угловым столиком, поставив покупки на свободный стул, прикрыв глаза и наслаждаясь кратким мгновением тепла, когда услышала уверенные шаги.

– Здравствуй, Марьюшка, – бархатный баритон и розовый барвинок, такой неуместный посреди зимы. – Прости, что так долго тебя искал.

Сердце замерло и забыло, как надо стучать. Дрогнула рука. И ледяной панцирь разлетелся сверкающими осколками счастливых слёз, кусками дешёвого фарфора и каплями шоколада.

Анелия Чадова, "Двадцать лет спустя, или второй шанс на чудо"

Тихо-тихо, еле слышно приближается Новый год. Когда-то – любимый и долгожданный праздник, сейчас же – очередное напоминание о собственной несостоятельности. Как больно и в тоже время приятно вспоминать события двадцатилетней давности...

Он – молодой сорвиголова с взрывным характером и грандиозными планами на будущее – приезжает домой из длительной командировки, а дома – она. Его Светлана. Его личный лучик света, его персональное солнышко, его любимая жена. Маленькая, хрупкая, с копной белокурых волос и лучезарной, умопомрачительной улыбкой. Её улыбка всегда была предназначена только ему одному. Он всегда знал, что его маленький ангел не предаст и не изменит. Как сейчас он помнил их первую встречу. Её, такую маленькую и нежную, со скромной улыбкой и огоньками счастья в глазах. Именно в тот поздний зимний вечер он четко осознал: она будет его. Через три месяца – долгожданная свадьба и целых шесть лет счастливого и безупречного брака.

Настенька, их маленькая капризулька, появилась на свет только через три года брака. Он не мог насмотреться на кроху. И прилагал еще больше усилий, чтобы обеспечить своих любимых девочек всем самым лучшим и необходимым.

Еще через два года жена подарила второе чудо – Алёнку. Маленькая копия его матери. Казалось, счастью не было предела. Его жизнь наградила самым лучшим подарком на свете – любимой семьёй.

Он сам все испортил. Сам все разрушил. Сам погубил. Как? Как он мог предать своего ангела и маленьких дочек? Чего ему не хватало? Какой бес вселился в него? Он – тот, кто всю жизнь презирал своего отца за вечные измены и слезы матери, поступил точно так же. Изменил, предал. А она, его маленький белокурый ангел, не простила – ушла. И целый мир для него перестал существовать. Если бы не дурной характер и глупая гордость, он бы обязательно приполз к ней на коленях и вымолил прощение. Вместо этого он сам, добровольцем, ушел призывником в Афганистан.

Он так и не узнал, что Светлана ждала. Долго и горько плача по ночам. Глядя на своих малюток, так похожих на отца, любовалась ими и тихо страдала. Глупая, неопытная и гордая. Можно было поговорить, постараться ради девочек простить и начать все сначала. Она же ушла, а он не последовал за нею. Значит, не любил. Вот и конец сказки.

Он все же послал свою пресловутую гордость куда подаль-

ше и, остановившись, оглянувшись, понял: нужно найти своего ангела и вернуть. Во чтобы то ни стало вернуть. И он искал, действительно искал. Вот только, видно, поздно очнулся: пять лет прошло. Пять долгих лет. Судьба отвернулась от него. Распад Союза, внезапная смерть матери и ее предсмертные слова: «Света уехала в другую страну. Не дождалась тебя, дурака. Там, в столе, несколько последних фотографий девочек».

Фотографии он нашел. Его малышки так подросли и похорошели. Такие прекрасные ангелочки. И Светлана, его персональный ангел. Она так же прекрасна, хотя, нет, еще краше, еще притягательней.

Мать не оставила адреса. И, сколько бы он не искал, все оказалось тщетно.

Потом жизнь, такая, какая была. Можно сказать, бессмысленная. Он смог отстраниться от своей боли. Встретил хорошую женщину. Не любовь, но взаимоуважение, к тому же, сына ее он просто обожал. Всю свою любовь и внимание посвятил чужому ребенку, лишь бы боль в душе была не такой обжигающей и мучительной. Вера была хорошей женой и матерью. Доброй, отзывчивой женщиной, но его тоже не любила. Просто уважение и просто понимание, что после её смерти сын должен остаться в надежных руках. Страшный диагноз не испугал гражданского мужа: он пообещал никогда не бросать маленького Витю и исполнил свое обещание.

Они успели расписаться, успели оформить усыновление ребенка. А потом...

И вспоминать не хочется – больно. Вот только сын вырос, возмужал и уже сам планировал создать семью. Он жил отдельно от отца, а после и вообще переехал в столицу. Да, приезжал часто, но с каждым годом тоска, такая сильная, что и дышать порой было невыносимо больно, съедала душу.

И вот вновь Новый год. Квартира украшена, осталась привычка с той, счастливой жизни. Мандарины и хурма – в каждой комнате. А в холодильнике – бутылка шампанского. Почему-то в этот Новый год хотелось повторить позабытые уже праздники. Сын с невесткой обещали приехать. Будет маленький семейный праздник. Почти как раньше. Стареет, что ли: уже на сантименты потянуло?..

Витька вбежал в квартиру с шальными глазами и, сходу крикнув: «я нашел!», бросился к компьютерному столу. Пять минут непонятных действий – и вот профиль в одноклассниках. С фото на него смотрит прекрасная принцесса. Почему-то, даже не прочитав имя и фамилию королевской особы, он точно уверен, что это его Настенька. Его маленькая принцесса. Какая же красавица! И с годами больше стала походить на свою маму. Профиль закрыт. Жаль, только одна доступная фотография. Да и фамилия не та, но кто сказал, что его маленькая принцесса не могла уже быть замужней леди?!

Предложение Вити сразу же написать заставило занервни-

чать и растеряться. Давно с ним такого не было. После недолгих споров и рассуждений написали всего пару строк:

«Привет, Настя! У тебя есть младшая сестренка Алена? Если да, то я твой сводный брат».

Ответ сразу не пришел, хотя значок и показывал, что девушка находится онлайн. Но душа, что так радостно запела, готова была ждать, сколько понадобится. Что эти считанные минуты или часы в сравнении с его годами поисков и ожиданий? Главное, чтобы она ответила. А с остальным будет разбираться по ходу дела.

Время длилось катастрофически медленно. Но Сергей смог отрешиться от своих мыслей и действительно насладиться праздником. Они даже втроем сходили на площадь: погуляли, купили маленьких сувениров, поболтали со встреченными знакомыми. А в одиннадцатом часу засобирались домой, благо, пройтись недалеко.

Сергей шел следом за детьми и, глядя в звездное небо, улыбался: глупо, радостно и с толикой грусти. Какой он теперь – его персональный белокурый ангел? Счастливыми ли были для нее эти двадцать лет? Надо надеяться, что счастливыми. Такая прекрасная женщина заслуживает самого лучшего.

– Па, сообщение пришло! – выдернул его из раздумий радостный голос сына.

Сергей перевел взгляд на Виктора. Все-таки нужно сказать судьбе спасибо за то, что подарила ему такого замечательного сына. Без него он давно бы уже сдался.

Хоть ответ и был предсказуем, но подарил такую радость и эйфорию, что он чуть не побежал домой. Каких-то пять минут, скинутые в прихожей пуховики, и они все втроем оказались перед компьютером.

Настенька добавила его сына в друзья.

Доступ к фотографиям был открыт.

Он сидел, перелистывал фотки и грустно улыбался.

Как же много в жизни он пропустил.

Как же прекрасны его дочери!

Как же прекрасна его Светлана! На ее фотографии он завис. Сидел и просто любовался. Долго.

И будто не было двадцати лет расставаний. Она все так же прекрасна, нежна и изящна. Только стрижку изменила, а так – все та же его любимая и светлая девочка. Как же хочется увидеть ее в реальности, обнять и попросить прощения. За всё!

Дочка писала, что для них Новых год – тоже семейный праздник. Что мама и сестренка – рядом. Что он, оказывается, уже дедушка: старшая дочь подарила внука. И что все эти годы девочки тоже искали его.

Такого сказочного и волшебного Нового года у него не было уже давно. А вечером первого января ему позвонила старшая дочь, и он услышал такое долгожданное и неуверенное: «Здравствуй, папа!»

С эти телефонным звонком начался новый этап его жизни.

Он поверил в чудо.

Он поверил в себя.

Осталось только приложить все силы, чтобы он, этот этап, был счастливым и безошибочным.

Был самым лучшим.

Анастасия Енодина, "Рисунок"

– Нет-нет-нет, я на такое не подписывался! – молодой парень протестующе поднял руки. – Ты совсем уже из ума выжил, как тебя Маринка бросила.

– Ты мне племянник или кто? – хмуро поглядев на него, задал риторический вопрос мужчина, на вид молодой и красивый, только довольно угрюмый. Он, этот мужчина, прятал руки в карманы зимнего чёрного короткого пальто, поскольку так торопился на встречу с племянником, что позабыл их дома, и теперь мороз немилосердно щипал их.

Парень надулся и буркнул:

– Придумай другой план, менее муторный!

– Послушай, Евгений, это самый не муторный из всех подходящих планов, ясно? – настаивал дядя Миша.

Парень вздохнул. Обижать дядю не хотелось, но вписываться в сомнительное мероприятие тоже. Женя не понимал обходных путей и всегда ходил к своим целям напролом, так что ему было совершенно неясно, почему нельзя просто взять и прийти к своей бывшей супруге и своей дочери, если этого так вдруг захотелось.

– Что ты там на Новый год просил у моей сестры? – хитро прищурился Михаил, поняв, что на одних родственных чувствах сыграть не получится. – Приставку игровую? Гироску-

тер? Что там модно такого бесполезного и дорогого у вашего поколения?

Женя замялся. Гироскутер хотелось, но не хотелось, чтобы выглядело, будто без него он бы родному дяде не помог.

– Не надо мне ничего, – буркнул он. – Ладно, давай ещё раз, что там надо сделать?

Одноклассница Михаила Юлька работала в доме творчества учителем музыки и звалась Юлия Васильевна. Миша бы и не вспомнил про неё, если б однажды случайно не узнал, что его дочь Дашенька обучается пению как раз у Юльки. Ну, то есть, у Юлии Васильевны.

Так что гениальный план по выяснению, ждут ли его в доме, из которого он по глупости однажды ушёл, был завязан на ней. Ровно через полчаса начнутся занятия, и Юлька попросит детей на следующее занятие принести письмо Деду Морозу. Следующее занятие состоится через два дня, и Дашенька письмо обязательно напишет и понесёт в своём рюкзаке.

Путь к дому творчества лежит через парк, и, пока светло, Дашеньку никто провожать не станет, и она обязательно скатится раз десять с заснеженной накатанной горки, отложив заветный рюкзачок в сторону.

Здесь и предлагалось вступить Жене, который письмо аккуратно достанет, сфотографирует и даст посмотреть дяде Мише.

Дурацкий план. Именно это и пытался сказать своему дяде Евгений своим красноречивым взглядом. Но тот его не понял, так что пришлось озвучить самый главный вопрос:

– С чего ты взял, что в письме будет про тебя?

– Ну... – мужчина неопределённо пожал плечами. – Это я не взял, это я и хочу узнать...

Женя закатил глаза и покачал головой, показывая, что он думает обо всё этом.

– Ну тебе сложно, что ли? – не понял дядя.

– Хорошенькое дело – в Дашкином рюкзаке рыться! А если заметит?

– Да не заметит! – отмахнулся Миша. – Она ж на пение идёт, там в рюкзаке кроме этого письма, может, ничего и не будет.

– Да как же, – буркнул парень, зябко переминаясь с ноги на ногу.

Он не любил, когда от него что-то зависело. А сейчас получалось, что он должен найти что-то в рюкзаке девчонки, которая может, и не станет останавливаться кататься с гор. А, если станет, может, не снимет рюкзак. Или снимет, но возьмёт в руки и поедет с ним. Или, может, вообще забудет написать это письмо, а он будет, как дурак, его выискивать!

– Не дрейфь! – дядя достал руку из кармана пальто и по-

хлопал парня по плечу. – Ты ж знаешь, я в долгу не останусь! – Михаил всё пытался подкупить парня, но тот не соби-рался рассчитывать на подарки за ещё не выполненную ра-боту.

И вообще: хорош дядя. Просто так, значит, он гироскутер подарить жмётся, а за помощь в воссоединении его семьи, им же и разрушенной, так пожалуйста! Женя глянул на него презрительно, но ответил:

– Я попробую.

Женя стоял и смотрел, как детвора веселится, скатываясь с горы на замёрзший пруд, напоминающий по форме кита. Странно, он раньше не замечал, что этот пруд действительно выполнен в форме кита. Впрочем, раньше он тоже катался с этих гор, а не стоял в ожидании Дашки. Было холодно. Евгений стоял, опираясь на доску для сноуборда и гадая, успеет ли он пару раз скататься, пока Дашка не пришла. Может, она вообще не придёт. Может, заболела. Он и сам уже приболел, насморк и горло болело с утра. Он вытер перчаткой нос, положил доску и встал на неё. Собрался было съехать, как заметил Дашку. Она шла, весело подпрыгивая, видать, настроение у неё было хорошее. Пока он смотрел на неё, доска двинулась с места по укатанному ватрушками и санками снегу. Парень равновесие удержал, но покатился вниз, не очень при

этом расстроившись: так даже лучше, пусть Дашка пока свой рюкзак где-нибудь оставит.

Поднимаясь вверх, он был едва не сбит несущейся на санках девчушкой, которая своим визгом обратила на них внимание всех катающихся поблизости. Вообще, было шумно. Малышня звонко смеялась, кто-то кому-то кричал, особо впечатлительные визжали, подпрыгивая на трамплинах. Женя плёлся наверх, наблюдая за Дашкой. Та пока была при рюкзаке и деловито выискивала среди валяющихся тут и там обломков ледянок подходящий ей кусок. Она совсем мелкая, так что для неё выбор был большой. Хорошо ещё, что время поджимало, а то бы она ещё полдня выискивала.

Итак, наконец, она сняла рюкзак и положила его под одиноко растущее дерево. Это было хорошо, с одной стороны. Но с другой, около этого дерева её розово-фиолетовый рюкзачок был не один, а копаться в её вещах и ловить на себе взгляды хозяев близ лежащих вещей не хотелось. Женя напомнил себе, что всё это во имя добра и нехотя пошёл к дереву.

Дашка уселась на красный неправильной формы пластмассовый лист и принялась смешно перебирать ногами, приближаясь к началу горы.

– Подтолкнуть? – любезно предложил парень.

Девчонка посмотрела на него своими большими голубыми весёлыми глазами и кивнула. Он улыбнулся и отложил

доску. Подтолкнул со всей силы, отчего подобие ледянок понесло Дашку вниз. Благо, горка большая, время было, и парень метнулся к дереву. Поставил доску, облокотив о ствол, рассовал по карманам перчатки и полез в рюкзак.

Дядя Миша наивен донельзя, раз полагал, что кроме письма, в рюкзаке ничего не будет. Там обнаружился и пенал, и тетрадь, и какая-то книжица, типа песенника. В общем, парень переплевался, пока судорожно искал письмо. Нашёл, наконец, облегчённо вздохнул, увидев, что оно не запечатано.

Достал смартфон, раскрыл письмо, сфотографировал для верности три раза, проверил, что Дашка ещё далеко внизу, и убрал всё на место. Воровато огляделся, но никто на него не смотрел. Кроме мужика, стоящего поодаль, но в нём Женя сразу узнал дядю Мишу.

Подхватил доску и пошёл к нему.

– И что, сам-то не мог этого сделать? – спросил парень недовольно, протягивая свой смартфон дяде.

– Меня она бы узнала, а тебя – нет, – ответил дядя Миша, но Женя нашёл аргумент неубедительным.

– Что, не солидно тебе чужие рюкзаки шмонать? – догадался об истинных причинах Женя, и дядя виновато улыбнулся. – Ладно, посмотри, не зря хоть я позорился?

Мужчина не торопился смотреть, опасаясь узнать, что дочь на новый год хочет, вообще-то, двухметрового плюшевого медведя, а не родного папу. Это было бы справедливо,

но ужасно больно.

– Ну давай уже, я продрог торчать здесь! Заболею совсем с тобой! – поторопил недовольный Женя.

Дядя Миша, поджав губы, посмотрел на последнее сделанное фото. Оно изображало картинку, на которой нарисована их семья: мама Лида, папа Миша и дочка Даша. Мужчина облегчённо выдохнул, даже не став читать текст.

Женя тоже поглядел и даже присвистнул от удивления:

– Ничего себе! Ты что, дядь Миш, на прошлый Новый Год у Деда Мороза просил, чтоб Дашка на этот тебя нарисовала?

Мужчина довольно хмыкнул в ответ.

– Я серьёзно, – не отставал поражённый, не верящий до этого в успех, парень. – Так ведь не бывает! Она не может хотеть на Новый Год тебя, это же глупо!

– Почему глупо? – обиделся Михаил. – Я же её отец.

Женя скептически посмотрел на него:

– Не бывает так.

Михаил не ответил. Бывает. Если верить, то всё бывает.

– Привет, Лида, – Юлин голос был бодр и весел. – Слушай, ну всё вроде по плану: Даша рисунок принесла, не знаю, видел он или нет.

– Узнаем скоро, – отозвался мелодичный голос. – Вот и посмотрим, готов он творить чудеса под Новый Год, чтобы

вернуться к нам или нет.

Он был готов их творить. Как раз сидел дома, глядя на пересланную Женей фоторафию его нарисованной семьи, и знал, что обязательно скоро придёт, подарит раскаянье, волшебство, любовь и веру в чудо, в которое его сегодня заставил поверить этот рисунок, на который он так хотел и так боялся надеяться, отправляя Женю искать письмо. А ещё он знал, что где-то сейчас в пути гироскутер, который он заказал ещё три дня назад, до разговора с Женей, специально для него.

Олег Литвин, «Новогодняя вечеринка»

Дела нашей фирмы по организации праздников шли из рук вон плохо. Студенты и актеры местного самодеятельного театра бессовестно сбивали цены и перехватывали клиента еще на подлете. От скуки я убивал время видимостью наведения порядка...

В офис зашла шикарная, длинноногая блондинка и бесцеремонно плюхнулась в мое кресло. Глаза слепил блеск ее бриллиантов, а воздух наполнился запахом дорогих духов и бешеных денег.

– Ну, и?.. – неизвестно у кого и непонятно о чем спросила блондинка.

Я полил аквариум с рыбками из лейки, посыпал герань рыбьим кормом и выпалил заученную речевку: «Вы пришли именно туда! У нас работают только профессионалы! Я гарантирую вам Новогодний праздник высочайшего уровня, с лучшим дедом Морозом!..»

– Ну, не-е-е-т!.. – капризно протянула блондинка. – Дед Мороз теперь не в тренде. Мы с мужем желаем европейскую Новогоднюю вечеринку. Я видела в одном немецком фильме... в общем, там два Санта-Клауса... они мулаты, из одеж-

ды на них только синие колпаки... и к ним значит придут...

– Не нужно подробностей! Я примерно представляю, о чем этот фильм. К сожалению, мы не работаем с рождественскими персонажами... тем более с такими.

– Я, про фильм рассказала только для примера, а на самом деле все будет намного пристойней.

– Не думаю, что мы сможем договориться.

– Даже за столько?

Дамочка что-то чиркнула на листке бумаги и протянула его мне. Я увидел цифру!.. Зажмурился, тряхнул головой – цифра осталась прежней! Она захотела меня купить?! Нет, она меня не купила! Эта взбалмошная, капризная девица одним росчерком пера уничтожила мои принципы и отменила все неписанные правила нашей фирмы.

– А, Санта-Клаус обязательно должен быть мулатом?

– Это проблема?

– Ну что вы! Это для уточнения. Нам нужно пошить костюмы, написать сценарий...

– Сценарий практически готов. Я читала в интернете, что Санта-Клаус летает по небу на волшебных оленях, залетает в дымоходы и дарит подарки. У нас в загородном доме огромный камин...

– Подождите. Даже если найдется мулат подходящей наружности, который согласится ползти через дымоход в ваш камин, то, как мы протащим через дымоход оленей?

– Что за глупости? Санта-Клауса и оленей мы посадим в камин заранее. Это будет как бы сюрприз для меня.

– А с чего вы решили, что олени будут спокойно сидеть в камине?

– У вас совершенно отсутствует креативное воображение! В роли оленей будут молодые люди с такими гламурненькими рожками и в таких сексуальных меховых жилеточках. В двенадцать часов бой курантов, брызги шампанского, ну все такое... И, вдруг из камина выскакивают олени! В санях сидит Санта-Клаус и погоняет их плеточкой. Олени фыркают, бьют копытом, эти необузданные дикие животные окружают меня и начинают страстно...

– Стоп! С оленями все ясно!

– Что? О чем это мы? Ах, да олени... Пока олени танцуют, из саней выходит сам Санта! Его смуглое мускулистое тело переливается в полумраке как драгоценный шелк! Он накидывает мне на плечи норковое манто, подхватывает меня на руки и несет в...

– Успокойтесь, успокойтесь! Скажите лучше, как ваш муж отреагирует на все это... ваши фантазии.

– Муж? Какой муж? Ах, да, мой муж. Ф-у-у-ух! Что-то меня опять понесло! Да, теперь о главном. Без пяти двенадцать в дверь позвонит Снегурочка, и мой муж пойдет открывать...

– Бред какой-то! Причем тут Снегурочка?

– Ну, не Снегурочка, а какая-нибудь Сантаклаусиха или

кто там у них любит с гномами?..

– Белоснежка, что ли?

– Пусть будет Белоснежка! Короче, чем дольше эта Белоснежка будет поздравлять моего мужа с Новым годом, тем выше будут ваши гонорары.

– О-о-о-о! Я уже вижу эту рыжеволосую бестию!

– Никаких бестий! Это должна быть здоровенная бабища, от пятидесяти лет, в меру пьяная и желательно с большой бородавкой на носу. Она должна нагло лезть в дом, что бы поздравить мужа и выпить с ним на брудершафт.

– А, если ее просто вышвырнут?

– Охрана и прислуга будут на выходных, а мой муж интеллигентный человек, к тому же ему восемьдесят шесть лет.

– А если ему станет плохо?

– Я надеялась, что ему станет плохо в первую брачную ночь, потом в медовый месяц, потом в годовщину нашей свадьбы... потом я потеряла надежду. Так вот, если ему поплохеет, если хотя бы подскочит давление... Вы даже не представляете, какой я могу быть благодарной!

– В прошлом году у нас был корпоративчик, и наша уборщица Зоя Семеновна дернула лишку. Она вышибла две стальные двери, сломала охраннику руку, всю ночь искала шефа, под утро нашла его (перепуганного насмерть) под стеллажами в подсобке, и все это для того, что бы поцеловать его в лоб и сказать, какой он замечательный человек и руководитель. Думаю, у нас есть кандидатура на роль Бело-

снежки.

– Ну, что ж работайте. Если праздник пройдет на уровне
– я за ценой не постою!

Ирина Ваганова, «Бабка Ежка»

Наташу пригласили к директору филармонии. Визит к начальству огорчал своей предсказуемостью. Из года в год одно и то же! За месяц до школьных новогодних каникул начиналась постановка спектакля, где Наташа бессменная Снегурочка. Длинные русые волосы, миловидное личико, открытая улыбка, девическая стройность, актёрское образование – чем не сказочная внучка Деда Мороза?

Раньше участие в новогодних спектаклях и утренниках радовало – Ната любила детей, с удовольствием возилась с ними, да и неплохой заработок набегал. Каково же было удивление руководства, когда она наотрез отказалась участвовать! Объяснений не давала. По личным причинам, и всё тут. Не говорить же о перемене взгляда на этот признанный большинством народа праздник?

– Какие такие личные причины? – негодовал директор.

– Уезжаю. Законные выходные, между прочим.

– Не отпущу! Поняла? Некем заменить тебя!

– В оркестре девочки есть, любую позовите, – робко перечешила Наташа.

– Что они, на скрипочке деткам сбцают? Двух слов на сцене не могут связать! А после представления ещё хоровады водить... Ну, что ты упрямишься? Вспомни, как не могли

от тебя детей оторвать? Неужели это не лестно?

Было такое неоднократно. Малыши с восторгом глазели на Снегурочку, каждый норовил подержать её за руку, потереть платье. Одна девочка в прошлом году заявила, что домой не пойдёт, а будет теперь со Снегурочкой в лесу жить. Бедная бабушка чуть не плакала, уговаривая внучку оставить Снегурочку в покое, но тщетно. Так Наташа и ходила с юной поклонницей за руку до самого финала. Когда детишки побежали к волшебному терему, девочка и за подарком не соглашалась уходить. Наташа отвела её, потом помогла одеться, наговорив массу глупостей, пообещала, что на следующий год они обязательно встретятся и всё-таки ускользнула.

– Семён Ильич! Я администратор, участие в спектакле не входит в мои обязанности.

– Вот как ты заговорила? – Директор с прищуром глядел на девушку. – В штатном расписании филармонии актёры не предусмотрены. Даже театрального кружка нет у нас. Что ж теперь, отказываться от утренников? Это как-никак хороший доход.

– Не могу, честное слово! Ну, не Снегурочкой, Бабой Ягой хотя бы...

– А! Всё-таки не уезжаешь? Так бы сразу. Баб-Ёг у нас завались, не мечтай. Вот, бери сценарий и учи слова. Не будешь Снегурочкой – пиши заявление по собственному. Иначе уволю за нарушение трудовой дисциплины.

Наташа вышла из кабинета, едва сдерживая слёзы. Работу терять страшно, да ещё общежитие у неё от городского отдела культуры! После увольнения наверняка попросят комнату освободить.

Девушка брела по нарядным улицам, отводя глаза от ярких витрин, улыбочивых рекламных щитов и торчащих повсюду ёлок. Как останешься добропорядочным православным? Пост, а тут такая свистопляска! Наташа в этом году приняла крещение. Не просто следуя моде, а по зову сердца. Прочла множество книг, в основном подвижников позапрошлого века, и, как водится у неофитов, понимала суть православия лучше любого академика-богослова. Посты соблюдала строго, телевизор не смотрела, новый год встречать не собиралась. Рождество Христово – другое дело. При церкви воскресная школа, там под руководством матушки отца Василия шла подготовка к детскому празднику. Будут и подарки, и колядки, и выставка рисунков. Однако до седьмого января надо каяться и молиться – время радости не наступило.

Дойдя до перекрёстка, Наташа остановилась, притоптывая обувью в модные сапожки ногами. Раздумывала: налево пойдёшь – в супермаркет попадёшь, направо пойдёшь, в общежитие попадёшь, прямо пойдёшь... В конце улицы сверкал освещённый прожекторами купол старинного храма. Девушка уверенно и быстро пошла прямо.

Здесь тихо, уютно, мирно. Светлячками огоньки лампад у икон, свечи созвездиями. Молчаливые прихожане нетороп-

ливо передвигаются, чуть слышно приветствуя друг друга. Время исповеди. К доброму, по признанию местных старушек, отцу Василию огромная очередь – предел забит желающими ябедничать на родных и близких. В другой стороне грозный отец Михаил, к нему три отважных дядечки стоят, пригнув головы. Наташа, борясь со страхами, пошла к строгому батюшке. Внутренне сжималась, представляя, как священник узнает о её заботе, повысит голос, укорит в лицедействе, человекоугодии и ненадеянии на милость Божию. Бывало отец Михаил громыхал обличающим басом так, что в каждом уголке храма сердца грешников трепетали. Начиная подвижница перебирала в мыслях оправдания и тут же отметала их. За работу держишься? А угодна ли она Христу? Жильё опасаясь потерять? Ни один волос не упадёт с головы без воли Господа...

Лысоватый хрупкий человек, пятясь, отошёл от анаоя, уступил место рабе Божией Наталии. Она, потупив взгляд, зашептала – вспомнила своё маловерие, прежнюю безбожную жизнь, выбор актёрской профессии, боязнь объявить окружающим о своём воцерковлении. Отец Михаил смотрел куда-то поверх её головы, молчал. Когда Наташа уже не знала, что ещё сказать, спросил:

– Всё?

– Всё, – потерянно ответила девушка, склонилась под наброшенной на голову епитрахилью, выслушала разрешительную молитву и не удержалась от вопроса: «Что ж мне

делать, батюшка? Не могу я Снегурочкой. Хотя бы отрицательную роль дали, там хоровод не надо будет водить, плясать. Постом-то нехорошо?»

Священник помолчал, разглядывая теребящие платочек пальцы прихожанки, и посоветовал:

– Скоропослушнице молись.

Наташа отошла к иконе. Она была разочарована. Не то что бы ей хотелось услышать громогласный разнос, но молчаливой реакции она никак не ожидала. Молись... О чём? Поклонилась в пояс, пошептала что-то беззвучно, приложила к образу и побрела восвояси.

На улице настоящая новогодняя сказка. Невесомые крупные снежинки танцевали в свете фонаря, захотелось ловить их ртом как в детстве. Месяц яркий, острый – будто из гоголевских сказок не небо вспрыгнул. Девушка подставила варежку «балеринкам» в пушистых пачках.

– Снегурочка! – звонкий детский зов.

Наташа оглянулась, увидела бегущую к ней девочку, слишком крупную для своего голоса. Сейчас сшибёт! Отстраниться не успела. Девчушка обхватила её, и обе упали. Наташа больно ударилась ногой о ступеньку. Ну, вот!

– Простите ради бога! Не успел её удержать! Я помогу вам подняться.

Мужчина поставил на ноги дочь и подал руки Нате.

Подроспела и бабушка, отряхивая с пальто пострадавшей снег, заговорила:

– Вы нас помните? В прошлом году на «Ёлке» в филармонии Кристиночка от вас не отходила!

– Помню, конечно! – Наташа стояла, боясь опереться на ушибленную ногу. – Вот, Кристина, мы с тобой увиделись, как я и обещала.

– Ты теперь не можешь с детьми играть? – Девочка чуть не заплакала, видя, как морщится от боли Снегурочка. Обняла её за талию, прижавшись щекой к пуговице пальто.

– Не волнуйся, у Деда Мороза много внучек, а я в этом году отдохну. – Наташа попробовала сделать шаг, но вскрикнула от резкой боли.

– В больницу надо, – сказал мужчина, подал руку и командовал дочке, – бегом в машину, сейчас завезу вас с бабушкой домой, а Снегурочку в приёмный покой доставлю.

– Не беспокойтесь, я сама.

– Никаких возражений! Рентген надо сделать, мало ли что там.

Когда они добрались до машины, Кристина с бабушкой уже расположились сзади, Наташа села вперёд. В салоне витал мандариновый аромат. Девочка, торопливо рассказывала, какие она выучила стихи к утреннику в детском саду, что ей под ёлочку Дедушка Мороз положит, какие красивые у них гирлянды дома будут к Рождеству, а ещё бабушка пирожков напечёт с повидлом!

Доехали до дома, распрощались. Девочка, прежде чем выйти, привстала, обняла одной рукой Нату и поцеловала её

в щёку. Наташа растерялась от неожиданности, испуганно взглянула на мужчину, как бы он не заругал дочь. Лицо его было напряжено. Глядя вперёд и стиснув зубы, он делал вид, что не заметил. Когда Кристинка захлопнула дверь, тронул машину и сказал:

– Без матери растёт, скучает по женской ласке.

– Как? – изумилась Наташа, – без матери? А что случилось?

– Жена при родах умерла, вот также в Новый год.

– Ужасно!

– Да. Тянем дочку вдвоём с тёщей. Был бы ещё сын, проще – футбол, рыбалка... С девчужкой, всякие там бантики, рюшечки! Ничего в этом не смыслю. А бабушка, сами понимаете, жалеет её, балует.

Молчали до самой больницы. Наташа поглядывала украдкой на профиль мужчины и ловила себя на мысли, что он ей знаком. Наверное, в храме виделись – невольно чувствуешь расположение к людям, которых там встречала.

– Приехали, я помогу вам дойти.

Наташа стала спорить, но выбравшись из машины, поняла, что и шагу не может ступить больной ногой. Мужчина подхватил её на руки и понёс к дверям приёмного покоя.

– Аркадий, – назвалса он, – как-то неловко нести девушку на руках, не зная её имени.

– Наташа.

– Мою жену тоже Наташей... Удивительно.

Ната не знала, что сказать, в голову лезли банальности, но она боялась задеть чувства незнакомого человека и молчала. Он заговорил сам.

– Её смерть меня к вере привела. Если б не церковь, спился бы, или свихнулся.

– А я как-то сама, без горестей и потерь. Сердце привело.

– Душа у вас, видно, чистая. Вот и дети тянутся.

Вовремя подоспевший старичок открыл дверь, Аркадий занёс Наташу в помещение и объявил:

– Снегурочку в сугробе нашёл! Ножка у неё болит, посмотрите?

– У нас этих Снегурок, хоть торгуй! – откликнулась пожилая санитарка, – сади её в каталку, щас травматолог поглядит. Он от нас и не вылезит почти. Как сговорились все в конце года руки-ноги ломать!

Оказавшись в кресле, Наташа сказала:

– Спасибо. Вы идите, Аркадий, дочка ждёт.

– Может быть, привезти что-то надо? Умывальные принадлежности, халат, тапочки...

– Нет-нет, я подружке позвоню, она привезёт. Не беспокойтесь.

Мужчина потоптался в нерешительности, но не сказал ничего, кивнул и вышел за дверь. Санитарка покатила кресло с Наташей, недовольно отчитывая её:

– Зря ты своего отправила, вдруг скажут домой ехать, мест у нас лишних нет.

– На такси доеду. Это посторонний человек, просто помог.

– Посторонний! Нечто я не вижу? У меня, девка, глаз наметанный!

Наташа только улыбнулась в ответ.

Пришлось всё-таки остаться в больнице. Перелома нет – ушиб и трещина. На ногу запретили наступать несколько дней. Ната скучала, глядя в окошко, и размышляла о том, каким странным образом исполнилась её просьба к Скоропослушнице. Вчерашний снегопад прекратился, небо прояснилось, заиндеветшие ветви сверкали миллиардами микроскопических гирлянд.

В палату заглянула медсестра и загадочно спросила:

– Снегурочку ищут. Не тебя, случайно?

В приоткрывшуюся щёлку проникла вчерашняя девочка.

– Это она! Она!

– Тише, Кристиночка! Здесь нельзя шуметь, – торопливо зашла следом её бабушка, – Извините нас, пожалуйста, одолела меня проказница. С утра твердит, пойдём да пойдём к Снегурочке в больницу.

– Что вы! Ничего не надо, – протестовала Ната, увидев, как женщина выкладывает на тумбочку апельсины и пряники.

– Поправляйся, скорее! – сказала девочка восторженно, – праздники на носу.

– Ну-ка покажи, где они? – Ната подвинулась, приглашая девочку сесть рядом с ней, и тронула пальцем её носик, – ничего не вижу.

– Ты что-то хотела, Кристина, – напомнила бабушка.

Девочка пожалала плечами, вздохнула и заученно сказала:

– Прости меня, пожалуйста, за то, что я тебя покалечила.

– Что ты! – погладила её ручку Ната, – я только чуть-чуть ушиблась, не переживай.

– Ну, всё, пойдём, внученька. Снегурочке надо отдыхать.

– Сейчас. – Кристина наклонилась к Наташину уху и прошептала, – ты настоящая, я знаю.

– Как это? – тоже тихо спросила девушка.

– Живая. Снегурочка понарошку. Играешь.

– Ага. А почему шёпотом?

Кристина глазами показала на женщину-соседку и сделала очень таинственное лицо. Теперь у них был общий секрет. Наташа улыбнулась и спросила по-прежнему тихо:

– Не будешь возражать, если я поиграю другую роль? Немножко.

Девочка подняла бровь, покусала губу и сказала:

– Ладно. Только выздоравливай.

Через две недели Ната приехала в филармонию. Больничный закрыли, но девушка ещё прихрамывала и опиралась на трость. У крыльца столкнулась с директором.

– А! Вот она! Самострел, значит совершила!

– Какой самострел, Семён Ильич! Поскользнулась...

– Потеряла сознание, очнулась – гипс, – рассмеялся директор, – лишить бы тебя премии, устроила нам аврал!

– Но ведь обошлось. Ваша дочь, я слышала, Снегурочку репетирует.

– Дочка-то меня выручила, а вот Людмила подвела!

– Что с ней случилось?

– Седьмой месяц у неё, оказывается! Живот, Во! – Директор развёл руками, как это обычно делают рыбаки.

– Так это ж хорошо, – хихикнула Наташа.

– Знаешь ли, беременная Баба-Яга, это уже авангард какой-то! Иди-иди, возьми у секретаря сценарий, чтобы за три дня выучила! Будешь Бабкой-Ёжкой, как мечтала!

– Семён Ильич! Я же, вот! – Она показала трость. – Хромаю.

– Нормально! – крикнул начальник, не оборачиваясь, он спешил к автомобилю, – в пределах образа, костяная нога! Извини, в управление тороплюсь.

Когда Наташа стала подниматься по лестнице, услышала вдогонку:

– Искал тут тебя один, Аркадием назвался. Я сказал, в спектакле будешь участвовать, Он обещал с дочкой прийти!

Хлопнула дверца, машина отъехала. Наташа, счастливо улыбаясь, посмотрела ей вслед.

– Спасибо.

Во время репетиций голова Наты была занята ролью. Решая сверхзадачу похищения праздника у детей, действовала Баба-Яга активно. Дома приходилось зубрить слова. Вспоминала о случайном знакомстве с девочкой Кристиной и её папой только в дороге. Придут на спектакль? Как девчушка воспримет новый образ бывшей Снегурочки? Не хотелось разочаровывать ребёнка. Одна надежда на сложный грим. Правда, однажды он подвёл.

На втором или третьем представлении, разговаривая с лешим, Ната заметила, что рабочие сцены, забыли выставить ступу, на которой предстояло «улетать» сказочному персонажу.

– Куда ступу подевал, негодник? – пытаюсь обойти возникшую заминку, обвинила Баба Яга лешего, при этом неудачно махнула рукой, задела накладной нос, который позорно отвалился.

Леший беззвучно трясся – сцена вышла комичная. Хорошо ему «раскалываться» спиной к зрителям, а Нате какво? Актриса не растерялась и скрипуче продолжила реплику:

– Бедная я несчастная Баба Яга! Без ступы! Без носа! –

оседлала метлу и ускакала на ней за кулисы.

Там, конечно, все, включая провинившихся рабочих, катались от смеха. Придя в себя, Наташа, пока шли другие сцены, вглядывалась в зал сквозь щёлочку – нет ли там Кристины и Аркадия, вдруг они оказались свидетелями её «провала»?

Играть по три спектакля в день непростое дело, роль у Бабки-Ёжки объёмнее, чем у Снегурочки. Ната уставала, мысли о Кристине поутихли. Были они с папой в зале или нет, перестало волновать.

Долгожданный праздник девушка встретила на ночной службе. Кристины и её бабушки не было в храме, наверное, придут днём, Аркадия заметила издали, но не подходила к нему. Народу много, толчея отнимала последние силы, не дождавшись начала литургии, Ната ушла домой. Завтра ей выступать, несмотря на выходной день.

Через два дня, увидев Аркадия в фойе, она удивилась.

– Вы?

Тут же подбежала Кристинка.

– Тебя ждём.

– Так долго? Сказка давно закончилась.

– Мы утром смотрели, – объяснил Аркадий и кивнул в сторону вахтёрши, – нам сказали, когда выходите, вот мы и подъехали.

– Здравствуй, здравствуй, дорогая! – Ната подхватила девочку и закружила её. Та заливисто смеялась.

– Очень хороший спектакль, – сказал Аркадий, когда дочь оказалась рядом с ним, – я, признаться, думал, что вы не участвуете, Снегурочку играла другая актриса. Но Кристинка мне всё объяснила.

– Я тебя сразу по голосу узнала! – заявила девочка, – он всё равно добрый у тебя.

– Да? Никудышная, значит, я актриса, – смеялась Ната.

– Кудышняя! Кудышняя, – уверяла юная поклонница, – мы с папой даже хотели тебе букет подарить, но подумали, что он замёрзнет, лучше в кофейню сходим.

Наташа взглянула на мужчину, он смущённо сказал:

– Не откажитесь?

– В ту, что на площади? Я тоже её люблю.

– Здорово! Снегурочка пойдёт с нами! – Кристинка осталась, – ой, ты же больше не Снегурочка.

– Ната для друзей. Мы ведь друзья? – она вспомнила, что Наташей звали маму девочки, и робко оглянулась на Аркадия, выходящего следом за ними.

Мужчина лучился радостью. Он поддержал новую знакомую под локоток, а Кристинка взяла за руку.

– Ната, ты какие пирожные больше любишь? Эклеры или корзиночки? – щебетала девчушка.

Морозный воздух разрумянил её щёки, выбелил волосы и ресницы, отчего Кристинка и сама стала похожа на Снегурочку. Ната чувствовала необыкновенную нежность к этой девочке, такой искренней и открытой, а ещё она угадывала

интерес к ней самой со стороны её папы. «Что это! – спрашивала она себя где-то в глубине души, – счастье?» Скоро Рождество. А когда, как не в Рождество, должны происходить чудесные встречи?

Валентина Акимова, «Возвращайся»

Это была обыкновенная пятница. Двадцать второе декабря. Мир затаил дыхание в предвкушении новогоднего праздника. Кто-то активно готовился, подводил итоги прошедших месяцев, строил планы на будущее.

Наручные часы пискнули, проводив очередной ушедший час жизни в историю. Я машинально взглянула на циферблат: пять часов. Надо собираться за ребяташками в сад. Анечка, как обычно будет ворчать, что я пришла слишком поздно, а Ванюшка, что забираю его слишком рано и он еще не успел поиграть с ребяташками. Ваню можно понять – подготовительная группа, учебная нагрузка уже почти как в школе, даже домашние задания задают. Они только к вечеру имеют свободные несколько часов поиграть. Да и в большой толпе сильно не разыграться, вот когда многих уже забрали – совсем другое дело. А Анечка с самого рождения была домашняя малышка, она не особо нуждалась в общении, ей интереснее играть всегда одной. Одно время мы даже переживали, а вдруг что-то не так, но психологи и неврологи в голос утверждали, что это особенность ее характера и мы успокоились.

По привычке я мысленно проверила завершенность всех домашних дел, которые с утра запланировала и удовлетворенная результатом начала сборы. За два декрета я научилась справляться с неконтролируемым ворохом игрушек и вещей, а когда Аня пошла в сад в сентябре, довела домашний быт до автоматизма.

В школе и институте меня трудно было удержать на месте, я была участником всех учебных мероприятий и старательно принимала участие в досуге. КВН, волонтерство, губернаторские стройотряды. Собственно там со Славой, будущим мужем и познакомились, но об этом потом расскажу. После рождения детей я полюбила дом и быт. Если меня обеспечить всем необходимым могу неделями, наверное, из дома не выходить. Но ребятишки и забота о доме заставляют.

Взгляд на себя в зеркало: Эх, хороша! Я в тридцать пять выгляжу намного лучше, чем выглядела в двадцать девять. Ирония судьбы, но после того как «авральные» декретные дни закончились и детки пошли в сад, я расцвела.

Гулко хлопнула подъездная дверь. Снова перемерз доводчик. «Надо в ЖЭК» позвонить», – мысленно поставила задачу. Это уже привычка. Приду домой запишу в планинг, обязательно.

Мороз моментально проник под длинный пуховик и пробрал до кожи. Я невольно поежилась, спрятала руки в шерстяные перчатки и приподняла воротник. Какая же на улице красота! Я замедлила шаг, и нарочито долго вдыхала мо-

розный воздух. Сухие колкие снежинки мерно кружились в воздухе. Оранжевые фонари заботливо освещали тротуар. Не смотря на минус тридцать на улице былолюдно. Родители толкали и катили санки с маленькими ребятишками, за-вернутыми в шерстяные одеяла. Дети постарше пытались из сухого снега лепить снежки, но в итоге те рассыпались, едва покинув руку пленителей. Окна, в школе напротив, горели яркими переливающимися огнями. На территории сада мастерски освещенная инсталляция «Мишки на севере» по-прежнему собирала вокруг себя детей, хоть и стояла уже без малого две недели. Массивные айсберги, мощная мама и милый неуклюжий мишка у пушистой елки которая переливается множеством огней.

И такая красота возле каждого сада, школы и возле каждой организации. И никто не тронет, а будет бережно хранить и ухаживать. Все друг друга знают, живут огромными семьями – кланами, профессиональными династиями. Вот за это я уже десять лет обожаю этот городок. Тут все совсем не так как в огромном жестоком Красноярске. Этот уютный маленький городок мы нашли во время медового месяца, когда решили объехать всю Сибирь на машине.

Город наш маленький. Город одного предприятия. Занесло нас сюда случайно – было не по пути, но путеводитель обещал дикое горное озеро в двадцати километрах от города и мы заехали в него пополнить запасы продуктов и воду. И... влюбились. Долго родители не хотели принимать наш выбор,

но Славка нашел вакантную должность инженера на заводе и мы переехали. Смешно сказать, но весь переезд составил три коробки в старом папкином Москвиче. Много ли бывшим студентам надо? А сто двадцать километров не расстояние – на каждые выходные можно в гости ездить, что собственно мы и делали.

В саду тепло, уютно, группы уже украшены к празднику. Роли разучены, репетиции. Дети в ожидании чуда.

– Анечка, за тобой мама пришла, – позвала дочурку Кристина Дмитриевна. – Здравствуйте Марина Александровна. Не забудьте на выходных повторить ваши слова на утренник и в понедельник надо сдать игрушку на городскую елку.

– Мама! Мама! – Анечка крепко прижалась ко мне и глубоко вдохнула запах моих духов. Она всегда так делает, когда соскучится.

– Хорошо, Кристина Дмитриевна, обязательно принесем! – пообещала я, а мысленно пожурила себя, что забыла про эти новогодние украшения. В этом году и так как то всего много. Два костюма, украшения для двух групп, два письма деду морозу, теперь вот две игрушки на городскую елку. – Как дела у тебя сегодня, моя малышка?

– Очень хорошо, мамочка! Мы с Катей помирились. Но я очень устала, с ней очень шумно получается играть.

– Я рада, что вы помирились!

Быстрые сборы, по давно уже отработанной схеме. Вещи на местах, прощаемся с воспитателем и идем забирать Вань-

ку.

– Иван, за тобой мама пришла. – Строгая Тамара Петровна гулким голосом оповестила сына. – Не забудь в понедельник принести игрушку на городскую елку и повторить роль.

Воспитатель нарочито повторяла задание именно Ване. Она считала, что молодые люди в свои шесть лет способны ответственно относиться к домашним заданиям. Но между делом, когда ребяташки не видели, часто заговорщески подмигивала родителям.

– Хорошо, Тамара Павловна, я постараюсь не забыть.

– Уж постарайся. Хороших тебе выходных. И вам всего хорошего Марина Александровна.

Даже я после общения с Ваниной воспитательницей чувствовала себя маленькой девочкой, а дети так вообще благоговейно ее боялись, но вместе с тем безмерно любили. Эталон, образец, пример. «Таких теперь не делают» – смеется каждый раз после общения с ней Славка.

Дети шумным ураганом спустились по лестнице и вывалились на улицу. Какая бы степенная не была Аня, в компании с братом она всегда включалась в обычные детские игры-толчки. Я застегнула пуховик и вышла следом.

– Мама, мама, мы хотим на горку, посмотри какая красота на улице, давай пойдем на горку! – наперебой начали требовать любимое развлечение дети.

– Я папе позвоню, и мы вместе решим этот вопрос, подождите.

Я набрала мужу и через несколько мерных гудков услышала типичный ответ

– Да, Зая.

– Что опять за зверинец? Я человек. – Не успела я сдерживать раздражение. Ну не люблю все эти, зай, киси, муси, пу-си... фу, приторно!

– Слушаю тебя, милая. Так лучше? – исправился он.

– Лучше. Какие планы на выходные?

– Мне отчет надо добить, завтра, скорее всего, выйду после обеда на работу, а у тебя? Есть пожелания?

– Мне за выходные надо закончить костюмы на утренник и сделать две игрушки на городскую елку, еще пришел заказ на статью, срочный, обещали хорошо заплатить.

– Рад за тебя! Смотри, какая насыщенная у тебя жизнь.

– Конечно насыщенная, детей кто развлекать будет?

– Давай я родителям их увезу на выходные? – предложил Слава, чем немало меня порадовал. Я и не подумала о таком варианте. А он, понизив голос, продолжил, – вернусь, и мы пошалим немного!

– Хорошая идея! Это я сейчас про родителей, не обольщайся! Когда ты вернешься, я уже буду спать.

– Эх, вот как всегда, всю романтику покерила, – страдальческим голосом выдал Славка, – сумку малышне собери, я буду через сорок минут.

– Хорошо, только мы на горку собрались.

– Еще лучше, с улицы и заберу. Все, целую, я побежал.

И, как всегда, не дослушав, бросил трубку. Самец, блин...

– Так, малышня, папа сказал, на эти выходные вы едите к бабушке. Сейчас делаем следующее: идем домой, вы меня ждете на улице, я быстро собираю вещи и идем кататься. Договорились?

– Да, мамочка, ты лучшая на свете. – Вот кто их научил быть такими подлизами?

Сменное белье, домашние вещи, сухие варежки и носки, зубные щетки и любимые ночные игрушки. Сбор сумки за семь лет дошел до автоматизма. Пока одевалась, в прихожей взорвалась лампочка. Такого я не видела никогда, чтобы осколки полетели. Включила в зале свет, собрала стекло, написала мужу записку, чтобы вкрутил новую лампочку и поужинал. Звонить не стала, у него планерка, опять ворчать будет, что отвлекаю.

Ребятишки истоптали весь свежий снег на детской площадке гоняясь за соседским бессет хаундом (название правильное проверяла в гугл). Толстый Боб кряхтел, но забористо перебирал ножки уворачиваясь от обильной любви моих детей. Кажется он единственный, кто был недоволен происходящим, но по характеру даже огрызнуться не мог. Хозяин Генка курил у подъезда, хохоча над уловками желающего выжить пса.

Малышня расхватала свои мягкие санки для корки и отправились к большой детской площадке.

– А вы куда это? Пойдемте на соседнюю улицу, там снеж-

ная горка классная, – предложила я иной маршрут, но у них видимо, были свои соображения на это счет.

– Там горка для малышни, пойдем на большую – она крутая! На ней вжуххх... и ветер в лицо! Ну пожалуйста, мамочка, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!

– Не люблю я ту огромную горку, вы же знаете!

– Давай сегодня на нее, а потом сто дней будем ходить туда, куда ты скажешь, – с огромными влажными глазами уставилась на меня Аня. Ну не могу я ей отказать, никак...

– Обещалкины... Ладно, пойдем, только аккуратно там, до первого замечания, поняли!

– Да мамочка, замечаний не будет, честно, честно!

И мои шустики бегом побежали по тротуару к большой детской площадке. Пришлось ускорить шаг и мне.

Ребятни как обычно вечером было много, никто из окрестных домов не мог загнать детей в квартиру без хотя бы пару «прокатов». Тут же началась переключка – знакомые из садика. Мамочки страховали на крутой скользкой металлической лестнице малышкой, те, кто постарше уже требовали самостоятельности. Школьники катались, как водится, на ногах. Тут же возле Вани и Ани образовалась стайка детей, стали кататься «паровозиком». Я провожала их с горки и оставалась ждать, когда они вновь придут на подъем, выкарабкавшись из кучи малы. Другие мамочки встречали их у окончания льда помогая встать и останавливая торопыг, стоящих наверху.

В нагрудном кармане завибрировал телефон – Слава оповестился, что едет домой. Продублировала просьбу вкрутить лампочку и поужинать перед дорогой.

Круговорот детей возле горки прилично утомил. Поймала своих бандитов и предупредила, что скоро приедет папа. Если заранее не поставить в известность, начнется: давай еще разок, да вот сейчас, ну подождите... А так заранее морально уже готовы.

Старшие ребята повздорили наверху горки, их толкотня не сулила ничего хорошего. Слава подъехал к площадке, поиграл, чем отвлек мое внимание. Аня, успевшая заскочить наверх, сорвалась и полетела прямо мне в руки. Слава Богу, я успела ее подхватить, но не удержалась на ногах и упала. Мало того, что со всего маха ударились спиной, так еще и голова попала на камень. В ушах зазвенело, в глазах полетели мотыльки. Хорошо так приложилась!

Тут подскочил Слава, снял с меня тяжеленную Анютку и помог встать на ноги.

– Ты как? Посмотри на меня! Марина, смотри на меня, Марина! – взволнованно кричал он.

– Не дождешься! Ты не забыл: жили они долго и не всегда счастливо, так что не скоро я тебя покину! – Хохотнула, как обычно я, отряхивая пуховик и поправляя волосы, выбившиеся из под шапки.

Муж довез меня до дома. А сам забрал детей и поехал в город. Дорога обещала быть непростой из-за прошедшего

снега, но не впервой, главное перевал проскочить, а там до родительского дома рукой подать.

Как же я замерзла. Только оставшись одна, я поняла насколько окоченели руки и ноги. Люблю я зиму, но в небольших количествах. Отряхнула ноги от снега у подъездной двери. Помня о замерзшем доводчике, придержала ее, еще раз напомнив себе позвонить в ЖЭК.

Дверь в квартиру открываться не хотела, деревянные пальцы с трудом провернули ключ. В коридоре меня осветил неадекватно яркий свет, он бил прямо в глаза, еще сильнее раздражая ломившуюся от боли голову.

«Вот, что он, другую лампочку найти не мог? Интеллигенция, блин, рабочая», – ворчала я, раздеваясь и щуря глаза.

На кухне стояла грязная тарелка из под супа с ложкой и куча крошек на столе. «Как обычно, Маринка уберет, самому не судьба! Я когда-нибудь взорвусь и устрою скандал, видит Бог, сил больше нет прислуживать за всеми в этом доме!»

Я быстро скинула верхнюю одежду в надежде согреться, но не тут-то было. Во всех комнатах были открыты окна на большое проветривание. В квартире стоял такой дубак, что через десять минут у меня даже сидя у батареи, зуб на зуб не попадал.

«Бедные мои цветы! Приедет мерзавец, все выскажу!»

Я налила горячий чай, руки согрелись о кружку. Сполоснула грязную посуду. Самой кушать совсем не хотелось,

неистово болела голова. Прошла по всей квартире, погасила свет. Залезла на диван, укуталась в плед и провалилась в беспокойный сон в ожидании мужа.

«Больничная палата, яркий свет, холодно.

– Доктор, вы можете ей помочь? – со страхом в глазах спрашивал мужчину в белом халате Слава.

«Да милый, пусть он мне таблетку даст, у меня очень болит голова», – прошу я почему-то мужа.

– Пока ничем помочь не могу, не пришли все анализы. Она стабильна, будем наблюдать. Лечение будет непροстым, в вашем положении.

– Что значит в нашем положении? – хором спрашиваем мы с мужем.

– Она беременна, приблизительно десять недель,

– Это не возможно! – снова хором повторяем мы».

Я подскочила на кровати. Это всего лишь сон. Глупый сон!

«У меня все под контролем! Где мой планинг?» – я иду к столу и начинаю судорожно отлистывать недели назад. – «Черт, как же болит голова».

Но и через три недели и через пять я не нахожу пометок о своем цикле. Такого быть не может! Но... в октябре и ноябре у меня было несколько заказов на перевод технической документации с испанского для завода. Я тогда работала по двенадцать часов в день. Неужели я просто забыла отметить прошедший цикл? Или его не было?

Голова болела не меньше, чем вчера. На месте удара была немаленькая гематома.

«А где мой муж?»

Часть 2

Настенные часы показали одиннадцать утра. Неужели он приехал, не стал меня будить и уже ушел на работу? Но я закрыла вчера дверь на внутренний замок, он не мог попасть в квартиру сам.

«Где мой телефон?»

Телефон я нашла на кухне, но он был полностью севшим. Поставила на зарядку, приготовила кофе, открыла шторы и обомлела... На улице лежало полметра снега, не меньше. Машины были завалены по капот. Вот и ответ. Он не вернулся вчера из Красноярска из-за снегопада, а значит и сегодня его ждать бессмысленно, раньше вечера трассу расчистить не успеют.

Я проспала невиданное для меня количество часов. С восьми вечера до одиннадцати утра, это без малого пятнадцать часов. Еще и от этого могла болеть голова, для меня такое не свойственно.

Есть не хотелось по-прежнему, но невообразимо хотелось пить. стакан воды, еще один, еще. Казалось, этой жажде не будет конца, но после выпитого стало чуть легче, и головная боль притупилась.

«Что у нас на день? Доделать костюмы, смастерить елоч-

ные игрушки, начать переводить статью. Сделать тест на беременность».

Но теста не оказалось дома. Придется к вечеру выбирать-ся в аптеку.

Попытка вскипятить чайник оказалась неудачной – свет отключили. Значит и телефон не успел зарядиться.

«Это самое паршивое утро, которое со мной когда-либо случилось».

Счастье великое у нас комбинированная плита, а это значит, что я голодной не останусь. Но тугой комок тошноты, подкатившийся к горлу, дал понять, что еда сегодня не будет радовать. У меня все признаки сотрясения, очень сильного.

«Итак, что имеем в сухом остатке? Света нет, а значит нет компьютера, интернета, горячего клея, и следовательно из всего объема работы на сегодня мне остались только детские костюмы. Вот и отлично! Ими и займусь».

Ванечка у меня совершенно не вредный мальчишка и его костюм Мушкетера, не смотря на всю сложность, сложился очень легко. Мне оставалось оторочить шляпу мишурой и снять все «живые» ниточки с ткани. Самая кропотливая и нудная работа, но сделать ее нужно.

Вообще в моей жизни с самого детства было всего одно испытание. Это невозможность довести все до конца. Немыслимое количество проектов было провалено из-за этого, количество двоек и троек просто зашкаливало, только лишь из-за того, что работа не была переписана на чистовик.

Я всегда пеняла на придирчивых учителей, на стечение обстоятельств, на «влиятельных родителей» обошедших меня детей, но мне и в голову не могло прийти, что я сама виновата во всем.

В институте подруга однажды высказалась по поводу моей «незавершенности» и обещала меня называть «Недоделкой» если я не научусь заканчивать начатое. Это было титанически трудно. Но со временем у меня стало получаться. Завершил же процесс моего воспитания именно Ваня – после его рождения мои незавершенные дела грозили накрыть меня однажды неконтролируемой лавиной. Тогда я окончательно приняла для себя решение заканчивать начатое, во что бы то ни стало. И жить стало намного проще.

Мелкая работа вызвала новый приступ боли. Я проверила аптечку, но кроме Но-Шпа в ней ничего не обнаружилось. Жаль, придется терпеть до вечера. К трем часам меня сморил сон.

Проснулась я от жуткого холода. Батареи центрального отопления остыли. Значит все намного хуже, чем казалось. Солнце уже село. В комнате было сумрачно. Головная боль значительно стихла. Живот дал знать о сильном чувстве голода. Ну, вот, будет повод согреть кухню газовой конфоркой.

Кран с горячей водой пыхнул, плюхнул остатки воды в раковину и зашипел. Этого и следовало ожидать – нет отопления, горячей воды... Кран с холодной водой тоже был пуст.

«Придется просить у тебя прощения, муж мой любимый,

когда встретимся. Вот и пригодились твои заначки».

Пять лет назад Слава прошел обучение на курсах ГОиЧС, по возвращению домой он привез противогазы, восемь суточных армейских пайков, и шесть десятилитровых емкости под питьевую воду, которые раз в месяц обновлял. При покупке новой плиты он настаивал на газовой, но мне привычнее было готовить на электрической и мы сошлись на плите комбинированной в которой били и то, и другое. Все эти годы я частенько подшучивала над ним. А вот теперь видимо придется просить прощение.

Запасы воды были распределены между ванной, туалетом и кухней, на несколько дней запасов хватит. Я в очередной раз успокоила себя, мыслю о том, что дети у бабушки. Иногда на поверхность сознания выходило волнение, но его я быстро подавляла.

Кухню, довольно прилично освещала керосиновая лампа. Вода закипела быстро, суп из картофеля, мелких макарон и тушенки из сух-пайка будет сейчас как нельзя к стати. Я сидела за кухонным столом в вязаной кофте, шерстяных носках, перчаток для полного счастья не хватает. Спустя час я перестала дрожать всем телом и начала согреваться.

Мысли скакали от ситуации в городе, к беспокойству о муже и детях и вновь возвращались к возможной беременности. Мы планировали третьего малыша, но не сейчас. Я только восстановилась после беременности Анечкой, мы мечтали объехать летом Европу дикарями, показать деткам какой

огромный и интересный этот мир, а теперь придется снова все отложить на три года. Мне становилось печально от таких мыслей, мы так давно мечтали о таком путешествии и планировали с января начать разработку маршрута и подготовку документов на себя и детей. Но я решила не печалиться заранее, как будет все точно известно, там и решим. А пока горячий травяной чай, сытный суп и любимая книга.

Дороги в городе чистила тяжелая техника на протяжении всего дня, к вечеру их посыпали песочно-гравийной смесью. В районе девяти вечера дали свет. В этот момент я была в прихожей. Яркий свет лампы сильно ударил по глазам, заставив моментально зажмуриться.

«Зачем он ее сюда вкрутил?»

Я не на шутку снова разозлилась. Вдох, выдох. Это мелочи, которые не стоят таких эмоций. Завтра просто поменяем лампочку на более подходящую, да и все.

Телефон зарядился настолько, что его получилось включить. Но, ситуация не сильно изменилась: связи не было.

В спальне я поставила масляный радиатор, закрыла двери и настроилась еще немного почитать, но очень быстро провалилась в сон. Это был очень странный вечер на границе волнения и спокойствия.

«Свежий морозный воздух щекотал легкие, щипал щеки, просачивался под пуховик. Пушистые снежинки неторопливо сыпались на землю, нежно касались щек и таяли от дыхания.»

– *Мамочка, смотри какая красота вокруг!* – *Анюта стояла с широко распахнутыми глазами и наблюдала за переливами огромной новогодней елки на центральной площади города.*

– *Мам, а в этом году Дед Мороз снова придет к нам с подарками?* – *в миллионный раз спросил Ванечка.*

– *Вы же хорошо вели себя, конечно, придет!* – *в очередной раз успокоила я сына.*

– *Ура! Мамочка, а пойдём кататься в ледяную чашу. Ну, пожалуйста, пожалуйста!* – *дети не сговариваясь, потянули меня за обе руки к ледяному аттракциону.*

– *Пойдемте!*

На аттракционе было много ребятишек и по руководству рассудительных пап всю ватагу разделили на старших и младших. Одни катались, другие ждали, потом менялись. Так было безопаснее для совсем маленьких. Вокруг чаши бегал мальчишка одетый в какой-то космический костюм и расправив руки-крылья озвучивал свое движение мерными пип-пип-пип-пип-пип-пип. Звук был ровным, ритмичным и невообразимо надоедливым. Хотелось его поймать и отобрать его пикалку, но сделав несколько кругов, он умчался по направлению к горкам и его пицание перестало зудеть в голове.

В этот раз малышня удивительно быстро устали и потянули меня домой.

– *Мамочка, а давай ты будешь печь нам печенье, как*

летом, вкусное и рассыпчатое.

– Да, а мы будем тебе помогать – поддержала Анечка брата.

– Давайте! Значит, нам надо в магазин зайти и купить все необходимые продукты.

– Мама, а мы тебе песенку споем, хочешь?

– Прямо тут? Давайте!

Дети переглянулись. Ванечка предложил «песенку Мамонтенка» и мои шалопаи в голос запели:

– По синему морю, к зеленой земле!

Я шла и улыбалась, так люблю, когда они хором пытаются петь. Совершенно невпопад, но так здорово и душевно...

– Пусть мама услышит, пусть мама придет,

– Пусть мама меня непременно найдет,

– Ведь так не бывает на свете,

– Чтоб были потеряны дети!

– Мамочка, мы тебя так любим! Возвращайся! – малышня обняла мне крепко-крепко, а на глазах у меня выступили слезы умиления».

Я проснулась среди ночи от собственных всхлипываний. Горькие слезы текли по щекам. Так горько я не плакала с момента похорон папы. Мне было тринадцать. Это была производственная травма, его не успели довести до больницы и он скончался от потери крови в карете скорой помощи. Мама была на удивление спокойна. Она отвела похороны, взя-

ла подработку и никогда больше о нем не говорила. А мне так нужно было об этом говорить. Я перебирала его вещи по вечерам и плакала. Вдыхала его запах. Несколько месяцев я надевала вместо своей домашней одежды – его рубашки и мне казалось, что он рядом. Мама каждый раз ругалась и однажды я просто не нашла в доме ни одной папиной вещи. Даже фотографий не осталось. Как же я была зла на мать. Я ненавидела ее и открыто говорила ей об этом. А она молчала и дальше жила своей обычной жизнью.

Сейчас сидя в темной комнате, я внезапно осознала, насколько тяжело тогда было маме. Мало потерять любимого и любящего мужа, так еще и одной поднимать неконтролируемого подростка. Она работала по восемнадцать часов в сутки и приходя домой находила неприбранный дом и кидаящую претензии и обиды дочь. Мне нестерпимо захотелось позвонить ей прямо сейчас, сказать как мне стыдно за свое поведение тогда, за свои слова, поступки. За эти крики: «Лучше бы ты умерла», «Я его люблю больше»... А! Господи, прости меня, я не ведала, что творила!

Обжигающие слезы катились по щекам. Я подумала, как чувствовал себя умирающий в сознании папа. О чем он думал последние минуты жизни, понимал ли что покидает нас и никогда больше не увидит? Мне нестерпимо страшно стало от разлуки со своими детьми. Где они сейчас? Кто с ними рядом? Даже позвонить нет возможности. В эту минуту меня захлестнула злость на погоду, обстоятельства и на мужа,

который так легко согласился их увезти к бабушке.

Наручные часы поприветствовали новый час. Шесть. Через час можно идти на автовокзал. Не хочу я больше сидеть, сложа руки. Я хочу к детям и мужу.

Отопления по-прежнему не было. В остальных комнатах температура упала ниже десяти градусов. Холодная вода появилась в кране, и это вселяло надежду на скорейшее возвращение тепла в квартиру. Я собрала все комнатные цветы с подоконников, расставила их под большой лампой на рабочем столе в спальне и закрыла дверь. Масленный радиатор поможет им пережить отсутствие отопления.

Горячий чай снял ночную разбитость. Овсяная каша на сухом молоке дала силы для предстоящего дня. Я осознала, насколько прошедшие сутки выбили меня из привычного ритма жизни.

Десяти литров кипяченной на газу воды хватило помыться. Сделала я это очень быстро, в ледяной ванне особенно не расплескаешься...

Фен, укладка, немного косметики. Одежда теплее, чем обычно. Мало ли что меня ждет в пути. Небольшая дорожная сумка, самые необходимые личные вещи. Сердце стучало в диком ритме, мешая дышать. Откуда страх?

Но, как говорится, хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах.

Автовокзал был пуст. Привычного количества автобусов не было, не было людской толкотни. Работало справочное

окошко, возле которого немногочисленные посетители обсуждали сложившуюся ситуацию.

Ночью на перевале выпала новая порция снега, полностью заблокировав движение по единственной трассе соединяющей город с «большой землей». По распоряжению комитета ГОиЧС, движение по трассе было остановлено. На выезде из города стояли патрули ДПС, которые не выпускали лихих водителей на трассу, а тех, кто дерзил, предупреждали, что спасать и откапывать их никто не поедет. Элементарно не было связи и свободной техники. Вышки сотовых сетей были частично обесточены после массового обрыва проводов. А дополнительные силы службы ремонта не могли попасть в город по трассе. Круг замкнулся.

Я вернулась домой. Искать попутчиков до Красноярска на свой страх и риск я не стала. За годы прожитые здесь в памяти накопилось множество ситуаций, когда вот так же перекрывали движение на сутки или даже двое, а потом находили замерзших людей, самоуверенно отправившихся «пробивать» трассу. Тайга таких вещей не прощает.

Тоска по мужу и деткам разъедала нервную систему, но другого выбора у меня нет, придется ждать до завтра. Дома занятий было хоть отбавляй, так, что с пользой проведу этот день. Костюм для сына был готов, нужно было дошить платье для Анютки и сделать две игрушки на новогоднюю елку. А еще, хотя бы частично выполнить заказ на перевод. В квартире становилось все холоднее, поднявшийся ветер вы-

дувал остатки тепла. После восьми вечера «ожили» батареи. Я снова начала сильно мерзнуть. Не мудрено.

Ночь прошла без снов. Принесла с собой новый приступ головной боли. На стадии быстрого сна звук выхватил нудное пиканье чьей-то сигнализации. Затем пришло оповещение на телефон. Подниматься не стала, решила посмотреть утром, а то потом не усну, и снова провалилась в сон.

Утром на телефоне я обнаружила сообщение от мужа: **«Мы тебя ждем, мы тебя любим»**. Странный текст. Это я их жду.

Вторая смс оповещала о пополнении счета на сумму шестьдесят тысяч рублей с банковской карты мужа. Я несказанно удивилась и сумме пришедшей, и самому факту перевода. Деньгами у нас всегда заведовал он, я лишь обозначала необходимые суммы на дом, детей, продукты. И не просила у него денег, мне они в таком количестве сейчас без надобности. Для себя деньги я зарабатывала всегда сама и считала это правильным. За осенний заказ я получила больше, чем учитель иностранного языка в школе с высшей категорией за год. Я несказанно этим гордилась. Деньги тратить не стала, а перевела их на накопительный счет с капитализацией процентов. Люблю я такую форму накопления. Однажды отправив сумму туда, ты не сможешь деньги снять досрочно. Это как то дисциплинировало и позволяло накопить нужную сумму под конкретную задачу. Мы с мужем два года уже копили на летний отдых.

Мобильник показал полную антенну связи – значит ночью дали не только тепло, но и отремонтировали энергоснабжение сотовых вышек.

Восемь утра, я не откладывая ни на секунду набрала номер мужа, но в ответ получила лишь сухое: «Абонент вне зоны действия сети».

«Зачем он выключил телефон? Неужели не понимает, как я волнуюсь?»

Быстрый завтрак, сборы и на выход.

Зашла в сад, отдала игрушки на елку, предупредила, что немного прогуляем.

На автовокзале невероятно людно, но автобусов нет. Трассу открыли только двадцать минут назад. Из Красноярска первые маршрутки придут не раньше чем через два часа. Не хочу столько ждать. «Крикуны – бамбилы» созывают народ. Многие их опасаются. Нахожу в толпе того с которым езжу постоянно. Он разводит руками, его очередь наполнять машину еще не пришла. Плачу за все посадочные места в машине и мы отправляемся. Ждать полдня не намерена, внутри и так уже все переворачивается от накатывающего ужаса. Хочу скорее обнять и расцеловать детей и поругаться с мужем за выключенный телефон, а потом и его обнять. И нужно, наконец, сделать тест, снять этот вопрос с повестки дня.

Водитель бодро рассказывает все новости прошедших выходных. Ему хочется поговорить, а я не могу переключиться с переживания на нить разговора.

Оказалось, в Красноярске даже снега не было. Город чистый, прибранный, наряженный к празднику. Хоть и не по пути, но бомбила довез меня до нужного района и даже высадил возле подъезда, вот, что значит всегда пользоваться услугами одного и того же человека.

Я на крыльях бежала к подъездной двери. Она открылась прямо мне на встречу – сосед с верхнего этажа пошел выгуливать свою мелкую собачонку. В тот момент я любила весь мир. Скоро я зацелую своих малышей.

Двери открыла Алла Сергеевна.

– Мариночка, ты что здесь делаешь? Почему одна? Проходи скорее, замерзла, поди?

Свекровь торопливо закрыла за мной двери и вопросительно уставилась

– Я за детьми приехала.

– Подожди, что значит за детьми, их тут нет. Что происходит?

Алла Сергеевна всплеснула руками и начала стекать по стене на мягкий пуфик в углу. Мое сердце остановилось, пропустило несколько ударов и потом неистово понеслось вскачь, перекрывая дыхание.

– Как нет? Они еще в пятницу со Славой уехали к вам.

– Как в пятницу? А где же они! Не стой у порога, проходи скорее!

Свекровь запричитала, схватилась за сердце и побежала на кухню за каплями. В голове помутилось, я прислонилась

к стене и тихонько сползла на дорожку.

– Димочка, горе-то какое! Славочка с детьми пропал, – донесли с кухни слова Аллы Сергеевны вперемежку со всхлипываниями. Скорее приезжай. Что нам делать?

За пару секунд она озвучила все самые страшные мысли в моей голове.

«Пропали... как это могло случиться? Что теперь делать? Господи, что же это такое!? Где они, что с ними произошло? Почему мое материнское сердце молчало?»

Я закрыла глаза, крепко при-крепко зажмурилась в надежде, что вот сейчас я их открою и все изменится: из спальни прибегут дети и обнимет меня, а свекровь скажет, что меня разыграла.

– Алло, мили..., ой, полиция? У меня сын пропал с внуками, сегодня, нет, в пятницу пропал. Они поехали к нам в гости и не приехали. Нет их там, точно нет, я уверена. – Она продиктовала все данные Славы и детей, затем какое-то время помолчала, выслушивая ответ, с той стороны и закончила разговор. – Да, мы сейчас приедем.

Алла Сергеевна зашумела посудой на кухне и вынесла мне стакан с водой и рюмку с каплями.

– Не раздевайся, мы немедленно едем в участок, надо заявление написать.

Она вызвала такси, быстро переоделась и вытолкала меня из квартиры.

Отделение МВД, заявление, фотографии с телефона, опи-

сание детей, мужа, всей ситуации. Все это я помню смутно. Я до конца дней буду благодарна свекрови за ее помощь и поддержку. Я подписала какую-то невероятную кипу бумаг. Меня как молнией ударили слова дежурного следователя:

– Вы, Алла Сергеевна, оставайтесь дома, а вам Марина Александровна, лучше вернуться к себе в квартиру, вдруг они появятся. Будьте на связи, если вспомните какие-то еще мелочи, немедленно звоните.

– Это, что значит, оставаться дома? – перешла на неестественно высокие ноты Алла Сергеевна. – Мой мальчик, где то сейчас нуждается в помощи, а я должна сидеть дома? Нет, я буду с вами, здесь, пока вы его не найдете.

– Успокойтесь, гражданочка, мы незамедлительно начнем розыскные мероприятия, передадим все ориентировки в дорожную полицию, обзвоним все полагающиеся учреждения. Нам нужна ваша помощь дома. А вдруг они приедут к вам, так вы тут же нам и сообщите, правда?

– Пойдемте Алла Сергеевна, они профессионалы и наверняка уже много кого находили. Мы сейчас дома успокоимся и придумаем, что делать дальше.

– Да, пойдем, милая. – Поддержал меня Дмитрий Павлович – свекор, приехал в отделение, когда мы уже писали заявление. Он выглядел взволнованным, но бодрился изо всех сил.

По дороге домой в машине стояла гробовая тишина. Дома мне устроили допрос с пристрастием. Почему я не позвонила

раньше. А правда, почему? Зачем он в ночь поехал с детьми и прочее, прочее.

Чувство вины захлестнуло меня на втором круге однотипных вопросов. Сидеть и ждать у моря погоды я не собиралась. Взяла телефонную книгу, мобильник и демонстративно ушла в зал обзванивать морги. Благо их в городе всего десять. Через два часа с до-одурения усилившейся головной болью я встала с дивана. Их нет в моргах, а это значит, что они живы. Их нужно только найти.

Я взяла сумку и пошла на улицу. Нужно купить этот дурацкий тест и, хотя бы в одном вопросе поставить точку.

Мороз выгнал из тела нелепую неопишемую ватность, которая вселилась в меня сразу после осознания исчезновения мужа и детей. Постепенно во мне просыпался борец, готовый крушить все на своем пути, жрать землю, грызть глотки, но найти свою семью.

С тестом я вернулась на квартиру, но сделать его не рискнула. Новая информация мне пока не нужна, радость в неведении. Я убрала его подальше в сумку и попрощавшись со свекрами отправилась объезжать стационары и приемные покои городских и республиканских поликлиник. Сидеть и ждать я не буду.

Таксист, явно обрадованный почасовым заказом с последующим межгородом, узнав причину заказа, явно поник. Он не трепался по пустякам, выстраивал грамотно маршрут, и старался меня поддержать. Это немного облегчило ситуа-

цию.

Спустя три часа, я ощутила дикую усталость во всем теле. На сегодня решила оставить поиски и вернуться домой. День и так получился слишком длинным. А вдруг и правда произошло чудо, и мы разминулись на дороге, сидит мой муженек в квартире, пьет горячий чай. А телефон он тупо потерял.

Я взяла телефон водителя, мне очень понравился его стиль общения и работы. Договорилась на завтра продолжить поиски.

Я очень долго стояла у входной двери, прислушивалась к звукам за ней. Надеюсь распознать привычный детский гомон, ворчание мужа, шум воды в ванной или еще, что-то похожее на признаки жизни. Но, увы, за дверью царила, гробовая тишина.

Поворот ключа, пустая, холодная квартира, одиночество, неистовый страх.

Что теперь делать? А ничего. Ждать, молиться, и снова ждать.

Я разогрела суп, заставила себя съесть хотя бы немного, понимая, что силы будут нужны, что эта ситуация не рассосется сама собой и какое-то время нужно будет бороться и искать.

Хоть бы одна зацепка. Где они? Что с ними?

Я набралась смелости и сделала тест на беременность. И он оказался положительным.

Что это? Насмешка судьбы? Еще двое суток назад я проснулась с явным раздражением от мысли о новой беременности. Этот ребенок был для меня лишним, он ломал мне планы. А теперь? А теперь он, возможно единственное существо на планете, ради которого у меня будет смысл жить.

«Господи, прости, за такие мысли. А если их уже нет в живых? Нет моего Славика – серьезного, строгого, заботливого и совершенно неласкового, нет моих милых и обожаемых детей? Вот и все твои надежды, мечты и планы Марина!»

Я погладила с нахлынувшей нежностью живот. Не вовремя? Все вовремя, в жизни все бывает только вовремя. Другое дело как мы встречаем эти новости, как к ним относимся.

«Ну, здравствуй, новая жизнь! Кто ты? Каким ты будешь? Я уверена, что ты сын – подмога и опора. Ты уже подмога и опора. Слава, милый, возвращайся скорее, мы тебя очень ждем!»

Часть 3.

Ночь была без снов.

Спать долго я не смогла. Первый рейс автобуса в семь часов, на нем я ехала в полной боевой готовности найти сегодня свою семью. По крайней мере, я себя так настроила.

Такси меня встретило у автовокзала в центре города, примерно в этой точке мы вчера завершили свой объезд больниц.

До обеда удалось посетить только три больницы. В первом приемном покое я наткнулась на ледяную стену непонимания. Дежурный врач отказался разговаривать со мной, сославшись на то, что он сегодня уже имел беседу со следователем и не намерен передо мной отчитываться. По крайней мере, теперь видно, что идет работа. Но останавливаться я не буду, сидеть на месте нет сил, лучше так – в движении. В двух других меня приняли радушно. Внимательно посмотрели журналы и успокоили, что к ним никто подобный не поступал.

Обедали мы в студенческой столовой, у водителя там работает жена и он ручался, что готовят они отменно. Суп и пюре с гуляшом, и правда оказались очень вкусными. В столовой я повторно обзвонила все морги. Везде ответ отрицательный. Это успокаивало. Никогда я еще так не радовалась отказам.

После обеда решили посетить еще один стационар и два травмпункта. В стационаре я долго сидела в очереди. По приемному покою бегали врачи, лязгали металлическими колесами каталки по кафельному полу, таскали туда-сюда из кабинетов аппарат УЗИ. Из разговора я поняла, что привезли участников какого-то тяжелого ДТП и со мной сейчас разговаривать никто не станет. Я покорно ждала. Больничный запах въедался в мысли, раздражал рецепторы. Меня мутило и по-прежнему, сильно болела голова, но теперь я понимала, что одно с другим не связано.

В коридоре навязчиво моргала лампа дневного света, очень шумно включаясь и выключаясь. Я постаралась отстраниться от всего происходящего, откинулась на металлическую спинку лавочки и закрыла глаза. В коридоре несколько поутихли человеческие метания. Кричащую от боли женщину увезли куда-то на каталке, в смотровом кабинете за закрытыми дверями тихо разговаривали мужчины.

«– Доктор, скажите, какие у нее шансы? – Красивый мужской баритон был наполнен волнением. – Не жалейте меня, я же вижу, что все плохо.»

– Я врач, а не Господь Бог. На моей практике случилось не мало чудес. Она борется, это видно. Помогайте ей. Она все слышит. Зовите ее, говорите о любви. Слышите? Ее сердце работает ровно и ритмично, ее глаза реагируют на свет, она иногда шевелит пальцами рук и ног. Мозг работает. Она найдет выход, она наверняка его ищет.»

«Не сильно профессиональный подход, – подумала я. – Что же с этой бедняжкой случилось?»»

– Я понял вас доктор. Я не дам ей уйти. – Тихий мужской голос растворился в звоне лязгающего металла.»

Я вздрогнула. Санитарка, опустившись на колени, собирала с кафельного пола инструмент. Из смотрового кабинета вышел мужчина. Он когда-то был статным и сильным, но переживаемое им горе заставило его ссутулиться и сжаться в нервный комок. Он как пружина был на взводе, но не знал

в каком направлении снять напряжение. Страх, ответственность, неизвестность. Мне стало стыдно, что я оказалась свидетельницей их разговора.

Оказалось, что в ожидании я зря потеряла больше часа времени. Их здесь нет. Чувства были смешанными. Напряжение нарастало, хотелось уже скорее определенности. Но, я не была готова остановиться и просто ждать, а тем более принять возможность самого печального исхода, а значит, поиски нужно продолжать.

На обратном пути водитель рассказал притчу об истинной вере. Когда вся деревня решила собраться на молебен, обратиться к Богу с просьбой о дожде. Назначили день и час. Вся деревня собралась. Но лишь один мальчик пришел с зонтом. Водитель сказал, что во мне живет именно такая вера и, что я непременно найду свою семью, главное не сдаваться.

Я была благодарна ему. Веры во мне оставалось все меньше с каждым днем. Но пока есть больница, в двери которой я не постучала – есть надежда, и я буду стучать в закрытые двери.

В сон я провалилась, только коснувшись головой подушки.

«– Дорогая, а ты помнишь, как мы ездили в первое наше лето на дикое озеро отдыхать? – голос Славы ласкал мой слух. Я так соскучилась по его хриплым ногам и мягкому длинному Л.»

«Конечно, помню, я буду помнить это всю свою»

жизнь»

– Ты помнишь, как мы ловили рыбу, как купались под луной, как гуляли, ели малину и жимолость. Она была невообразимо горькая, но раскрывалась бархатным полслевкусием, и мы не могли отойти от куста, пока его не обобрали целиком.

От его слов во мне всплыли вкусовые ощущения, я услышала аромат таежной подложки, мха, ягод, озерной свежести.

– Ты помнишь, я там признался тебе в любви?

«Конечно, помню. Это был единственный раз. Потом ты всегда говорил, что ничего не изменилось, если изменится, ты меня оповестишь. А зачем ты сейчас об этом? Что-то изменилось?»

– Я хочу тебе снова сказать, что люблю тебя. Что все изменилось, что я теперь буду каждый день тебе говорить об этом. И детям нашим тоже. Я готов об этом кричать каждую минуту, лишь бы наверстать упущенные моменты твоего счастья. Прости меня.

Я не нашлась, что ему ответить, мне хотелось слушать это без остановки. Он взял мою руку в свои ладони, нежно и вместе с тем крепко сжал ее. Он целовал каждый пальчик, пульсирующую венку на запястье, каждый сустав. А мне хотелось продлить эти мгновения в вечность.

– Я люблю тебя, милая. Я знаю, что ты меня слы-

ишишь, я буду тебе говорить об этом всегда».

Я не хотела, чтобы этот сон заканчивался. Я всеми фибрами души пыталась вернуться в него. Я не желала открывать глаза новому дню, в котором кроме страха, тоски по мужу и детям, одиночества и разочарования меня ничего не ждет. Но утро беспощадно, будильник беспощаден.

Я поднялась с кровати, утащила свое тело в ванну. В квартире было, спустя столько дней холода, непривычно тепло. Я легла в теплую ванну. Хотелось горячее, но мне теперь нельзя. Я пыталась вернуться в сон, туда, где муж, будущее, счастье и любовь. Но реальность жестока.

Позвонила Анна Сергеевна, уточнила, нет ли новостей. Она реально думает, что будь у меня хоть какие-то новости, я бы об этом умолчала? Следователь на звонок ответил сухо: ищем. Для него это всего лишь дело, а для нас всех судьба, будущее, или уже горькое прошлое. Но о плохом не хочется.

День прошел в том же ритме. Больницы, разговоры, отказы. Одно лишь отличие от предыдущего дня – я набралась смелости и позвонила в сад. Я впервые сказала вслух, что мои дети пропали, что идут поиски, чтобы они нас не ждали. Вернее, ждали, но... В общем, странные формулировки, очень странные.

Я отзвонилась заказчику, предупредила, что возможно статью сдам с задержкой, по семейным обстоятельствам. Мне пошли навстречу. Надеюсь, очень скоро я найду своих любимых детей и мужа, и сяду, наконец, за любимую работу.

Пустая квартира, как прибежище мятежной души. В этот вечер она обрела новый смысл. Место, где я могу поплакать вдоволь, поговорить со своим малышом, побыть просто слабой женщиной. Я никогда не стремилась к силе, я никогда не боролась за первенство в семье, но за детей я буду бороться до конца. Я сидела в детской комнате, передирала игрушки, раскладывала по местам их вещи. Думала, что возможно накопленные деньги на поездку мы потратим на покупку четырехкомнатной квартиры. Нам явно в нашей малогабаритной трешке будет скоро тесно. Я нагло мечтала, как мы назовем нашего малыша. Слезы, обжигающие лицо, постепенно высохли, я как будто обрела силы для дальнейшей борьбы.

С надеждой на сладкий сон я приняла душ, надела теплые носки и забралась под мужнино одеяло. Оно пахло Славкой, а мне так хотелось его присутствия рядом.

«Я сижу на белой кровати. Кровать стоит в большой светлой комнате. Я красивая. По плечам струятся черные волосы. Я люблю свои волосы с самого детства, это наследство отца. У окна в кресле сидит Славка. Он спит, откинувшись на спинку. На кровати сидит Анечка и Ванюшка. Перед ними маленькие столики, они рисуют яркие картинки. Доченька рисует радугу и пони. Сынок старательно закрашивает кирпичи на высокой башне.

– Мамочка, смотри, я для тебя радугу нарисовала. Она покажет тебе дорогу, и ты найдешь нас. Ты ведь

найдешь нас?

– Ну, что ты пристала к маме, конечно найдет. Она смотри, какая у нас красивая. Я нарисовал ей замок. Она в нем принцесса, а наш папа принц. Он прискакал на белом коне. Он спасет всех от злого дракона. И мы будем жить все вместе в этом прекрасном замке, с нашим маленьким братиком или сестренкой.

– Спорим, я буду любить нашего малыша больше, – сморщив малюсенький нос-пуговку пытается спровоцировать брата Аня.

– Больше чем мама, его любить не сможет никто, ну разве, что папа. Пап, скажи ты ей?!

– Не буди папочку, пусть он отдохнет. Мамочка, я люблю тебя!

– И я тебя, тоже, люблю, мамуля.

Детки прижимаются ко мне. Жар их тел, аромат их волос, звук их дыхания. Музыка для материнского сердца. Все в этой жизни не стоит ничего – только это важно. Я обнимаю их сильно, крепко, но они почему-то встают и уходят. И Слава, молча, уходит. А я остаюсь одна. В пустой, белой палате. Почему я в палате? Где эта палата и куда они уходят? Я пытаюсь кричать, но в горле что-то мешается, и я не могу произнести ни звука».

Я просыпаюсь в холодном поту. Не таких эмоций я ждала от этой ночи. Хотя... чего ждать, когда весь твой день был

наполнен страхами и тоской?

Утром я открыла планинг. Двадцать восьмое декабря. Шесть дней я не открывала планинг, шесть дней длится этот кошмар. Шесть дней я в одиночестве. Шесть дней я не видела мужа и детей. Шесть неопишимо долгих дней – как другая жизнь, в которой я потеряла все и рискую все это не найти.

Ну, что ж. Быстрые сборы. Автовокзал, полтора часа в маршрутке, встреча с таксистом и продолжение поиска. Я вас найду, любимые мои, непременно найду.

Больницы на левом берегу Енисея мы проверили все, большую часть на правом берегу тоже, осталось два таравм-пункта и два стационара. Я и думать не хочу о том, где буду их искать, если и сегодня поиски не увенчаются успехом.

Обзвон моргов – как ежедневный страшный ритуал. Но и сегодня отрицательный ответ. Это хорошо. Хоть и гласит статистка, что 85% потеряшек находятся в первые трое суток, а потом шансы их найти становятся слишком малы.

В последний стационар, стоящий на самом берегу реки мы приехали к четырем часам дня. Я вымотана. В приемном покое было непривычно тихо. За эту неделю я осознала насколько тяжелая работа у врачей. Везде, где мы были, я встречала очень много людей нуждающихся в помощи.

Может время так угадали, но тут с самого порога все было иначе. На встречу не вышел младший медицинский персонал. В смотровом кабинете было тихо. Коридор пуст.

Я прошла вдоль первого этажа и никого не встретила. Се-

ла на лавочку и решила подождать. Но и через десять минут ничего не изменилось.

На втором этаже присутствие людей было очевидно, в палатах лежали больные, сестры занимались уборкой. Все как обычно. Я спросила постовую сестру, где я могу найти дежурного врача. Меня отправили на третий этаж в нейрохирургическое отделение. Там постовая сестра предложила подождать в палате, она отправит ко мне доктора, он с минуты на минуту должен был выйти с операции.

Все это было совсем не так, как все эти дни, но я прошла в указанную палату и решила дожидаться врача. Палата была маленькая, светлая и теплая. Я присела на матрас, и набрала номер свекрови. Та не отвечала.

Все эти дни меня смаривал послеобеденный сон, но чаще всего он угадывал на обратную дорогу домой, а сегодня мы задержались. Я положила подушку к стене и облокотилась на нее. Так я просидела минут десять, не больше и провалилась в сон.

В палату вошел Слава. Он шагал тихо, но уверенно, как будто знает это место очень хорошо. Сел рядом со мной, взял за руку и немного помолчав начал говорить. Говорил он сам с собой, но обращался явно ко мне.

– Милая, просыпайся. Ты уже хорошо отдохнула. Мы с ребяташками по тебе соскучились. Они каждый день ждут,

что ты сможешь их обнять, и огорчаются, когда я прихожу без хороших новостей. Ты знаешь, я подумал, что нам есть, за что бороться у нас отличная семья. Я никогда не забуду, как в день нашего знакомства мы очень сильно повздорили, но вот из-за чего, я теперь уже и не помню. Теперь это выглядит глупо и смешно, но тогда я на полном серьезе пытался тебя переубедить в чем-то.

Он некоторое время молчал, а потом вдруг вспомнил нашу свадьбу. Он рассказывал о поздравлениях от родственников, о сценках и конкурсах, которые они разыгрывали для нас. О том, как мы не могли выпроводить засидевшихся гостей, чтобы, наконец, остаться наедине, теперь уже мужем и женой. Затем он вспоминал наш медовый месяц, как мы нашли наш любимый городок, как выбирали первую однокомнатную квартиру, как спали на полу, а ели на единственной табуретке.

Я все это слушала, и мне хотелось плакать. Он никогда о таких вещах не говорил раньше, он считал это смешным. Для меня стало открытием, что он все это помнит.

В какой-то момент комната наполнилась посторонними звуками. Это был звук аппарата искусственной вентиляции легких. Мехи работали равномерно, имитируя вдох и выдох. Где-то рядом монотонно пищал монитор сердечного ритма.

Постепенно к звуку прибавились ощущения. Руку сжимала манжета, а к груди были прикреплены присоски ЭКГ. В горле явно ощущался посторонний предмет, который было

невозможно оттуда вытолкнуть, а тем более кашлянуть.

Я сжала Славкину руку сильно-сильно. Мне хотелось говорить с ним, но я не могла. Его аромат был таким близким, он перебивал въевшийся в мой мозг за неделю поисков болыничный запах. Я попыталась пошевелить ногами, но у меня не получилось.

А Слава все говорил и говорил. Он сам с собой смеялся, сам себя в чем-то убеждал, как будто и не надеялся уже на мой ответ. Внезапно он задал мне вопрос, от которого я пришла в ярость:

– Если ты умрешь, как я буду без тебя жить? Я тоже тогда умру. Мне мир без тебя не нужен.

«Дурак, а как же дети? Ты о них подумал? Да и с чего ты взял, что я собираюсь умирать?»

Мне неистово захотелось его ударить. Я не хотела больше слушать его слова и попыталась проснуться. Я замотала головой, чтобы стряхнуть добрый сон, превратившийся в кошмар. Я открыла глаза и увидела перед собой... его.

Я не сидела на кровати, а почему-то лежала на ней. Слава сидел возле меня, смотрел в окно и говорил. Я была ошарашена. Откуда он здесь? И почему он меня не разбудил? Я попыталась окрикнуть его, но не смогла. Попыталась выдернуть свою руку из его ладони, но тоже не смогла. Я вспомнила, что хочу сделать вдох и захрипела.

Слава вскочил на ноги, всплеснул руками и заплакал. Он нажал на кнопку вызова персонала в изголовье моей кроватки.

ти, сжал мою руку, целовал мое лицо и плакал.

Мой Слава рядом. Он рядом. Я не могла в это поверить. Все закончилось! Я его нашла! Но почему я не могу шевелиться? Зачем за меня дышит аппарат? Я ничего не понимала. В палату набежало невообразимое количество человек. Славу оттеснили к стене. Из моего горла вытащили интубационную трубку и я, наконец-то, смогла вдохнуть самостоятельно.

Доктор разговаривал со мной, задавал вопросы и просил моргнуть в знак согласия. И я моргала. Да, я помнила, как меня зовут, я знала, сколько мне лет и сколько у меня детей. У меня нестерпимо кололо все тело, как будто я его отсидела целиком и снова нестерпимо болела голова.

Не помню, сколько прошло времени, но врачи ушли. Слава снова сел возле моей кровати. Он смотрел на меня во все глаза и повторял: «У меня получилось! Ты вернулась. Я смог!»

Слава рассказал мне что, в пятницу вечером вернулся с работы, поужинал, взял сумку с вещами и поехал к детской площадке. Он видел, как Анечку столкнули сверху, видел, как я ее поймала и поскользнулась. Он видел, как я упала и не поднялась. Когда он подбежал, вокруг меня уже были люди, они вызвали скорую, попытались успокоить ребятишек. Скорая приехала относительно быстро. Они погрузили меня

на носилки и повезли сразу в Красноярск. А он с детьми поехал следом. Ребятишек завез маме, а сам вот уже неделю не отходит от меня.

Я очень долго не могла осознать, где была грань между реальным миром и миром, в котором я прожила неделю. Как только ко мне вернулся голос, я позвонила маме и просила у нее прощения за все те слова, поступки, которыми я отравляла её жизнь долгие годы, совершенно не осознавая это. Еще много раз я буду просить у нее за это прощения. Хотя я точно знаю, что она меня давно простила.

Я попыталась в подробностях рассказать Славе все, что произошло со мной, пока я лежала в коме. И оказалось, что моменты сна были на самом деле моментами частичного возвращения к сознанию.

Новый год я встретила в палате. Слава с ребятишками нарядили мне маленькую елку. Получилось очень красиво. Подниматься я по-прежнему не могла, но доктор сказал, что это скоро пройдет. Мне неделю не давали смотреться в зеркала, но я же не маленькая, прекрасно понимала, что мое лицо один большой синяк.

Сына мы называли Александр, в переводе с греческого – опора и заступник. Он боролся за меня, вместе со мной.

Я и раньше любила новогодние праздники, а теперь у меня есть еще один повод их любить, ведь с тех пор, у меня два дня рождения. Один в июне, а второй в декабре. И если честно, я больше люблю второй, ведь если вести отсчет от

него – я значительно моложе!

Милые читатели! Я поздравляю Вас с наступающими праздниками: Новым годом и Рождеством. Желаю Вам добра и мира, счастья и благополучия. Желаю, чтобы ваши любимые авторы писали хорошие книги, а вы получали огромное удовольствие от их прочтения.